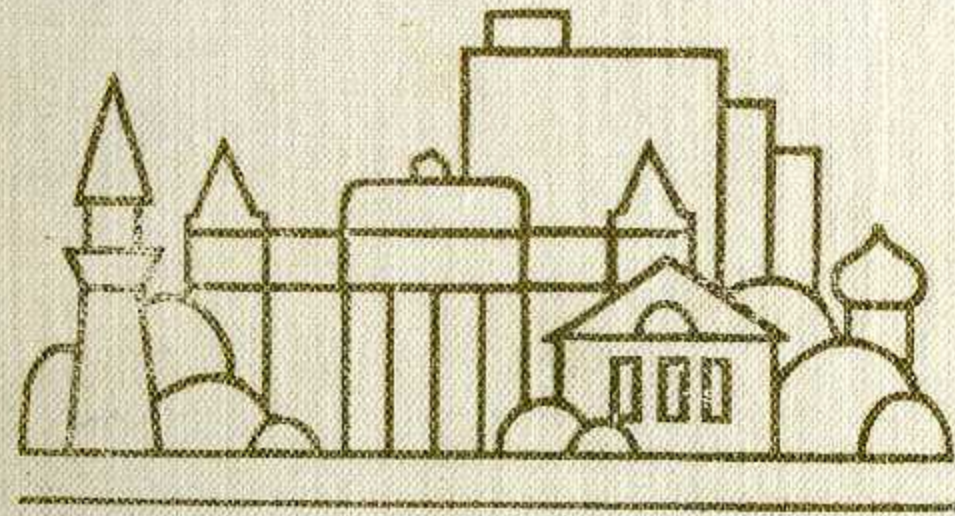

В.В. ДОРОФЕЕВ

НАД
УРАЛОМ-РЕКОЙ

В.В. ДОРОФЕЕВ НАД УРАЛОМ-РЕКОЙ

ББК 63.3(2Р36)
Д69

Рецензент — Б. Ф. Егоров,
профессор, доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института истории СССР,
член Союза писателей СССР

От автора

Оренбургу в 1993 году исполнится 250 лет. Он внесен в список исторических городов и населенных пунктов РСФСР. Мне хотелось, чтобы человек, проходя по его улицам, не скользил равнодушным взором по зданиям, скверам и площадям, а заинтересованно вглядывался во многие из них и видел тяжелый труд рабочих людей и солдат, усилиями которых основывался и рос город-крепость, видел славную историю революционного Оренбурга, испытывал гордость за сегодняшний день родного города. Ради этого и написана книга.

Не моя мысль: без прошлого нет настоящего, без настоящего не бывает будущего. Но именно она руководила мною, когда работал с архивными документами, изучал старинные планы и чертежи, труды дореволюционных и советских историков об Оренбурге. Читателю, конечно, судить, как удалось выявить связь времен в книге, насколько она возбуждает интерес к прошлому, настоящему и будущему Оренбурга.

Рассказывая о застройке города, я стремился быть предельно точным, опираясь на документы. Однако не по всем вопросам, освещенным в книге, обнаружено было достаточно документов, иногда их вообще не удалось

Д $\frac{4902030000-051}{M162(03)-88}$ 69-88

ISBN 5-7688-0070-0

© Южно-Уральское
книжное издательство, 1988.

найти. Поэтому кое-что в работе носит предположительный характер. Возможно, найдутся новые материалы, которые позволят прийти к иным соображениям и выводам. Во избежание перегрузки книги ссылки на источники даются в примечаниях только в случаях, которые представляются более существенными, или если высказываемые положения значительно расходятся с устоявшимися в краеведческой литературе.

Работе над книгой благоприятно способствовало постоянное общение с покойным ныне профессором П. Е. Матвиевским, светлая память о котором в моем сердце. Считаю своим долгом поблагодарить сотрудников Оренбургского госархива и городского архитектурно-планировочного управления за помощь в исследованиях.

ФОРПОСТ

«Известная» экспедиция

Высоко на горе над Яиком близ устья быстрой и прохладной реки Сакмары весной 1743 года начал строиться город, имя которому «Оренбург» дано было еще за 9 лет до его настоящего рождения. Чтобы лучше представить себе, как и почему именно в этих местах и в это время возник город — центр обширного края, нужно немного заглянуть дальше в историю.

В ходе исторического развития России освоение этого края было закономерным явлением. Истоки его уходят в глубь веков, совершенно четко прослеживаясь, во всяком случае до середины XVI века. Освоение края могло начаться немного раньше или позже, но должно было произойти. Не будет преувеличением сказать, что это стало неизбежным особенно после преобразований петровского времени, когда Россия твердо встала в один ряд с главными мировыми державами, когда осуществление политики меркантилизма требовало расширения и укрепления торговых связей, значительно развилась промышленность, а металлургия, в частности, настолько, что к исходу первой четверти XVIII века страна стала вывозить металл, в то время как в начале века она его еще ввозила. Поводом к началу освоения края послужило добровольное присоединение Казахстана к России.

С незапамятных времен степные просторы между Уральскими горами и Каспийским морем служили естественными воротами, через которые кочевые народы продвигались с востока на запад. В свое время прошли здесь гунны, авары, печенеги, половцы, монголо-татарские полчища. Долгое время кочевали тут ногайцы, пока их в XVII веке не вытеснили калмыки, остановившиеся затем в междуречье Волги и Яика. В конце XVII и начале XVIII века пришли сюда казахи, теснимые с востока воинственным государством джунгар. Социально-политические условия жизни казахов и обусловили возникновение Оренбурга именно во второй четверти XVIII века.

Яик стал юго-восточным рубежом России еще в конце XVI века, но граница была лишь номинальной. За исключением Яицкого городка и Гурьева ни русских, ни каких-либо других поселений до XVIII века здесь не было. Лишь при Петре Великом, когда, говоря словами А. С. Пушкина из «Полтавы», «Была та смутная пора, когда Россия молодая, в бореньях силы напрягая, мужа-ла с гением Петра», развитие страны привело к тому, что стала ощущаться потребность расширения связей с Азией. Проявлением интересов в этом направлении явилась трагически закончившаяся экспедиция Бековича Черкасского в Среднюю Азию. Одной из ее целей было склонение Хивинского хана в русское подданство. Отвлечение сил на Западе и на Юге не дало Петру возможности самому выполнить задачу развития экономических связей с восточными странами, хотя он стремился к этому и намечал путь решения ее, говоря во время персидского похода в 1722 году: «Киргиз-кайсацкая орда всем азиатским странам и землям... ключ и врата». Задача эта решена была уже после смерти Петра, и решали ее «птенцы гнезда Петрова» — люди, выдвинувшиеся при нем, воспринявшие его идеи.

В 1730 году хан младшего жуза, или Малой орды,

Абулхаир обратился с просьбой о принятии его с народом в российское подданство. Он обращался уже в третий раз. Ранее, в 1718 году, переговоры не были доведены до конца; в 1726 году правительство посчитало невыгодным предоставлять казахам российскую протекцию. На этот раз просьба была удовлетворена, и 19 февраля 1731 года императрица Анна Иоанновна подписала жалованную грамоту о принятии в российское подданство киргиз-кайсаков¹, как тогда называли казахов Младшего жуза. В этой связи и родилась мысль об основании города на Яике. Она принадлежала Ивану Кирилловичу Кирилову — одному из «птенцов гнезда Петрова». Происходил он из посадских людей, окончил цифирную школу и начал свою служебную карьеру подьячим Сысского приказа, откуда был переведен в Сенат на должность копииста. Здесь он обратил на себя внимание Петра, который сделал его своим секретарем. И. К. Кирилов не ограничивался простым исполнением своих служебных обязанностей, он живо интересовался различными науками, особенно геодезией и картографией, и принадлежит к числу выдающихся русских географов первой четверти XVIII века. Отсутствие систематического образования не помешало ему объединить работы картографов, руководя топографическими съемками России. Он составил план издания атласа России и в 1734 году опубликовал первый выпуск «Атласа Всероссийской империи». В 1727 году И. К. Кирилов завершил работу над первым систематическим экономико-географическим описанием России, одним из важнейших источников для изучения народного хозяйства России петровского времени — трудом «Цветущее состояние Всероссийской империи». При ряде недостатков он «был великий рачитель и любитель наук».

¹ ПСЗ, том VIII, № 5704.

Через возглавлявшего ответное посольство переводчика коллегии иностранных дел А. И. Тевкелева (он же Кутлу Мухаммед Мамешев) Кирилов внушил мысль об основании города хану Абулхаиру, и тот официально попросил об этом русское правительство. В своем проекте под названием «Изъяснение о Киргис-кайсацкой и Каракалпакской ордах», который Кирилов подал в кабинет Анны Иоанновны весной 1734 года после возвращения Тевкелева из орды, он пишет: «...Но всего лутче, что [с моих слов, как я с ним — то есть Тевкелевым — до поезда его разговор имел] по представлению Тевкелева желает Абулхаир-хан российскую крепость близкую к его владению построить, от которой себе защиты надеется, нам же явная польза и всего намерения фундамент есть...»¹.

Выражая чаяния Петра Великого, И. К. Кирилов хотел проложить торговые пути к среднеазиатским и восточным рынкам. Он обосновал необходимость строительства нового города при устье реки Оръ (тогда Оръ) и стремился показать его значение в развитии экономических и политических связей с Казахстаном, Средней Азией, Каракалпакией, Восточным Туркестаном и Индией. По его мнению, место, выбранное для города, было «во всем изобильное», и дорога к Аральскому морю и дальше более удобна и безопасна, чем хивинская дорога через Астрахань, которая использовалась для торговых связей.

Проект Кирилова был одобрен Сенатом, и 1 мая 1734 года дана «всемилодивейшая апробация», где говорилось о постройке города на Ори, обеспечении строительства рабочей силой, финансировании экспедиции, включении войсковых подразделений и т. д. Последний пункт гласил: «ко отправлению выше из-

¹ Добромислов А. И. Материалы по истории России. Т. 1. Оренбург, 1900, с. 18.

ложенных всех дел определить обер-секретаря Ивана Кирилова и с ним быть мурзе Алексею Тевкелеву, которых туда отправить немедленно и дать полную инструкцию и указы, а сколько каких людей надобно отсюда и из Москвы, о том донести». Подробная инструкция, включавшая и устройство пристани на Аральском море, была дана 18 мая. В тот же день Кирилов был пожалован в статские советники, а Тевкелев произведен в полковники. Одновременно Кирилов получил указ о больших полномочиях, беспрекословном выполнении всеми военными и должностными лицами его приказов и оказание ему всяческого содействия. В довершение будущему городу 7 июня Анной была подписана «Привилегия», скрепленная также подписями А. Остермана, П. Ягужинского, князя А. Черкасского. Именно в этот день город получил официально свое имя.

Необходимо сказать несколько слов о происхождении названия города. Толкование урбонима Оренбург вызвало споры с самого начала. Принято выводить его от реки Оръ, на этом настаивал и П. И. Рычков¹. Однако выведение названия Оренбург только от первичного топонима Оръ не совсем убедительно. Слово составлено по продуктивной тогда модели, где вторым компонентом является немецкое «бург». В первой же части оказывается два лишних звука (ен) или по крайней мере один (н), то есть должно быть Оръбург, или правильнее даже Орбург, поскольку название этой реки сначала писалось с твердым знаком. Сочетание (рб) не выходит за нормы языка (например, верба). Можно допустить и Оребург, даже Орибург, но наличие «н», совершенно необъяснимо, если исходить из вышеупомянутого толкования. Если же учесть, что Оръ ассоциируется с немецким Ор — ухо и что в годы царствования Анны иностранцы имели значительное политическое

¹ Рычков П. И. История Оренбургская. Оренбург, 1896, с. 1, 2.

влияние, а город должен был стать форпостом, состав слова становится ясен: множественное число от Ор — Орен+бург, в полном соответствии с правилами немецкого словообразования. Должно быть, первичный топоним составил основу, а сходство с немецким определило форму «Оренбург». Таким образом, этимология урбонима Оренбург представляется имеющей двойственную основу.

В задачи экспедиции, которую сначала в целях обеспечения секретности называли не Оренбургской, а «известной», входило не только основание главного города, крепостей и других пунктов для защиты юго-восточной границы, почти 200 лет до того остававшейся почти открытой. Она должна была исследовать и описать малоизученные территории Южного Урала, казахской степи, их природные богатства, изучить историю, культуру, обычаи живших там народов. Одной из областей, на которую прежде всего обращалось внимание экспедиции, был Урал с его полезными ископаемыми, судоходными реками, лесными богатствами, где следовало наметить места основания заводов.

В числе главных практических целей было налаживание торговли с азиатскими народами, и в конечном итоге подготовка включения Средней Азии в состав Российской империи. Но независимо от целей, которые ставил царизм, проникновение в Среднюю Азию и освоение территории огромного края, занимавшего в 1758 году около двух миллионов квадратных километров, было по отношению к народам, которые населяли эти земли, явлением прогрессивным. Это отмечал Ф. Энгельс, говоря, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку»¹.

Основная часть экспедиции во главе с Кириловым

отправилась из Петербурга уже 15 июня, сначала водным путем. Остальные выехали на две недели позже. В Москве, куда Кирилов прибыл 29 июня, экспедиция была доукомплектована. Всего набралось около 200 человек. В нее вошли военные, инженеры, геодезисты, моряки и судовые мастера, канцеляристы, переводчик, художник, историограф и ботаник, бергпробир, хирург, аптекарь, несколько студентов Славяно-греко-латинской академии. На должность бухгалтера экспедиции назначили Петра Ивановича Рычкова, ставшего позже крупным разносторонним ученым, первым членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

Из Москвы экспедиция отправилась водным путем в Казань и оттуда в Уфу, куда Кирилов, ехавший сухим путем, и прибыл 10 ноября. Здесь остановились зимовать, готовясь к весеннему походу, сюда прибывали и войска. Экспедиции были приданы 10 рот Пензенского полка, 3 роты формируемых оренбургских драгун и иррегулярные войска, среди которых было 150 уфимских и 100 яицких казаков. Всего насчитывалось более 2500 человек.

«Трижды зачатая, единожды рожденная твердыня»

В апреле 1735 года «известная экспедиция» выступила из Уфы к устью Ори. Путь ее лежал на юг вверх по долине реки Белой, затем вниз к урочищу Красная гора на Яике и отсюда вверх по его течению к устью орскому. На место прибыли лишь 6 августа, пройдя путь около 700 верст. Такое медленное продвижение объясняется задержками из-за поднятого башкирскими феодалами восстания. Они не хотели основания города и строительства крепостей, так как видели в упрочении русской администрации на юго-востоке страны угрозу своим привилегиям.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е. Т. 27, М., 1962, с. 241.

После соответствующей подготовки 15 августа 1735 года была заложена небольшая крепость недалеко от устья. Об этом событии в Сенат рапортовали: «Августа 15-го Оренбургская первая крепость купно с цитаделью малою на горе Преображенской заложена и следует работа с поспешностью». Крепость была «о четырех бастионах» незначительных размеров: 145 на 120 саженьей, не считая выступов по бастионам, что в метрах составляет 309 и 256 соответственно. Вместе с цитаделью с севера на юг ее протяженность была немногим более полукилометра. Со словом «цитадель» связано представление о чем-то мощном, неприступном, здесь же ничего подобного не было. Оградой цитадели служила небольшая насыпь с частоколом общей высотой около двух метров. В крепости было двое ворот: на север, в сторону Яика, и на запад. 30 августа в нее уже ввели солдатскую команду, а на следующее утро установили артиллерию. Это, разумеется, не значит, что за такой короткий срок все было закончено. Ров, например, далеко не достигал проектного профиля, во многих местах его не было совсем; крепостная ограда носила временный характер. Поспешность диктовалась необходимостью: до зимы оставалось мало времени, и надо было иметь хоть какой-то оплот.

31 августа, то есть в тот же день, когда утром в первой крепости установили артиллерию, «при Яике и устье Орском» торжественно заложили «настоящий Оренбург о девяти бастионах по ситуации места регулярно при выстреле из тридцати одной пушки», — пишет П. И. Рычков. Расстояние от его центра до первой крепости составляло около двух километров, диаметр равнялся почти километру. Планировка решена по радиально-кольцевой схеме с центральной площадью, что вполне соответствовало господствовавшему принципу регулярности. В церемонии закладки принимали участие киргиз-кайсаки Младшего и Среднего жузов, башкиры и

другие. Присутствовал сын Абулхаира султан Ералы, были также купцы из Ташкента. И. К. Кирилов пригласил азиатских и российских купцов на следующий год на торг в новый город Оренбург. Таким образом, сразу выявились обе основных функции города: быть оплотом новой пограничной линии крепостей, которую начинали создавать, и служить центром хозяйственно-политического общения с Востоком. Расположение города на левом берегу Яика подчеркивало, что крепость должна служить защитой казахам.

Постройку девятибастионного города-крепости отложили до следующего года, чтобы первую крепость «возможным образом утвердить». На следующий год помешало разраставшееся восстание в Башкирии. Так «настоящий Оренбург» никогда и не был начат постройкой на Ори, поскольку инициатор этого дела И. К. Кирилов вскоре, 14 апреля 1737 года, умер.

Из первой крепости позже развился город Орск, сейчас «старый город». На горе, где теперь колокольня, и была маленькая цитадель. Гарнизону крепости пришлось перенести тяжелейшую зимовку 1735—1736 годов, когда он выжил лишь ценою отправки части людей почти на верную смерть от голода и мороза: из 773 человек в пункт назначения — Сакмарский городок — пришло только 223 человека.

На место умершего И. К. Кирилова был назначен Василий Никитич Татищев. Он именовался уже начальником комиссии, как стали называть Оренбургскую экспедицию. В. Н. Татищев — выдающийся русский ученый, способный администратор, автор «Истории Российской», разносторонний специалист, участник ряда кампаний в северной войне, раненный в Полтавском сражении, проявил себя во многих отраслях деятельности. До своего назначения начальником комиссии он был начальником уральских горных заводов. В. Н. Татищев, знакомый с делами экспедиции раньше, не раз-

делял взглядов И. К. Кирилова по ряду вопросов. Не одобрил он и выбора места для главного опорного пункта создаваемой линии крепостей. Оно было отделено от других русских городов большими горами и очень удалено. Вопрос о строительстве города на Орском устье отпал сразу же по его приезде в Самару, куда еще осенью 1736 года из Уфы был переведен весь состав экспедиции. Он узнал, что сама местность, где заложен город, низменная, затопляемая в половодье, место бесплодное и безлесное. Поскольку сам город был только заложен, а «ничем еще не основан», то есть ничего построено еще не было, и не было затрат, можно было основать его в другом месте. Поэтому он отправил одного из инженеров, инженер-майора Ратиславского, в Сакмарск и на урочище Красной горы, о котором ему сообщили, что оно удобно для постройки города. Еще до личного осмотра как старого, так и предлагавшегося нового места Татищев послал в Петербург донесение с изложением своего мнения, вместо бодрых кириловских реляций пошло сообщение совсем другого тона. Надо сказать, что Кирилову инженеры говорили о неудобствах места, «да слушать не хотел», — замечает Татищев. Нельзя не согласиться с А. Г. Кузьминым, автором книги о Татищеве (ЖЗЛ), что Кирилов «воспринимал действительность в радужных тонах, даже если к этому было не слишком много оснований». Отсюда и некоторая легковесность проекта устройства главного города в устье Ори, то есть там, откуда путь в Среднюю Азию ближе, малое внимание к отрицательным моментам этого выбора.

На устье Ори Татищев прибыл только летом следующего года. О том, какой он увидел первую Оренбургскую крепость, сказано так: «По прибытии моем здешнюю крепость нашел я в ужасном состоянии: оплетена была хворостом и ров полтора аршина, а сажень на 50 и рва не было, так что зимою волки в городе лошадей

поели». Татищев немедленно принял меры и крепость была «регулярною земляною работою и ровом уфортифицирована».

По пути к Орскому месту Татищев осматривал местность у Красной горы. Здесь было два предложения. Англичанин, находившийся в составе комиссии как математик и астроном, морской капитан Джон Эльтон предлагал место под горой. Оно было признано слишком тесным для будущего города (необходимо здесь заметить, что позже Эльтон вступил в персидскую службу на Каспии, вредил России). Инженер-майор Ратиславский предлагал строить по склону горы, что было также неудобно, хотя, с оборонительной точки зрения, и выгодно. Татищев выбрал третье место, на некотором расстоянии от горы. Часть его занимает сейчас село Красногор, Ратиславскому было поручено снять план местности, для того чтобы приступить к проектированию.

В начале 1739 года В. Н. Татищев, получив разрешение, отправился в Петербург, где подал в кабинет обстоятельные представления по устройству края. Среди них одним из главных было строительство Оренбурга у Красной горы. С предложениями Татищева согласились, но его самого удержали в столице для проведения следствия по доносам, где его обвиняли в злоупотреблениях. Он был отстранен от должности, и в июне 1739 года начальником Оренбургской комиссии был назначен генерал-лейтенант князь В. А. Урусов.

Что касается В. Н. Татищева, то для него дело окончилось более или менее благополучно, в том смысле, что его не осудили, несмотря на предвзятость мнений большинства членов следственной комиссии. С середины 1741 года он возглавил калмыцкую комиссию, и с этого же года исполнял обязанности губернатора Астраханского края. По-настоящему он так и не был оправдан.

20 августа 1739 года вышел указ, где было сказано: «Город Оренбург строить на изысканном месте вновь

при Красной горе, ...прежний Оренбург именовать Орская крепость»¹. Таким образом, нареченный Оренбургом город на устье Орском никогда не был построен, даже никаких строительных работ, очевидно, не произвели. Название же города носила четыре года только первая небольшая крепость.

Прибыв в Самару, князь Урусов сразу стал принимать меры к тому, чтобы начать строительство Оренбурга летом 1740 года, «чего для при Красной горе принадлежности... осенью и в зиму приуготовлять было велено», с тем чтобы весной, выступив из Самары, основать город.

События, однако, помешали этому. Восстание в Башкирии не затухало; и, уже выступив в оренбургский поход, Урусов получил с курьером указ из военной коллегии, чтобы «ему генерал-лейтенанту, — как пишет П. И. Рычков, — оставя оренбургский поход, со всею командою итти прямо на воров башкирцев и так единожды усмирить, чтоб впредь к замешаниям никакой искры от них не осталось», что он и учинил. Он подавлял восстание с чрезвычайной жестокостью. В одном Сакмарском городке, где производилось следствие над частью повстанцев, было казнено 170 человек, более трехсот человек наказали кнутом и «урезыванием носов и ушей для публичного знака». Происходило это в последних числах сентября, и для строительства города времени уже не оставалось. За все лето Урусов всего один раз побывал на месте предполагаемого строительства, чтобы осмотреть его, и то проездом, не пробыв у Красной горы даже полного дня. Это было в конце июня, он приказал тогда снять план ситуации и составить проект, чтобы потом можно было все обсудить.

Проектов строительства в 1740 году было два (позже добавился еще один). Для места, одобренного

В. Н. Татишевым, проект планировки выполнили инженер-прапорщик Димитрий Тельной и архитектор Лейтгольд. Проект интересен потому, что позже оказался близок к осуществлению, кроме того, он представлял собой своеобразный переход от планировочного решения города на устье Ори к планировке настоящего Оренбурга.

На чертеже (рис. 1) видно, что крепость оставалась 9-бастионной и почти круглой. Планировка же решена по прямоугольному принципу, тогда как на Орском устье применена была радиально-кольцевая схема.

В обоих случаях планировка отвечала принципу регулярности, который тогда господствовал, хотя радиально-кольцевая схема использовалась значительно реже. В проекте у Красной горы обращает на себя внимание особое расположение кварталов, благодаря которому значительно сокращается количество сквозных улиц. Сделано это, видимо, в оборонительных целях: кварталы на юго-западе и юго-востоке явно прикрывают часть улиц, что имело бы существенное значение для организации обороны внутри крепости в случае прорыва через вал. По центральным осям кварталы, перекрывающие улицы, делят город на три довольно изолированные, хотя и неравные части. Это также могло способствовать обороне. Искать иные причины такого планировочного решения вряд ли целесообразно, тем более, что по обычной прямоугольной схеме все улицы просто пересекаются под прямым углом, о чем свидетельствует регулярная планировка населенных пунктов той эпохи не только в России, но и в других странах. К такому решению проектировщики пришли, видимо, исходя из предыдущего плана. Возможно также и влияние проекта Петербурга (города-крепости на Васильевском острове) по варианту архитектора Д. Трезини, где такой прием используется. К юго-западу от города на холме со стороны Яика, до которого тогда было около полукиломет-

¹ ПСЗ, т. X, № 7876.

ра, предлагалось построить цитадель (на чертеже обозначена буквой «а»).

«Для заложения и строения» Оренбурга, кроме Тельного и Лейтгольда, других чинов и работников, командирован был и подполковник Ратиславский, который снова предлагал строить по косогору, поскольку место виднее и воздух чище. Тельной с Лейтгольдом настаивали на избранном Татищевым месте, обосновывая это в том числе и тем, что улицы будут ровными, земляную работу производить легко, там, где далеко от воды, можно устроить колодцы; на горе же больше песчаная почва, под ней камень — о колодцах, разумеется, и речи быть не могло. Проекты отправили в Самару, где комиссия по докладу Урусова определила строить город на месте, выбранном Тельным и Лейтгольдом, а на горе сделать цитадель.

Наконец, 1 августа 1741 года «при надлежащем Всевышнему Богу молебствии с пушечною пальбою» новый Оренбург был заложен. Здесь стоит заметить, что до этого в течение двух лет города с названием Оренбург теоретически совсем не существовало, хотя по привычке Орскую крепость и именовали еще так.

Работы начались, но споры между строителями не прекратились. Это привело к остановке начатых работ. Требовалось вмешательство главного командира, а Урусова не было уже в живых, он умер от цинги за 10 дней до закладки города. Временно возглавлять Оренбургскую комиссию поручили начальнику Башкирской комиссии генерал-лейтенанту Соймонову, которому ряд обстоятельств мешал разобраться в споре, а в феврале 1742 года он узнал, что новый главный командир уже определен.

Новый начальник комиссии, тайный советник Иван Иванович Неплюев, имевший также военный чин контр-адмирала, прибыл в Самару 26 апреля 1742 года. Это был незаурядный человек, способный администратор и

дипломат¹. Происходя из древнего обедневшего рода, Неплюев выдвинулся при Петре Великом, который говорил о нем: «В этом малом путь будет». До назначения в Оренбургскую комиссию он занимал несколько важных постов. После того как по возвращении в 1720 году из-за границы, куда его в числе 20 гардемарин посылали совершенствоваться в военно-морском деле, Петр сам экзаменовал его и присвоил чин лейтенанта галерного флота, он был оставлен надсмотрщиком на Адмиралтейских верфях. В 1721 году царь послал его в Константинополь дипломатическим резидентом, где он пробыл 14 лет. Когда Неплюев вернулся в Россию, его ввели в коллегия иностранных дел. С 1739 года он был губернатором в Киеве, а затем главнокомандующим Украины. Но после елизаветинского переворота он был арестован, так как был довольно близок с деятелями бывшего правительства, особенно с Остерманом, и участвовал в качестве одного из следователей в процессе кабинет-министра Волынского. Вскоре его, однако, освободили и послали устраивать обширный Оренбургский край.

По прибытии Неплюев в первую очередь занялся вопросом строительства нового города. Вникая в существо спора между строителями, он рассмотрел все планы и карты, как местности при Красной горе, так и других. Изучив все материалы, Неплюев пришел к выводу, что город лучше было бы строить не у Красной горы, а недалеко от устья Сакмары. Преимущества этого места представлялись ему в том, что оно расположено ближе к российским хлебным местам и находится в середине линий новопостроенных крепостей; кроме того, здесь было больше воды и леса.

Свои соображения Неплюев сообщил правитель-

¹ История дипломатии. Т. V. М., 1941, с. 282; Всемирная история. Т. I. М., 1954, с. 264.

ствующему Сенату. В этом районе было по существу два места, где можно было строить город. Одно — у Черноречья, другое — к востоку от устья Сакмары, где уже имелась основанная еще Кириловым небольшая Бердская крепость, отчего все место именовалось Бердск. Первое имело то преимущество, что от Самары его не отделяла водная преграда реки Сакмары, но зато по другую сторону Яика далеко простиралась затопляемая пойма, что затрудняло бы доступ с Бухарской стороны как во время половодья, так и после него. Этих недостатков не было у Бердского места, куда Неплюев прибыл во время летнего похода. После осмотра местности велено было артиллерии капитану Галофееву и инженер-прапорщику Тельному «оному городу план ситуации снять, также и прожект, как ему застроено быть, учинить».

Несмотря на эти приготовления, Неплюев направился для осмотра места при Красной горе, желая, очевидно, убедиться в правильности принимаемого решения. По дороге он наметил места будущих Нежинки и Вязовки, и 14 июля прибыл на Красную гору. Предпочтение было сделано Бердскому месту. У Красной горы, кроме уже упомянутых недостатков, было отмечено, что в проекте не только у Ратиславского, но и у Тельного с Лейтгольдом, далеко до проточной воды. От ближайших построек, не считая цитадели, оказалось бы около километра до Яика. Место было окружено стоячей водой. Кроме этих проектов существовал еще один, составленный, возможно, уже в 1742 году. Автор его Лука Галофеев¹. Отличие проекта в том, что хотя город и располагается по косогору, но около двух третьих застройки города находились бы не далее 600—650 метров от воды. Этот проект, по мнению Неплюева, имел «против учиненных первых прожектов» то преимущество, что «против онаго

¹ ЦГИАЛ, ф. 1399, оп. 1, д. 566, л. 1.

удобнаго прохода неприятель ни с какой стороны не имеет».

Прибыв затем в Орскую крепость, Неплюев собрал всех штаб-офицеров на совет, где окончательно было решено строить Оренбург при Бердском месте. Поэтому вскоре, 28 июля, в Петербург с планом и проектом был отправлен капитан Галофеев. Так окончилось строительство Оренбурга при Красной горе. Вместо города возникло село, первоначально крепость, занимающее сейчас юго-западную часть территории непостроенного города (рис. 1). При застройке, по-видимому, частично использовалась старая разметка, потому что направление улиц в основном совпадает с тем, что дано на проектном плане города.

План, посланный на утверждение, носил еще некоторые черты проекта Тельного и Лейтгольда при Красной горе: крепость была круглой¹. Планировка же получила дальнейшее развитие, приобрела большую стройность. Проект был утвержден императрицей Елизаветой 15 октября 1742 года резолюцией на докладе Сената, где в резюме говорится: «...при урочище Красной горы... города Оренбурга строить не надлежит, а ...надлежит оный строить ...при Бердской крепости»². Последнюю следовало перенести на новое место.

Весной 1743 года из Самары к месту строительства выступила команда, которую возглавлял генерал-майор фон Штокман. 19 апреля (30 по новому стилю) Оренбург был заложен там, где сейчас находится исторический центр города, «и с надлежащим молебствием и с пушечною пальбою». Место самой церемонии закладки не установлено, но она могла быть только в двух местах: или в самом центре будущего города, то есть в районе перекрестка нынешних улиц Ленинской и Советской, или,

¹ ЦГИАЛ, ф. 1399, оп. 1, д. 563, л. 1.

² ПСЗ, т. XI, № 8630.

что более вероятно, на высоком берегу над Яиком, откуда открывался вид на необозримые степные дали, да и само торжество можно было видеть издалека.

Так, наконец, был основан город, назначением которого было стать и твердыней и центром хозяйственно-экономического общения с народами Востока. История подтвердила правильность выбора, сделанного одним из «птенцов гнезда Петрова». Почти два с половиной века спустя Оренбург остается административным и хозяйственным центром обширной территории, и к тому же является важным узловым пунктом на пути в Среднюю Азию, причем первая железная дорога, напрямую связавшая центр России с ней, начиналась именно в Оренбурге.

«Уфортифицирован и снабден артиллериею»

Сразу после закладки Оренбурга началась интенсивная работа по строительству как города, так и крепости, причем последнюю следовало привести в обороноспособное состояние по возможности скорее. Для строительства согнано было довольно много людей разных национальностей, живших на территории края. Основную массу составляли тептяри и бобыли (тептярями в то время называли татар, которые жили в Башкирии, бобылями — крестьян чудеского племени, принявших татарский язык и мусульманство). Хотя не все наряженные на работу прибыли в срок и в должном количестве, в первый сезон особого недостатка в рабочей силе не ощущалось. Это позволило до наступления морозов насыпать вал и выкопать ров. Они, разумеется, были еще далеки от проектного профиля, но, как пишет П. И. Рычков, вал был «к тогдашнему защищению весьма довольным». Иногда совершенно неверно указывают, что уже к осени 1743 года Оренбург был окружен высоким крепостным валом. Как будет показано позже, чертежи говорят

другое, и вышеуказанные слова П. И. Рычкова, которые, по-видимому, и вводят в заблуждение авторов, нужно понимать как достаточную обороноспособность при случайных нападениях, а не осаде. Принимая во внимание длину вала (5743,5 метра) и общий объем его без бруствера при высоте валганга равной шести футам (20000 куб. метров с лишним), можно было бы только удивляться, если бы закончили вал за один сезон, ведь на земляную работу больше 1000—1100 человек вряд ли могли поставить, надо было строить и город.

Оренбург был крепостью бастионного типа. По проекту в целом она соответствовала своему времени и месту. В России XVIII века крепости делились на три группы по степени их совершенства, в зависимости от их расположения на западе, юге и востоке. Определяющим здесь был уровень военного дела у возможного противника. На западе, где противник имел регулярную армию, оснащенную первоклассной артиллерией, система фортификационных сооружений была достаточно сложной. Главный вал, прикрытый рavelинами и гласисом, поднимался над местным горизонтом иногда более чем на девять метров, или, употребляя специальную терминологию, командование главного вала составляло более девяти метров. На юге укрепления были мельче, главный вал ниже, так как регулярные армии были слабее и имели меньше артиллерии, чем на западе. И, наконец, на востоке, где у потенциального противника не было ни регулярной армии, ни артиллерии, считалось достаточным иметь только главный вал и ров, а командование главного вала обеспечить до 4,5 метра. Это не значит, что вспомогательные укрепления не проектировались, но без них, как правило, обходились. К этому можно добавить, что и гарнизоны по отношению к площади, которую надлежало защищать, были здесь значительно малочисленнее, чем на западе.

Оренбургская крепость имела 10 бастионов и два

полубастиона — укрепления с одним фасом и одним фланком. По проекту она была тринадцатибастионной и круглой. Строить же ее стали овальной, приблизив западную и восточную стороны. Вероятно, это сделано для улучшения обороны: западную сторону отодвинули от склона к пойме, чтобы перед валом простреливалось большее пространство. Восточную же переместили для симметрии, которую в этот период старались соблюдать во всем.

Расположение крепостного вала относительно современного города показано на схеме (рис. 2), прерывистыми линиями и цифрами отмечены перекрестки следующих улиц: 1 — Володарского и Кобозева, 2 — Володарского и 8-го Марта. Римские цифры на схеме — бастионы: I — Нагорный (полубастион), II — Торговый, III — Бердский, IV — Провиантский, V — Воскресенский, VI — Губернский, VII — Галофеевский, VIII — Фонштокманский, IX — Никольский, X — Неплюевский, XI — Преображенский (полубастион)¹.

Часть названа по близлежащим церквям или улицам. Нагорный полубастион находился на самом высоком месте западной стороны крепости. Этот бастион позже пытались переименовывать в Воскресенский, а тому в свою очередь дать другое название, но переименование не прижилось. Бердский бастион назван по расположению около бывшего западного конца Бердской крепости; в Провиантском были провиантские склады. Торговый бастион, возможно, носил свое имя в связи с расположением около дороги и ворот, где в Оренбург проезжали с Бухарской стороны восточные купцы.

Вал по первому проекту имел высоту в среднем 12 футов — более 3,5 метра, по низким местам он был выше,

¹ П. И. Рычков в «Топографии Оренбургской» (1762 г.), видимо, сделав описку, поменял местами названия последних двух бастионов; все планы без исключения дают названия так, как они приведены.

а по высоким — ниже, тем самым достигалась определенная его горизонтальность. Ров, окружавший крепость, проектировался глубиной 12 и шириной 35 футов, то есть более 10 метров, но ширина не была всюду одинаковой.

Сквозь вал вели четверо ворот. В первый период они в основном были однотипны. На севере, несколько метров севернее перекрестка улиц Советской и Володарского на стороне сквера, находились Самарские ворота, в 50-е годы они стали именоваться Бердскими, а затем и Сакмарскими. Оба последних названия некоторое время употреблялись наравне, пока окончательно не закрепилось «Сакмарские». Эти ворота были главными, через них проезжали из столицы, поэтому крепость здесь завершена была в первую очередь. На востоке вал прорезали Орские ворота. Сначала они были в конце куртины у Неплюевского бастиона (перекресток Ленинской и Студенческой улиц), что, строго говоря, противоречило правилам. Западные ворота назывались сначала Сакмарскими, в 50-е годы Чернореченскими, затем Самарскими, но закрепилось название «Чернореченские». На их месте теперь перекресток улиц Пушкинской и Бурзянцева. На юго-западе, чуть восточнее перекрестка улиц М. Горького и Бурзянцева, находились Яицкие ворота. Параллельно в народе они назывались и Водяными: это было самое низкое место крепости, и вода отводилась здесь из нее через трубу сквозь фас Торгового бастиона и по специальному водоотводу под проезжей частью ворот в большой ров и дальше по специальному рву в реку. В период таяния снега и в дождь около этих ворот должно было скапливаться много воды. Через эти же ворота провозили и воду, но возили ее и в других местах, и не это, должно быть, определило народное название. Все ворота были каменными и сводчатыми. Воротные мосты были в XVIII веке деревянными. На рисунке показаны Яицкие ворота по чертежу 1760 года. Они

имели следующие приближенные размеры: высота проема — 3,6 метра, ширина его — 3 метра, общая высота более шести метров. Интересен мост. Он с двумя люками в средней части. Расстояние между ними соответствует ширине ворот и могло служить меркой для повозок с грузом.

На южной стороне предполагалось брустверное укрепление от Преображенского до Нагорного полу-бастиона, включавшее редант — укрепление в виде выступающего наружу угла. Здесь проектировались пяты — Водяные ворота. Планировали также срезать под бруствером «крутость горы, коя из природного камня». Практически почти все осталось на бумаге, ибо особой необходимости в этом не было.

Первоначально вся ограда Оренбургской крепости проектировалась по профилю, показанному на чертеже под буквой «а» (рис. 3). Особенностью здесь является уступ на уровне местного горизонта, отделяющий эскарп рва от крутости вала. Уступ этот, называемый бермой, может быть горизонтальным или наклонным; он применяется и теперь у высоких плотин, железнодорожных насыпей и т. п. Назначение бермы — представлять упор для дерна, которым покрыта крутость вала; препятствовать размыву вала атмосферными осадками, тем, что стекающая вода задерживается, не приобретая слишком высокую скорость; предохранять ров от скатывающейся по крутости вала земли. По этому профилю была сделана северная куртина между Губернским и Галлофеевским бастионами. Находясь с парадной стороны крепости, она пользовалась особым вниманием. Уже в 1745 году ее западная половина на протяжении 33 сажень была совсем готова, тогда как весь остальной вал оставался еще бесформенным (черт. «б», рис. 3)¹. Профиль не мог быть сделан к этому времени потому, что,

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 150, л. 129.

судя по чертежам, объем отсыпанной земли достигал примерно трети необходимого, если за основу брать профиль упомянутой куртины. Ров почти всюду имел половину проектировавшейся ширины, и не был доведен до нужной глубины.

Такой темп работ объясняется не нерадивостью начальства и леностью рабочих людей, а появившейся острой нехваткой их. Весной и осенью свирепствовала цинга, за зиму и весну 1744 года от нее умерло 631 человек. О том, как нужны были люди и как мало их можно было получить, свидетельствует сенатский указ, где на 1746 год планируется в Оренбург для земляной работы 714 тептярей, бобылей, вотяков и черемис, из расчета по одному с 8 дворов. Кроме того, Казанский гарнизонный и драгунский полки, из двух других полков 200 человек, елдяцких казаков 21 человек, из бывшей Мочинской крепости 45 человек, «из которых рабочих людей и в прочие места, сколько от тамошняго (то есть Оренбурга) отлучить возможно будет, уделится». Цифры говорят сами за себя.

Для закрепления уклонов оборонительных сооружений употреблялся дерн и камень. Эскарп должен был нести каменную «одежду». Согласно правилам фортификации, каменная кладка не должна была подниматься до высоты, видимой неприятелю: все, что было выше, закреплялось дерном. Так, например, в Петербурге адмиралтейство, считавшееся крепостью, было окружено земляным валом, закрепленным дерном, что можно видеть на картине второй половины XVIII века в музее истории Ленинграда. Это правило не касалось укреплений, обращенных к морю, морских крепостей.

Ко времени основания Оренбурга в Европе закончился длительный период «между старой системой каменных стен и новой системой земляных укреплений, облицованных камнем только в тех местах, которые невидимы для неприятеля на расстоянии», как пишет

Ф. Энгельс в своей работе по фортификации. На этот период потребовалось «почти два века», говорит он там же, чтобы «убедить в преимуществе не покрытых камнем земляных укреплений»¹.

В Оренбургской крепости, однако, дерну предпочитали камень. Но это говорит, пожалуй, не о чрезмерной консервативности инженеров, а об особенностях местных условий. В сенатском указе от 28 сентября 1747 года «О строениях по городу Оренбургу...» об этих условиях сказано: «сия каменная работа пред дерновою, хотя с малым излишним трудом, но весьма прочнее и надежнее, и по состоянию тамошняго места всему городу преизрядный вид дает; к тому ж экспедициею апробовано, что тамошний дерн не годится, ибо года чрез два высыхает и обращается песком, чего для, в ломке и теске плитнаго камня с первым вешним временем ссыльные определены быть имеют».

Каменную одежду, пренебрегая вышеупомянутым правилом, собирались дать во всю высоту вала вместе с бруствером. Так была сразу же облицована первая куртина, так же лицевались в первые годы и другие участки вала там, где велись каменные работы. Оправданием нарушения правила может служить отсутствие артиллерии у потенциального противника. Каменная кладка не была толстой, всего около фута, но со связями, которые углублялись в земляной вал еще примерно на один фут. Под эту «одежду» закладывался небольшой фундамент на глубину около полутора футов, как у подошвы рва, так и на берме, которая тоже лицевалась.

О темпе работ можно судить по отчетам. В 1745 году, например, «эскарпа рва поднято камнем 146 сажень, да вала на одной куртине 33 сажени по профилю и с

¹ Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., 1958, с. 259, 266.

дерном камнем же подобрано», кроме того, «подобрано камнем со внутренней стороны целый бастион».

В 1748 году из главной канцелярии артиллерии и фортификации прислали и рекомендовали другой профиль, без бермы, другого наклона или заложения. И. И. Неплюев новый профиль не принял. К этому времени Оренбургская канцелярия на месте разработала другой профиль, тоже без бермы, и по нему лицевались бастионы по обе стороны северной куртины. Сама же куртина, несмотря на некоторую реконструкцию в дальнейшем, так и осталась до конца с бермой.

Автор капитального труда по фортификации в России 1725—1762 годов военный инженер генерал-лейтенант Ласковский, который, кстати, весьма невысоко оценивает «искусство» тех, кто проектировал и принимал первые профили Оренбургской крепости, пишет, что фасы вышеупомянутых бастионов были облицованы уже в 1747 году по профилю губернской канцелярии. Имеющиеся чертежи эту дату не подтверждают. Во всяком случае, левый фас Губернского бастиона еще в 1751 году оставался не облицованным вообще и имел берму. Каменную одежду, и довольно крутую, имел здесь только эскарп (профиль Е — Ж, рис. 4).

Некоторое представление о состоянии строительства крепостной ограды через 9 лет после закладки города дают профили по состоянию на май 1752 года. Литерами на плане (рис. 2) указаны участки, которые имели различные профили, часть из которых дана на чертежах (рис. 4).

По новому профилю губернской канцелярии завершены были участки вала Ж — З и И — К, то есть правый фас Губернского и оба фаса Галофеевского бастионов. Фундамент закладывался наклонно. Но в это же время в другом месте — на левом фесе Бердского бастиона (Г — Д), где к этому году каменную кладку вывели только до местного горизонта, фундамент начали закладывать

уже горизонтально. Это было единственным изменением, внесенным при И. И. Неплюеве в «сочиненную при Оренбургской губернии профиль» под влиянием присланной из центра. Куртина между Губернским и Галюфеевским бастионами была облицована вся. Таким образом «парадная» сторона крепости производила в это время достаточно внушительное впечатление на приезжающих из центральной России и из Башкирии, только ров здесь не был еще доведен до проектного профиля.

Остальная крепость была мало похожа на эту часть. Уже левый фас Губернского бастиона (Е — Ж) имел совсем иной вид. Весь участок Д — Е носил примерно такой же характер, только совсем без каменной одежды. Участок от А до Д мало отличался от приводимого профиля А — Б, нигде не было еще бруствера, лишь на упомянутом фесе Бердского бастиона велась каменная работа во рве. Обо всей остальной крепостной ограде достаточно красноречиво говорит третий профиль (К — Л, М — А).

Позже, вероятно в начале 1760-х годов (план, к сожалению, не датирован), присланный из центра профиль все-таки применили. Сначала отлицевали по нему левый фланк Неплюевского бастиона, то есть вал рядом с Орскими воротами. Наличие ворот в непосредственной близости от этого места и определило, по всей вероятности, выбор участка, поскольку прослеживается тенденция прежде всего производить впечатление на въезжающих, взгляду которых остальная крепость могла остаться недоступной. По этому профилю начали понемногу лицевать крепость с западной стороны. Но, судя по результатам, крепостные работы все более и более запускались, и к началу Крестьянской войны 1773—1775 годов крепость была не в лучшем состоянии. Надо сказать, что в проектах недостатка не было. По мысли генерал-майора фон Эттингера, крепость надлежало сомкнуть со стороны Яика при помощи двойной ограды, а в сторону

возвышенности на северо-востоке добавить рavelин перед куртиной между Фонштокманским и Никольским бастионами. Несколько иной проект предлагал генерал-майор Дебоскет. Может быть, на производство работ отрицательно влияла частая смена губернаторов. После Неплюева за десять лет с 1758 по 1768 год их было трое: Давыдов (1758—1762), Волков (1763—1764), князь Путятин (1764—1768).

Город

Одновременно с крепостью начато было и строительство города. Оно шло по «регулярному» плану, то есть Оренбург был спланирован по новым принципам строительства и реконструкции населенных пунктов, начало которым было положено при Петре Великом. Эти принципы были четко сформулированы и обязательны при строительстве новых городов, крепостей. Они предусматривали единовременность планирования и осуществления плана, геометрически правильную планировку, преимущественно по прямоугольной сетке, обязательное наличие центральной площади с административными учреждениями, симметричное размещение комплексов зданий и ряд других особенностей. Готовый план обычно «привязывался» к рельефу местности, что часто приводило и к неудачным решениям. Это было стандартно-типовое планирование; на Южном Урале, например, все крепости строились прямоугольными в плане.

Благодаря своему ведущему значению, Оренбург строился по плану, разработанному на месте, в основу которого легли те же принципы, но примененные более гибко. Так, административный центр расположили не на главной площади, а у реки, в начале главной улицы, что совпадало со старинным размещением центра русских городов; нет полной симметрии в размещении

торговой части. Это, по словам историка архитектуры Н. Л. Крашенинниковой, «придавало Оренбургу свой, ему одному присущий художественный образ»¹.

Особенность, однако, не только в этом. Анализ показывает, что принцип прямоугольной сетки тоже применен творчески, так что планировка органично сочетается с функцией крепости. Город ведь могли спланировать, просто пересекая улицы под прямым углом. Это полностью соответствовало бы регулярности, и многие города так и спланированы; но к Оренбургу подошли иначе, как это видно из схематического плана (рис. 2), отражающего застройку первых десятилетий, если не считать перенос Гостиного двора. План построен на двух взаимно перпендикулярных осях (современные улицы Советская и Ленинская) с центральной площадью на их пересечении. На осях построен прямоугольник улиц, почти опирающийся на овал крепости. Улицы прямоугольника имели рокадное значение, в случае осады они позволяли бы перебрасывать силы, не перегружая центр и пространство около вала. Первые их названия были Воскресенская, Казанская, Артиллерийская, Проезжая; сейчас это соответственно ул. Кобозева, Краснознаменная, 8-го Марта, М. Горького. Главные планировочные оси делили город на четыре сектора, каждый из которых можно было легко изолировать в случае необходимости. Свое дальнейшее развитие и завершенность получила здесь планировочная структура города у Красной горы. Число сквозных улиц сокращено до минимума. Улицы перебиваются кварталами уже не через одну, а сразу по две и даже три. Таким образом, при надлежавшей застройке, а она рекомендовалась в то время «сплошной фасадой», в любой части города достаточно было бы

¹ Крашенинникова Н. Л. Архитектурное наследие, № 21. М., 1973, с. 18.

5—6 заслонов, чтобы локализовать прорыв через вал. Локализации прорыва через ворота способствовало бы продольное по отношению к ним расположение кварталов. Главной причиной такого своеобразного решения планировки (аналога ей не найдено, исключая частный случай планировочной схемы у ворот) явилась, возможно, особенность потенциального противника кочевников. Основной силой их была конница, а действие ее ослабляется, если приходится поворачивать.

Весь комплекс особенностей дает право говорить об уникальности планировки города-крепости на Яике. В большей своей части она дошла до нас и является сама по себе памятником истории и культуры.

С градостроительной точки зрения интересен выбор направления улиц: ведь они могли быть спланированы и по-другому. Дело в том, что периферийные кварталы не могут быть по-настоящему симметричны, так как осевая улица расходится с осью овала крепости на 17—18 градусов, в то время как в XVIII веке общепринятым было симметрично-осевое построение планировочных систем. Поэтому можно было ожидать совпадения осей тем более, что рельеф не препятствует прокладке улиц в любом направлении. Но из-за отсутствия документов это можно только предполагать.

Когда утверждался проект, выбор направления улиц не играл роли в отношении симметрии, ведь крепость была круглой. Вероятно, главную улицу начали именно в этом месте потому, что здесь удобный выход на обрыв реки: западнее холм, а восточнее спуск более пологий. Направление же на северо-северо-запад определилось выходом ее между двумя средними по отношению к этой точке бастionsами — таким образом улица оказывалась осью симметрии. Крепость, однако, построили овальной, причем овал даже не совсем правильный. Но направления улиц менять не стали, возможно даже, что изменение формы крепости произошло на месте, когда раз-

бивка улиц была уже произведена. Как бы то ни было, но план решен удачно: за более чем 200-летний период принципиальных изменений в планировку внесено не было, что довольно редко. Кстати, благодаря такому решению, в городе не было окна, из выходящих на улицу, в которое никогда не попадал бы солнечный луч.

Регулярность отражалась не только в планировке города, но и в принципах его заселения, которое проводилось строго по плану. Кварталы или корпуса, как их тогда называли, расположенные вдоль главных осевых улиц — Губернской и Штабской (нынешние Советская и Ленинская), планировались под застройку казенными домами, а также домами чиновников, офицеров, казачьей старшины. В экспликациях к планам первых лет записано: «места, предназначенные под строение штаб- и обер-офицеров, також и других чинов, кои пред прочими лучше построить могут».

Основную часть населения города составляли военные — солдаты и казаки. В гарнизон поставили Пензенский полк, по нему и первое название современной Пушкинской улицы было Пензенская. Решили перевести сюда самарских и алексеевских казаков и дворян (Алексеевск в 24 верстах от Самары). Самара уже не нуждалась в них, прикрываемая новой линией крепостей по Яику. Планировались места и для уфимских дворян и казаков.

Строительство началось весной и велось все лето, так как к нему «самое наиприлежнейшее старание прилагалось», поэтому еще до морозов солдаты были помещены в теплые казармы. Для офицеров и чиновников Оренбургской комиссии также построили дома, часть из них носила временный характер, но П. И. Рычков пишет, что «каждый по состоянию своему без всякой нужды и утеснения пребывать мог». Неплюев в строящийся город приехал в начале августа, потому что еще в январе, отдав все необходимые распоряжения, отправился из

Самары в Уфу и дальше осматривать и устраивать укрепленную линию и новый край. Как опытный руководитель, он не отделял себя от остальных и жил как все. Об этом он сам пишет так: «а как во всяком случае лучший пример к снесению труда может подать командующий, то я сам в том месте жил в палатках до ноября месяца, имея только для дочери моей кибитку, а для себя обыкновенную землянку, каковыя и у последнего жителя были, и не прежде в построенный командирский дом вошел, как все жители в их дома, а гарнизон — в казармы».

К середине октября следующего, 1744 года, то есть к концу второго строительного сезона, застроенной оказалась значительная часть площади города, хотя обстоятельства не очень благоприятствовали этому: тяжелые условия вызывали болезни, не в срок и не в требуемом количестве прибывали наряженные к строительству люди.

Как и планировалось, к востоку от Губернской улицы, но без выхода на нее, селились казаки; исключение составляют южные кварталы, где строились артиллеристы. Это видно на схеме расселения (рис. 5), где план обобщен, и, кроме осевых улиц, дан только четырехугольник упоминавшихся улиц рокадного значения. На схеме, составленной по состоянию на 1750 год¹, кривой штриховкой показаны места расселения казаков, вертикальной — солдат, которые тоже строили свои дома, клеточкой — офицеров, чиновников и частично купцов, сплошным цветом — казенные строения, среди которых были как конторы, канцелярии, так и жилые дома губернатора и высших офицеров. Точками обозначены места расселения прочих, к которым отнесены так называемые «своекоштные», то есть не получавшие жалованья, а жившие на свой «кошт», и ссыльные, причем необходимо

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 27, д. 2442, л. 1, 2.

заметить, что среди них политических тогда не было. Отдельные вкрапления прочих встречались среди солдатских, но не среди казачьих домов, где поселилось только несколько священнослужителей; эта часть города так и называлась — «казачья слобода»¹. Последнее часто вводило и вводит в заблуждение авторов разных справочников, которые, считая, что имеется в виду слобода за городом, пишут, что якобы одновременно с городом с самого начала за валом строилась казачья слобода.

Всем строительством ведала контора строений, которая в первые годы помещалась в начале переулка, носящего теперь имя Каширина, на восточном его углу. По ней переулок вместе с его геометрическим продолжением назывался Инженерной улицей. Первым архитектором при ней был Лейтгольд в 1743 и 1744 годах, с 1746 года здесь работал Иоган Вернер Мюллер². Контора отводила места согласно плану, который, как уже было видно, отражал социальное неравенство того времени. Лучшие места отдавались более привилегированной публике, богатым людям. Кварталы вдоль осевых улиц были шириной в 30 саженей, в то время как другие имели в поперечнике 26 и 24. Таким образом, лучшие участки имели в глубину 15 и более саженей, а обычные только 13 или 12. Наиболее распространенными были дворовые места длиной по улице в 8 саженей. Казакам отводили иногда до 10, а солдатам наоборот иногда меньше, до 6. Ссылные, те, кому было разрешено поселение, получали еще меньше, часто только по 4 сажени. Офицерские же участки вдвое больше стандартных, а у казачьей старшины еще больше. Если обычный участок по площади составлял 4—5 сотых га, то у атамана Могутова, например, их 23, а у губер-

¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 150, л. 129.

² Крашенинникова Н. Л. Архитектурное наследство, № 24, М., 1976, с. 73.

ского секретаря П. И. Рычкова — даже больше 31 сотой.

Уже в 1744 году в самом центре города на площади, там, где сейчас музей, стоял «кабак симбирского купца Ивана Твердышева» и на другой стороне улицы дом, принадлежавший ему же. Имел купец этот более десятка металлургических заводов на Урале. С его легкой руки почти целый век это место оставалось связанным с питейным делом. Так по чину, званию и деньгам происходило первоначальное заселение Оренбурга.

Застройка началась со стороны набережной и близ ворот, кроме Самарских на севере, где сразу поставили только караульню и казармы. Такое распределение первых построек связано, вероятно, с желанием иметь на всякий случай людей поближе к наиболее уязвимым местам крепости. В казачьей слободе выделяются две группы кварталов: первая — по обе стороны Штабской улицы от Орских ворот и немного к северу от нее, вторая на севере, здесь уже ближе к другим, Самарским воротам.

Если казачья слобода росла сначала на север от малой оси, то армейский городок, в первое время преимущественно казармы временного типа, распроетранялся к югу от нее, но уже в западной половине города; в северном секторе построили только две казармы около Самарских ворот. Основная часть армейских построек располагалась между Сакмарскими и Яицкими воротами.

Еще одна группа кварталов идет по Губернской улице от набережной Яика. Здесь воздвигались губернские учреждения и дома «инженерных, медицинских и прочих по губернии состоящих служителей». К востоку в самой южной части появились «духовные чины», а чуть севернее их два квартала заполнили собственными домами артиллеристы; относительно современного города это между Южным переулком и самым началом ул. 8-го Марта.

В этот период сооружается ряд специальных зданий. Близ Торгового бастиона появляются госпиталь «из дикаго камня о шести покоях» и аптека «о восьми покоях и в ней материальной погреб», тоже из дикаго камня. В Бердском бастионе сооружают «острог для содержания ссыльных, а в нем 10 казарм», а неподалеку от него, вдоль куртины на юг, — конюшня на 300 лошадей. В Провиантском бастионе появляются «провиантские магазейны», то есть продовольственные склады, а около Преображенского полубастиона «материальной магазейн». Отдельно от всех построек, на месте современного сквера Осипенко, стоит первый Гостиный двор, сооруженный из плетня, обмазанного глиной. Но первой из всех специальных построек была законченная еще осенью 1743 года Успенская церковь. Она была деревянной, и поставили ее на высоком месте — в начале квартала между нынешними Дмитриевским и Южным переулками, последний вместе со своим геометрическим продолжением сначала назывался по ней Успенской улицей. В 1744 же году появляется уже вторая — «из дикаго камня при Пензенском полку церковь», возведенная на Штабской улице в районе современного Дома художника. Вообще все постройки этих лет были преимущественно деревянными.

В 1745 году заполнение пустых мест идет менее интенсивно: основной контингент был так или иначе размещен, а пополнение работными людьми шло с задержками; снова свирепствовала цинга. Направление застройки сохраняется, главным образом, заполняют начатые кварталы. Ничего принципиально нового не вносятся и следующие годы: планомерно застраиваются восточная и юго-западная части, а северо-западная вплоть до 1750 года почти пустует. Больше становится церквей: в 1746 году в казачьей слободе появляется Никольская близ одноименного бастиона, а при госпитале — Воскресенская, обе из дикаго камня. Строились они весьма

экономно, особенно последняя: через 12 лет она настолько обветшала, что священник жаловался: «Земля сыплется и от ветру церковь трясется, из четырех колоколов два расшиблены». Эта церковь, как и предыдущие, была фахверковой, и каркас оказался, по-видимому, слишком слабым. В этом же году рядом с Успенской закладывается первая церковь, которую строят фундаментально, — Преображенский собор. Это уже пятая за четыре года.

Обратим внимание на построенную в 1745 году на центральной площади каменную гауптвахту — здание «о четырех покоях» с деревянным куполом, на котором позже установили часы с боем и циферблатами на две стороны. Сколько это первое здание простояло, не вполне ясно. Сравнение планов города показывает, что оно и перестраивалось и меняло место в пределах небольшого квартала, занимаемого сейчас школой № 30. В этом же году около Никольского бастиона появился артиллерийский деловой двор, на набережной — дома губернатора и генерал-майора, оба из камня. На главной улице, к северу от Проезжей, по левой стороне, немного не доходя до современного магазина «Океан», строится из дикаго камня дом «о 5-ти покоях для приезжих знатных людей», фактически это первая гостиница Оренбурга.

Всего со времени закладки города и по 1746 год «построено казенных и разных чинов дворов 628», из них 419 к середине октября 1744 года уже стояло. К началу 1751 года почти совсем не застроенной осталась только самая северо-западная часть города. По отношению к современному городу это пространство приблизительно ограничивается, начиная от ул. Кобозева, Соляным переулком, улицами Кирова и Пролетарской.

В 1750-е годы в городе появляются крупные здания, часть из них дошла до нас, правда, не без изменений. Прибавилось, разумеется, церквей, они составляли осо-

бую заботу И. И. Неплюева, и, вероятно, не столько потому, что он, как пишут, был очень набожным, а потому, что православие было основной идеологической опорой самодержавия. В осваиваемом крае, где важно было привлечь к государственной религии так называемых «инородцев», это имело особое значение. В 1750 году закончилось сооружение Преображенского собора, автором проекта считается И. Мюллер. В 1752 году освящается возведенная около Нагорного полубастиона Введенская церковь. Эти церкви, как и все предыдущие, строились на казенный счет, были достаточно строгими, но влияние барокко проявлялось достаточно ясно. Они были поставлены симметрично друг другу относительно главной улицы и с азиатской стороны Яика были видны издалека.

Между этими двумя доминантами выделялся и завершённый в этом десятилетии комплекс губернской канцелярии (Оренбургская губерния была образована еще в 1744 году, губернатором стал Неплюев). Он занимал всю ширину квартала между Губернской и Комисской улицами (последняя, ныне Пролетарская, тогда выходила на набережную). Комплекс состоял из трех зданий: центрального двухэтажного и двух одноэтажных. Одно из них — со стороны Губернской улицы — было построено еще в первые годы, в плане оно Г-образное, по конструкции фахверковое. Сначала канцелярия размещалась только в нем. Симметрично ему по другую сторону строится тоже Г-образное, но уже кирпичное здание. Оно дошло до нас в реконструированном виде.

Центральное здание в плане напоминает букву «Н». Парадный фасад, обращенный к Яику, имел два боковых ризалита (выступающие части стены). На уровне второго этажа они связывались балконом, опиравшимся на четыре колонны. Дом поставили на высоком цоколе. К входу вела парадная лестница, ширина ее совпадала с шириной колоннады и длиной балкона. В архитектур-

ном облике здания заметно влияние барокко. Окна с коробовым завершением и наличниками на втором этаже, имевшими «ушки», значительно способствовали этому впечатлению. Связь с барокко чувствовалась бы сильнее, если бы поставлена была проектировавшаяся как ограждение крыши баллюстрада. Первый этаж, предназначенный «для архивы и казны», был сводчатым, то есть имел самое мощное по тем временам перекрытие, снаружи он зрительно утяжелен рустом, как это видно на рисунке. Центральное здание относительно одноэтажных выступало намного вперед, поэтому на рисунке видно только одно из них, фахверковое же заслонено домом губернатора на другой стороне главной улицы. Рядом с ним в середине 50-х годов заложили фундамент большого двухэтажного дома для губернатора, очень внушительного и интересного по проекту. Но дом этот никогда не был построен, хотя и показан на известной перспективе, выполненной в 1760 году капитаном А. Ригельманом¹.

К концу этого десятилетия полностью завершилась застройка северо-западной части города. На месте нынешнего Дома офицеров стоят соляные амбары. Застраиваются остальные пустые места, кроме юго-западной части, где места резервировались за казной. Переделывается, меняя несколько место и ориентировку, артиллерийский двор. Он вдвигается в Никольский бастион и ориентируется по его северному фланку. Здание дошло до нас, сохранив в основном внешний вид, и находится на улице Студенческой. Окна с коробовым завершением и частично сохранившимися наличниками барочного характера исконные, а прямоугольные — более позднего происхождения. Рядом позже построена кузница, здание которой сохранилось и находится на территории нынеш-

¹ Дорофеев В. В. Перспектива Ригельмана как источник информации об Оренбурге XVIII века. — Памятники культуры новые открытия 1985. М., 1987, с. 484.

него зенитно-ракетного училища. Сооружаются и другие хозяйственные постройки. Существенно появление на центральной площади севернее гауптвахты, то есть там, где сейчас драмтеатр, нового колодца; два других уже были в западной и юго-западной части города. П. И. Рычков подчеркивает, что этот колодец построен с «изрядною кровлею».

Существовала и школа. Капитальное здание для нее построили тоже в этом десятилетии, но существовала она еще с 1745 года. Это не была школа в современном понимании этого слова. Она предназначалась не для детей, ее ученики были, хотя и молодыми, но достаточно взрослыми, чтобы даже иметь свои дома. Обучались в ней специальностям. В 1745 году указано было иметь 10 инженерных учеников. Их обучали арифметике, геометрии и части фортификации. По окончании производили в кондукторы (унтер-офицер по инженерной и некоторым другим специальностям), после чего они могли получать и обер-офицерские чины¹. Открыт был и класс переводчиков, они назывались учениками татарской школы. Существовали, возможно, и другие специальности. Здание школы стояло через улицу от губернской канцелярии, к востоку от нее.

В 1748 году по инициативе И. И. Неплюева открыли другую школу, предназначалась она для сыновей своекоштных и ссыльных, назначенных на поселение, дабы дети последних «воспитаны были так, как Государственная польза требует», потому что от своих отцов «ничего инаго, кроме худых примеров и продерзостных поступков, видеть не могут»². Обучению в этой школе-интернате подлежали все с 7 до 15 лет. После окончания ее в 18 лет выпускников определяли в губернские учрежде-

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 26. М., 1965, с. 562.

² ПСЗ, т. XII, № 9553.

ния, а если штатных мест нет, то в военную службу. Школу поместили в казарме. Сыновей разного возраста у своекоштных и ссыльных насчитывалось в Оренбурге, Бердской слободе и Чернореченской крепости 188, но, сколько из них должны были идти в школу, не совсем ясно. Данных о том, сколько времени просуществовала школа, не обнаружено. Может быть, несмотря на указ Сената, следующие губернаторы перестали о ней заботиться. Неплюев же оставил Оренбург в 1758 году, уйдя по болезни временно в отставку.

Поскольку И. И. Неплюев является основателем города, здесь уместно добавить несколько слов о нем. В 1760 году он снова, уже в чине сенатора, стал служить, симпатизируя группировке великой княгини Екатерины. Последняя настолько доверяла Неплюеву, что дважды оставляла на него Петербург, когда ей, императрице, нужно было уезжать из столицы. В 1764 году он окончательно ушел в отставку; умер И. И. Неплюев 80 лет от роду в 1773 году. Современники характеризовали его как честного, неподкупного, справедливого человека, имевшего «разум твердый и тонкий» и «беспредельное почитание» к памяти Петра Великого. Но при всем том надо иметь в виду, что он был убежденным защитником самодержавия и действовал соответствующим образом.

Общегородских учебных заведений еще не было, грамоте учили при церквях, занимались частным порядком. В этой связи можно добавить следующее: в конце 40-х — начале 50-х годов «дети лучших людей, служивших в Оренбурге», отдавались учиться немецкому языку к сосланному в каторжную работу некоему Иосифу Розе, который был не только жестоким и грубым, но и невеждой, «не знал даже грамматических правил», как вспоминал о нем Г. Р. Державин, поэту довелось в семилетнем возрасте попасть к тому в Оренбурге в обучение.

Необходимо отметить еще несколько зданий этого

периода. Уже в 1745 году за городом с западной стороны на берегу старичного озера построили небольшую торговую баню. К югу от нее затем построили мясные ряды, а еще южнее, уже на берегу Яика — пивоварню. Здесь же, по-видимому с 1750 года, стали наводить мост «на судах», то есть на плашкоутах. Находился он примерно там же, где сейчас постоянный автогужевой мост. Недалеко отсюда, немного к востоку, выходил ров для спуска воды из крепости, а восточнее вдоль берега появился первый кирпичный завод Оренбурга. Вскоре, однако, кирпичное производство перенесли к северу, к 1760 году кирпичные заводы — сараи и обжигательная печь — находились уже вдоль склона к пойме к востоку от нынешнего Ардатовского переуллка. К этому же времени контору строений вынесли за крепостной вал, тоже на запад. Ее двор занимал значительную территорию в районе начала современной Пушкинской улицы, сада им. Фрунзе и улицы Чичерина. К северу и югу от нее стояли кузницы. На месте конторы сначала образовался единый «почтовый и аманатный двор, где и для приезжих штаб- и обер-офицеров изрядные покои сделаны» были. Позже здесь находились только почтовый двор и школа.

С восточной стороны города долгое время не было никаких построек, лишь в 1750 году напротив Неплюевского бастиона появилась мясная лавка, примерно в 250 метрах от Орских ворот. В 1752 или 1753 году здесь началось строительство загородной казачьей слободы. Предусмотрена была еще на проектном плане 1742 года. Возможно, что строительство ее началось и позже указанных лет, но в 1755 году здесь заканчивается строительство церкви. К этому времени часть слободы была уже застроена. Церковь небольшая, строилась на казенный счет и названа была Георгиевской, или Егорьевской, в этой связи и слободу обычно называли «Егорьевская». В слободе селились в основном крещеные калмыки, записанные в казаки, поэтому одно из названий

слободы было «Калмыцкая». По этой же причине по справке войскового атамана Могутова в сентябре 1756 года для новой церкви «требуется» от духовного правления «ко определению для находящихся и пребывающих здесь на службу крещеных калмык и прочих поселяющихся здесь особою слободою казаков... избран был человек искусной и в калмыцком разговоре знающий». За год до этого был утвержден штат Оренбургского казачьего войска.

Предместье строилось прямо от городского вала перед Неплюевским и Успенским бастионами, считалось «под пушечную обороною», чем, однако, не оправдывается нарушение правил фортификации, которые не допускали построек вблизи крепости. Целый ряд материалов позволяет с уверенностью утверждать, что не только не было ретраншмента, но и слобода никогда не доходила до тех размеров, которые указаны на упомянутых планах и перспективе¹. Оправданием же такого расположения слободы может служить только одно — пушками крепости надежнее обеспечить верность новообращенных. Расположение слободы относительно современного города показано на рис. 6, где цифрой 3 указан перекресток улиц Чкалова и Выставочной. Таким в общих чертах был город к 60-м годам XVIII века. На том же плане цифрами показаны следующие пересечения современных улиц: 1 — Володарского — Кобозева, 2 — Володарского — 8-го Марта, 4 — М. Горького — Бурзянцева. Важной работой оборонительного порядка было прорытие канала для спрямления русла Яика в 1750 году, которое к началу 1760-х годов в этом месте уже значительно расширилось, но, как видно на плане, основным еще не стало.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 22300 и 22802; ф. 349, оп. 27, д. 2462; См. также: Дорофеев В. В. Указ. соч., с. 483—484.

половины Алексеевской улицы, получившей по нему через несколько лет название Гостиной, а потом Гостинодворской (ныне улица Кирова). Размеры нового Гостиного двора — 95 на 91 сажень, таким образом, по площади он почти в четыре раза больше первого, который сразу стал именоваться старым. Строительство закончилось в 1754 году. До нас он дошел в перестроенном виде, но часть стен осталась и была включена в объемы более поздней постройки.

Гостиный двор представлял собой чуть вытянутый четырехугольник с двумя воротами по центру более длинных сторон. Над восточными, выходящими на Губернскую, была построена надвратная церковь, а над западными — колокольня; она сохранилась в перестроенном виде. Наружные стены Гостиного двора были глухими, только в угловых помещениях, не имевших выхода во двор, сделали окна. Эта наружная суровость несколько оживлялась колокольной и упомянутой церковью, освященной в 1755 году во имя Благовещения. Зимой в этой церкви было очень холодно, и священник Иван Осипов жаловался, что «в зимнее время приходилось греть руки и воздухи с покровами над горном» (воздухи — род покрова). Этот же священник добился затем расширения церкви: видимо, купцам, для которых она предназначалась, стало в ней тесно. Перестройку начали в 1775 и окончили в 1784 году. Церковь осталась надвратной. У нее стали выделяться две наружные лестницы, которые вели на площадку, или «гульбище», откуда входили в здание. В XIX веке эта церковь снова перестраивалась. Дворовые фасады Гостиного двора решены были в виде аркады, которая обрамляла открытый обход вдоль лавок, их было 150, не учитывая угловых помещений. Каждой арке соответствовала лавка. «Среди одного двора, — пишет П. И. Рычков, — построена каменная таможня о четырех покоях, между которыми пространный пакгауз, где для всякого развесу учреж-

дены весы». Как таможню, так и лавки покрыли листовым железом, что обходилось тогда очень дорого.

С открытием нового Гостиного двора отпала нужда в базаре с мытным двором, так как весь торг перенесли во внутреннее пространство. Полиция же перешла на главную площадь на место прежнего питейного заведения в новый дом, который поставили на больших винных подвалах, или выходах, как их тогда называли. В плане дом был Г-образным и помещал также корчменную контору. Таким образом, только две стороны цокольного этажа с винными выходами имели надстройку, так как он был прямоугольным в плане. Верхняя и нижняя части здания существовали довольно независимо друг от друга, даже окна не совпадали по осям; и если внизу всегда были винные выходы, то верх и перестраивался, и менял хозяев. С этими подвалами было связано и существование питейных домов, или кабаков, как их чаще называли. В середине 50-х годов их количество увеличивается и к 1760 году доходит до шести и затем до семи. Три из них были у ворот. Только у северных, которые стали уже называться Сакмарскими, не было кабака очень долгое время; когда он все-таки появился в XIX веке, он был не у самых ворот, а на соседней улице. Влияло положение ворот в качестве главных.

На проектном плане Оренбурга указан и Меновой двор. Предполагавшееся место постройки — район нынешней Яицкой к югу от улиц Чернореченской и Кирова и через сад им. Фрунзе до Гугучинского переулка. Но здесь строить его не стали, а возвели за Яиком. Возможных причин можно назвать несколько: во-первых, европейский берег не был доступен до спада воды после весеннего половодья, во-вторых, с точки зрения безопасности неблагоприятно было самой крепости (а Меновой двор планировался прямо от ласиса) иметь постоянно большое скопление народа, в-третьих, основным меновым товаром был скот, а ему нужны пастбища

еще до обмена, и будь Меновой двор на европейской стороне, это сократило бы городской выгон. Нельзя исключить и соображения безопасности в отношении эпидемий и эпизоотий. Все эти соображения, а, возможно, еще какие-то заставили отказаться от первоначально намечавшегося места.

Меновой двор построили на самом берегу Яика (теперь это старица), значительная часть бывшей его площади занята сейчас опытным участком педагогического института. На чертеже «а» (рис. 7) Меновой двор показан относительно 2-й Озерной улицы, границы дворовых участков которой обозначены штрихпунктирной линией, а дорога в дом отдыха — прерывистой линией. Несколько ромбовидная форма двора определялась рельефом: стороны, длина которых примерно по 200 метров, шли вдоль обрывов, только западная сторона не имела естественной защиты. С этой стороны были ворота, рядом с ними — караульня, и немного в стороне — часовня, а с южной стороны — маленькая мечеть. В сторону Яика вели вторые ворота. Амбары и лавки располагались в обоих четырехугольниках — большом и малом, в юго-западном углу последнего находилась таможня. В западной части двора параллельно его стороне прокопали ровик для стекания воды, на плане он обозначен двумя сплошными линиями. Меновой двор был преимущественно мазанковый в столбах, но многое было и плетневое, покрывали все дерном. В 1746 году в нем насчитывалась уже 131 лавка. В центре имелись также казармы, по углам с южной стороны устроили батареи.

Торговля на Меновом дворе велась преимущественно с казаками, основным меновым товаром которых был скот — лошади и овцы. В обмен им предлагались сукна и металлические изделия. Для развития торговли казакам разрешено было торговать продуктами своего хозяйства беспошлинно. В указе Коллегии иностранных дел от 22 сентября 1747 года говорилось: «...с киргиз-кайса-

ков в Оренбурге торгующих, пошлин не берется». Целесообразность этого мотивировалась тем, что у них, как писал И. И. Неплюев, «ничего иного, кроме собственного их промыслу: зверя, також лошадей и баранов и собственного рукоделия, яко то кошем и тому подобного, не бывает, и торгуют все по малому делу в розницу». Вскоре обмен значительно вырос и в 1748 году достиг рекордной цифры — 50 226 голов, которая по различным причинам не была превзойдена до 1762 года.

Но этот Меновой двор просуществовал недолго. Весной 1749 года случилось сильное и внезапное половодье. П. И. Рычков пишет, что вода по лугам шла валом высотой около сажени, то есть более двух метров, и Меновой двор «весь потопило и размыло, а многое и разнесло». Поэтому уже на следующий 1750 год приступили к строительству нового Менового двора, на этот раз место выбрали выше, чтобы не бояться весеннего разлива: от переправы через Яик до него около 2,5 километра.

Новый Меновой двор строился сразу капитально, из кирпича, покрывался листовым железом и был значительно больше старого. Он состоял из двух дворов: большого внешнего и внутреннего малого (чертеж «б», рис. 7). На плане видно, что он почти правильной квадратной формы, стороны около 440 метров длиной каждая, по площади более 19,5 гектара. Внешний четырехугольник образовывался лавками и амбарами, обращенными внутрь двора с задней глухой стеной почти четырехметровой высоты. Углы его связывались маленькими бастиянами с батареями, здесь высота стены, а первоначально вала, была всего около двух метров, но батареи защищались еще небольшим рвом. В сторону города и со стороны степи были ворота, над первыми построили квартиру для таможенного директора, а над вторыми — помещение пограничной таможни. Меньший четырехугольник — «Азиатский двор» со сторонами 115—117

метров. Лавки обращены были и внутрь, и наружу. Тут было тоже двое ворот, причем интересно, что над теми, которые вели в сторону таможни, построили церковь, освященную в 1757 году «во имя Захария и Елизаветы», так что ее лучше видно было приезжающим из степи, а не из Оренбурга. На территории большого двора позже построили и мечеть, имелся там и колодец. Первоначально вокруг всего двора было 246 лавок и 140 амбаров, и на «Азиатском дворе» 96 лавок и 8 амбаров. На этом Меновом дворе рекордными по обмену скота в XVIII веке были 1786—1787 годы, когда выменяли 376475 и 373761 голов соответственно, более 99 процентов из них составляли бараны и ягнята. От стен Менового двора до Яика установили изгороди, начало их показано на плане прерывистыми линиями. Назначение изгородей, очевидно, — препятствовать беспошлинному обмену. Надо сказать, что обманов и злоупотреблений в торговле у купцов было очень много. Позже, в 80-е годы, губернатор О. Игельстром писал, что для выявления злоупотреблений «целую комиссию учредить надобно».

Постройки Менового двора не сохранились, но память о нем осталась в названии проходящей рядом улицы — «Меновинская» и в названии железнодорожной станции «Меновой двор». Можно еще заметить, что на гравюре XVIII века, которая неоднократно публиковалась, пропорции Менового двора не соблюдены, как это часто бывало. Художник стремился показать весь двор, все детали, поэтому стены слишком высоки и коротки и т. п. На самом деле отношение высоты наружной стены к ее длине было 1:100, надвратная часть была, конечно, выше. Таким нужно представлять себе это старинное сооружение.

В Оренбург в качестве товара поступали и ценные металлы и даже драгоценные камни, которые привозили среднеазиатские купцы. Особенно большим был приток серебра в 1750 году — 1500 пудов. В этом же году —

10 пудов золота. Металлы эти были и в слитках и в монете. В городе недалеко от Преображенского собора у северного фланка одноименного полубастиона располагалась специальная плавильня серебра.

Оборот был большим, в казну поступали значительные суммы, но город не богател, потому что служил только местом торговли, носившей ярмарочный характер. Своих богатых купцов в 50—60-е годы в Оренбурге почти не было. Например, из 109 купцов, торговавших в 1761 году с казаками в Оренбурге, своих городских — только 6; в то же время из Сеитовского посада, или Каргалы, — 38, из Казани — 20, касимовских — 13, тульских — 8 и т. д. В 1770 году губернатор И. А. Рейнсдорп докладывал Екатерине II, что «Оренбург, который около осьмидесяти тысяч рублей приносит казенного дохода... не имеет больше 4 или 5 человек капитальных, прочие ж все люди бедные». Попытки привлечения на жительство в Оренбург богатых людей особого успеха не имели.

Имена, названия

В Оренбурге бывали, жили и работали многие известные и даже выдающиеся люди, если не они сами, то их близкие родственники. Так было и в XVIII веке. Степень значимости их различна, у одних известность всемирная, другие значительны только для Оренбурга. Имена многих уже назывались, но заслуживают быть повторенными.

Касаясь начального периода, первым нужно назвать конечно Петра Ивановича Рычкова — первого члена-корреспондента Петербургской Академии наук. Ему мы обязаны большей частью знаний об Оренбурге и Оренбуржье второй и третьей четверти XVIII века. Жил Рычков, служивший в должности губернского секретаря, до 1760 года в доме, который сейчас числится под № 4

по Советской улице. Затем, уйдя временно в отставку, он продал его под казенную аптеку. Здание внешне изменилось, но никаких особых украшений, судя по чертежам, не имело и раньше. Выход был на большую улицу, там, где сейчас второе окно от северного угла. Высокое крыльцо имело лестницы на две стороны. Дом, в котором П. И. Рычков жил по возвращении на службу в 1770 году, не сохранился, но стоял он на месте нынешнего дома № 7 по той же Губернской улице¹.

Нельзя забывать об основателях города. Неплюев жил в губернаторском доме. Двор и службы его занимали большую площадь, здесь сейчас дом № 1 по Советской. Сам жилой дом находился на углу большой улицы и набережной. Выезд со двора был на набережную и с другой стороны на переулок, не имевший в неплюевское время названия, ныне Школьный. К западу от губернаторского подворья на почти такой же территории стоял другой казенный дом со службами, где помещался командующий военными силами. Первым здесь жил генерал-майор фон Штокман — человек, под непосредственным руководством которого закладывали и строили город. Инженеры Галофеев и Тельной вероятнее всего жили в казенных домах в пределах квартала от набережной по ту или другую сторону главной улицы. Во всяком случае, если они еще оставались в Оренбурге в начале 1750-х годов, своих домов не имели. Архитектор же Лейтгольд, который, по-видимому, сделал тоже немалый вклад в проектирование и строительство города, хотя был в Оренбуржье не по собственной воле, с 1745 года уже здесь не жил.

Занимая весь торец первого квартала между Губернской улицей и Комисской (нынешняя Пролетарская, тогда доходившая до набережной) со стороны Проезжей, там, где сейчас детская художественная школа, жил

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 22302.

ставший позже весьма известным военным инженером и историком Александр Иванович Ригельман. Он начал служить в Оренбурге в чине инженер-подпоручика, очевидно, с середины 1740-х годов, в 1761 году он был назначен строить крепость Св. Димитрия Ростовского (теперь город Ростов); в это время он был инженер-капитаном. В 1774—1782 годах Ригельман служил командиром построенной им крепости. Будучи в Оренбурге, он много ездил. В 1750 году с целью изучения мавзолеев путешествовал в казахской степи, в 1759 году составил проект изменения крепостной ограды Уфы, после случившегося там пожара. Военную службу А. И. Ригельман окончил генерал-майором. Из работ, связанных со службой в Оренбурге, нужно отметить «Изъяснение о Кизлярской крепости», написанное здесь в 1758 году.

Наискось через перекресток Губернской улицы в казенном доме жил А. И. Тевкелев. В 1751 году он был в чине бригадира, позже дослужился до генерал-майора. Тевкелев был помощником губернатора по иностранным делам, торговым связям. Хотя им сделано много полезного в посольстве в орду к хану Абулхаиру и т. п., он, к сожалению, известен был своей исключительной жестокостью; хорошо, что большое его желание стать губернатором не осуществилось.

Почти на самой центральной площади, на углу Петровской и Преображенской, жил будущий сподвижник Пугачева казак Тимофей Падуров (сейчас это ул. «Правды», 11). В Оренбурге он был достаточно известен, так как его избрали депутатом в Комиссию по составлению Нового Уложения во второй половине 1760-х годов.

На углу большой улицы и площади, в том месте, где сегодня по Советской, 19 находится читальный зал пединститута, жил другой депутат, купец Илья Кочнев, выступавший в 1766 году от имени оренбургского купечества в Комиссии.

На улице Штабской среди офицерских домов один

принадлежал прапорщику Михайле Карамзину — отцу Н. М. Карамзина. Сейчас на этом месте дом 30 по Ленинской улице. Но «первый наш историк и последний летописец», как назвал его А. С. Пушкин, родился не здесь, а в деревне Карамзинке Симбирской провинции в 1766 году, когда отец его в Оренбурге уже не служил.

Где-то в Оренбурге в 1773—1774 годах жил маленький Иван Крылов. Сюда прислал свою семью его отец, капитан Андрей Прохорович Крылов, служивший в Яицком городке. Можно предположить, что в Оренбурге были родственники, ведь с таким же успехом можно было отослать семью и в Самару, куда было и ближе. Во всяком случае в 50-е годы здесь имели свои дома два Крылова, один солдат, другой сержант. Солдат Семен Крылов жил на Унтер-офицерской улице, дом его стоял там, где сейчас дом № 13 по Ивановскому переулку. Сержант Пензенского полка Иван Крылов жил по Посадской улице. Домовладение его основной своей частью занимало территорию, где сейчас дом № 23 по Фабричному переулку. Далее — область предположений.

Плотность заселения в районе Яицких ворот оказалась значительной, в то время когда часть города еще не была совсем застроена. Например, на той стороне квартала, где жил сержант Крылов, сейчас 8 усадебных участков, а тогда было 17 дворовых мест, то есть больше в два раза. Это наводит на мысль, что не все жители первой Бердской крепости переехали на новое место, поскольку им не хотелось уезжать из уже ставших привычными мест. Некоторые, видимо, сумели остаться поблизости. Дома здесь нужно было перенести всего на 200—300 метров, а иногда и того меньше. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что на новом месте в Бердской крепости даже через 30 лет после переселения было меньше дворов, чем на первом. И еще одна особенность: не просто значительная плотность застройки, а наличие очень большого количества домов

своекоштных, главным образом в первых двух кварталах у ворот по обе стороны Проезжей, люди переходили на собственное обеспечение, лишь бы остаться на месте. Располагалась первая Бердская крепость в основном к западу от современной ул. Бурзянцева, южнее Диспансерного переулка. Интересно, что из своекоштных, которые жили в упомянутых двух кварталах, 78 процентов фамилий произведено не от христианских имен. Это говорит о том, что большинство из них бывшие казаки, среди которых весьма типичны фамилии от прозвищ, или, это были люди, предки которых вели более или менее вольный образ жизни. Среди этих фамилий есть несколько довольно звучных и колоритных: Басов, Боев, Набатов, Колчин, Леишов, Турманов, Челин, Чеюрдин.

Среди первопоселенцев, особенно казаков, встречаются фамилии, которые есть и сейчас в бывших линейных крепостях и станицах: Дедурич, Бородин, Барсуков, Гурьев, Епанешников, Чеботарев и другие. У казаков больше, чем у солдат, одинаковых фамилий, как следствие происхождения их из одних и тех же мест, чего, естественно, не было у солдат. Например, пять Поповых, четыре Падурова, пять Кручининых, четверо Новокрещеновых, четверо Уржумцевых и много других пятерок, четверок, троек. Нужно при этом иметь в виду, что все это разные домохозяева, разные семьи. Из всех казаков выделялся один — отставной донской казак Семен Цыган. Больше донских казаков не было.

Солдатские фамилии очень разнообразны, многие из них происходят от имен, хотя в целом их не так много. Десятая часть офицерских фамилий — немецкие. Свои дома имели в это время и два казанских татарина — Усман Ермашев и Япел Ибраев, и один иноземец Оластон или Оланстон. Он жил неподалеку от Гостиного двора, но чем занимался — неизвестно.

Из ссыльных можно выделить Михайлу Корецкого. Он жил по Инженерной улице к северу от Проезжей.

Дом его стоял среди солдатских домовладений. Сейчас здесь дом № 15 по переулку Каширина, довольно точно совпадающий с первоначальным дворовым местом.

Не лишены интереса и названия улиц. Первых улиц было 25, имена получили они в 1744 году. Часть их именовал И. И. Неплюев, часть — капитан Галофеев, как об этом написано в сообщении Губернской канцелярии для духовного правления¹ после утверждения списка «Ея императорским величеством». Часть имен улиц упоминалась, некоторые не требуют комментариев, но происхождение отдельных необходимо пояснить. Однако прежде надо еще заметить, что после отъезда Неплюева, вероятно, под руководством нового губернатора А. Ф. Давыдова произошло значительное переименование улиц. Оно могло быть вызвано переосмыслением планировочной структуры, когда улицы, лежащие на одной прямой, но отделенные друг от друга, стали считаться разными и получили каждая свое имя. Переименование прижилось не сразу, даже на плане 1767 года дана первая система названий, в то время как на плане 1760 года указана новая. Этот год можно условно принять за дату переименования.

Вторая главная планировочная ось — улица Штабская названа, по-видимому, в связи с расположением на ней на углу с Воскресенской полкового двора с канцелярией гарнизонного Пензенского полка. На этом месте сейчас дом № 23 по Ленинской. В 1760 году ее переименовали в Орскую по воротам в ее восточном конце. Неоднократно упоминавшаяся Проезжая улица названа была очень удачно, по ней проезжали почти все, кто прибывал из-за Яика, а таких было много, если учесть торговлю на Меновом дворе. Она и сейчас с успехом могла бы носить это название, ведь поток транспорта

¹ ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 413 — найдено С. А. Поповым и указано автору.

по улице М. Горького не прекращается до самой ночи. Ее переименовали в Яицкую по воротам. Первыми названиями улиц Кирова и Пушкинской были соответственно Алексеевская и Пензенская. Обе названы в честь переселенцев — первая по Алексеевску, который был в 24 верстах от Самары, откуда переселили дворян и казаков, вторая по гарнизонному полку. Переименовали их в Гостиную и Самарскую, последнюю по воротам в западном конце.

В память Петра Великого Неплюев назвал нынешнюю улицу «Правды» Петровской, тогда она проходила через весь город. Когда же переименовали Пензенскую, это «имя» перенесли сюда, и улицы под названием Петровской не стало. Воскресенскую перенесли на южную часть Госпитальной (часть улицы 9-го Января), поскольку при госпитале была Воскресенская церковь. Бывшая же Воскресенская стала Троицкой по церкви Пензенского полка, которая находилась на ней, занимая западный торец квартала между бывшими Штабской и Пензенской. Название это просуществовало более полутора веков. По другой церкви, освященной в 1757 году во имя Петра и Павла, переименовали Казанскую улицу в Петропавловскую. И это наименование просуществовало так же долго, как и Троицкая. По Петропавловской улице переименовали и Воскресенский бастион, но у него это имя не прижилось, он так и остался до конца под своим первым названием. Изменила свое имя Инженерная. С переходом конторы строений за город оно частично потеряло опору, и улицу назвали Садовой по казенному саду. Имя Артиллерийской тоже перешло на другую улицу, так назвали южную часть Успенской, потому, видимо, что в южном конце ее жили артиллеристы (ныне Южный переулок), а первую именовали Никольской по казачьей церкви, но надолго это название за ней не закрепилось. Был и ряд других переносов и изменений, ясно прослеживается тенденция дать всем

улицам так или иначе другие имена. Первоначальные свои названия без изменения собственных пределов сохранили только Губернская и Комисская. Последняя была названа в память о том, что до образования губернии с ее учреждениями, с 1738 года всеми делами ведала Оренбургская комиссия.

Там, где шли на приступ

Осенью 1773 года Оренбург оказался вовлеченным в круговорот событий, связанных с первым этапом Крестьянской войны 1773—1775 годов, и как центр губернии, где началось и развернулось восстание, и как важный пункт, овладеть которым было одной из стратегических целей повстанцев. Это, как потом оказалось, был единственный случай, когда крепости пришлось выполнять свои прямые функции — выдерживать осаду, но осаду не регулярной армии другого государства, а собственного народа, восставшего против гнета и насилия крепостнической власти, против помещичьего строя.

По сравнению с уже описанной застройкой вне города, изменений к этому времени не произошло, только удлинилась в сторону горы Маяк цепочка кирпичных сараев вдоль склона, да в районе начала современного проспекта Победы «на Сырту» появился «убогий дом с часовней».

Никакой войны на юго-востоке России не предвиделось, и крепость начинала тридцать первый год своего существования, пребывая в небрежении за ненадобностью. Рвы затягивались песком и глиной, валы тоже опустели, начатая при Неплюеве облицовка камнем была выполнена только частично: облицевали вал на севере и с западной стороны, и то не всюду.

Восстание захватило губернское начальство врасплох. Начавшись около Яицкого городка, оно быстро докати-

лось до Оренбурга. Повстанческая армия, пополняясь все новыми силами, уже через несколько дней без боя заняла Чернореченскую крепость, а от нее до Оренбурга оставалось всего 18 верст. Накануне, 28 сентября, в городе получили известие, что повстанцами взята крепость Татищева в 64 верстах от Оренбурга. Только в этот день решено было принять ряд мер по обороне города, в том числе привести в порядок крепостную артиллерию. Правда, дня за два до того губернатор рекомендовал обер-коменданту «совсем опущенную доселе Оренбургскую крепость стараться через инженерную команду гарнизонными служителями привести в надлежащее оборонительное состояние»¹, — пишет П. И. Рычков и замечает также, что если бы Пугачев, «не мешкав в Татищевой и Чернореченской крепостях, прямо на Оренбург устремился, то б ему ворваться в город никакой трудности не было; ибо городские валы и рвы в таком состоянии были, что во многих местах без всякого затруднения на лошадях верхом выезжать было можно».

Конечно, как человек штатский, он мог и недооценивать силу артиллерийской обороны крепости, но свидетельство это показывает всю растерянность и нерасторопность начальства, которое было представлено губернатором Рейнсдорпом и обер-комендантом Валленштерном. Показательно еще одно замечание П. И. Рычкова: в связи с тем, что с 28 сентября по валу расставлены были солдаты гарнизона и другие «служилые люди», а также штатские, имеющие оружие, он пишет, что городские ворота стали не только запирать, «но и навозом заваливать, для чего у каждого ворот нарочно навоз был заготовлен; но сие заваливание чрез несколько времени отменено: ибо признано ненужным и затруднительным».

¹ Здесь и далее в главе цит. «Летопись Рычкова» в приложениях А. С. Пушкина к «Истории Пугачева». Т. 9. АН СССР, 1950, с. 206—345.

По валу всего расположено было около трех тысяч человек. Артиллерию ставили не только на бастионах, но и во рву; кроме того, поставили батарею «в яру против губернаторского дома», то есть, приблизительно там, где сейчас вокзал детской железной дороги; всего поставлено было семьдесят орудий разных калибров.

Однако Е. И. Пугачев не повел свою армию прямо на Оренбург, а повернул от Чернореченской крепости на север и занял Сеитову, или Каргалинскую слободу, современную Татарскую Каргалу. Моста через Сакмару под Каргалинской слободой в то время не ставили, но были мосты через эту реку у Бердской крепости, где шла дорога в Самару и на губернаторскую дачу в 12 верстах от Оренбурга, и под Маячной горой по дороге на Черноречье. Оба моста по приказу губернатора были убраны при приближении повстанцев.

Не задерживаясь долго в Каргале, Пугачев с небольшим отрядом 1 октября прибыл в Сакмарский казачий городок, нынешний Сакмарск, где его встречали с колокольным звоном, хотя атаман Данила Донской с частью казаков уехал в Оренбург. Сакмарский городок, в котором была станица Яицкого казачьего войска, первоначально построенный на горе, которая теперь называется «могилки», в описываемое время, возможно, вышел за эти пределы. Место городка «с дух сторон» было неприступным, а в других местах оградой служил деревянный оплот или заплот-ограждение, в котором бревна, плахи или доски располагаются горизонтально, входя обычно в пазы врытых в землю столбов. Городок имел и свою артиллерию. Мимо него тогда проходила «большая Московская дорога», а через Сакмару имелся мост, которым повстанцы и воспользовались для переправы на левый берег, ибо вопреки приказу этот мост не был уничтожен.

Перейдя через Сакмару 1—3 октября, повстанцы направились на юг и заняли Бердскую крепость, или

слободу. В 1762 году по описанию П. И. Рычкова в «Топографии Оренбургской губернии» слобода была ограждена «оплотом и рогатками, по углам сделаны батареи, на которых також и при воротах поставлены пушки». В Бердской слободе все, включая и церковь, было деревянным. Очертания крепости на схематическом плане части нынешних Берд (рис. 8) нанесены сплошной линией; батареи показаны четырехугольными, но они могли быть и бастионной формы. Настоящего плана Бердской слободы того времени пока не обнаружено, и очертания даны по описанию, плану-перспективе А. И. Ригельмана, где вдали изображена Бердская крепость, и на основе анализа других материалов. Прерывистыми линиями показано русло Сакмары в XVIII веке. На северо-западе и северо-востоке граница застройки должна была проходить по линиям современных улиц Баумана и Восстания, на юго-западе по линии Жигулевской улицы, а на юго-востоке примерно посередине кварталов между Бердской улицей и Красносельским переулком. Ко времени восстания заплота со стороны реки, возможно, уже не было. П. И. Рычков в своей «Летописи осады» вообще не упоминает об укреплениях слободы, не показаны они и на плане одного из сражений в январе 1744 года, которое началось под слободой.

Заняв Бердскую слободу, или Берду, как ее тогда называли, повстанческая армия перерезала все коммуникации города и оставила открытой только дорогу в казахские степи. Началась осада Оренбурга. 5 октября в первой половине дня Пугачев со всем повстанческим войском перешел от Берды к Яику, перевалив через возвышенность на виду всего города, и расположился лагерем на казахских лугах у одного из озер, возможно, у озера Ближнее Коровье Стойло, то есть там, где сейчас поля совхоза «Овощевод» рядом с садами-огородами. Видя приближение повстанцев с этой стороны, губерна-

тор приказал уничтожить казачью Егорьевскую слободу; так поступали с предместьями с незапамятных времен, чтобы не предоставлять осаждающим укрытий на подступах к крепости. Слобода была зажжена и через три часа почти вся выгорела — осталась только Георгиевская церковь и около нее один дом. В этот же день начали очищать ров и обносить его рогатками, и в первый раз использовали артиллерию, чтобы удержать повстанцев на расстоянии. Выстрелили «ядрами и картечами 88 зарядов» и бросили три 30-фунтовых бомбы. Выражение «бросить бомбу», употреблявшееся тогда, означало выстрелить пустотелым, наполненным порохом, ядром, из специального орудия — единорога.

Осада длилась до конца марта, и в ее ходе произошло несколько крупных приступов и вылазок. Места действия их по отношению к современному городу можно приблизительно, а иногда и довольно точно определить, давая ориентиры по современным названиям.

6 октября против повстанцев была послана команда в 1500 солдат с артиллерией, но те вышли из своего лагеря с восемью орудиями, четыре из них они, по описанию П. И. Рычкова, установили «на Сырту... близ одной лощины, которая служила к защищению бывших у пушек людей». Видимо, в этом случае пушки поставили в районе почти исчезнувшего теперь переулка Армейского, там, где он пересекался с улицами Тимирязева и Красноармейской. Остальные пушки поставлены были «в долу, где у них был фронт». Разгорелся бой, из города наблюдатели сосчитали 185 выстрелов повстанческих пушек; в связи с превосходством повстанцев команда вынуждена была отойти в город. С наступлением темноты пугачевцы подтащили одну или две пушки поближе к крепости и произвели несколько орудийных выстрелов, так что ядра их ложились посередине города; одновременно подъезжали верховые еще ближе и стреляли из ружей. Все это должно было происходить в районе меж-

ду Бассейным переулком и Выставочной, верховые могли подъезжать и ближе.

В следующие дни крупных действий не происходило, но, видимо, в целях разведки ночью 7 октября повстанцы подошли совсем с другой стороны города — к Яицким воротам, а на следующую ночь несколько человек со стороны кручи прокрадывались к Нагорному полубастиону, наверное, пытаясь проникнуть в город, но их обнаружили и, перепугавшись, даже стреляли из двух пушек с батареи под кручей. Вообще в крепости сильно беспокоились, так как на следующую ночь в ответ на один выстрел от Георгиевской церкви, куда повстанцы подтаскивали пушку, с вала стреляли с четверть часа. Этой ночью пугачевцы окружили город со всех сторон и снова прокрадывались к Нагорному полубастиону.

12 октября из города была предпринята крупная вылазка, чтобы занять высоты; однако повстанцы успели до этого установить свои орудия в районе бывшей водонапорной башни по проспекту Победы и к востоку от нее, протащив их туда по лощине, которая была в районе улицы Степана Разина. По этой же лощине они перебросили пушки и на другую, Бердскую, сторону сырта, чтобы вести перекрестный огонь, но выдвигению артиллерии здесь препятствовал огонь крепости. Разгорелась артиллерийская перестрелка, и войска, сделав около 500 выстрелов из орудий, вынуждены были отойти в крепость, где часть гарнизона постоянно находилась на валу. В связи с последним обстоятельством подле вала были устроены землянки, крытые лубом, потому что уже наступили холода.

18 октября повстанцы сняли лагерь на лугах, подожгли оставшееся и, перейдя через сырт вне досягаемости городских пушек, устроили новый лагерь внизу под Бердой в сторону Маяка так, что из города их не было видно, и 22 октября начали первый приступ. В этот день был сильный туман, и пугачевцы смогли скрыт-

но подвезти к кирпичным сараям пушки, туда, где начинается спуск на улице Мусы Джалиля. С полудня до трех часов они непрерывно стреляли из пушек. Когда к ним хорошо пристрелялись, повстанцы направились на другую сторону крепости мимо Сакмарских ворот к Орским. Продвигались, очевидно, по дуге, там, где теперь переулок Некрасова, кинотеатр «Космос» и Караван-Сарай, улица Корецкой, Колхозная площадь, проезд Богдана Хмельницкого и Выставочная. Их батареи стояли где-то по краю Колхозной площади, возможно, там, где сейчас начало проспекта Победы, «под увалом», — пишет П. И. Рычков. Согласно его же записям, стреляли и от Георгиевской церкви, а одна граната, выстреленная из единорога против Орских ворот, «пала посередине Артиллерийского двора», но «до разрыва не допущена»: ее закидали землей. Канонада длилась почти пять часов. Повстанцы стреляли все время с низких мест с большим углом возвышения, поэтому их ядра летели далеко и падали даже посередине города; несколько ядер попало в Петропавловскую церковь, выбив по углам кирпичи; сами же они держались на расстоянии, чтобы при стрельбе прямой наводкой ядра не могли долетать до них. После пяти часов отряды восставших отошли в свой лагерь, сделав за день около тысячи выстрелов из пушек; с городского вала произведено было 580 выстрелов, да «бомб брошено пудовых 4, тридцатифунтовых 24». Уйдя в лагерь, повстанцы оставили караулы на высоких местах, как это делалось всегда, когда они находились в лагере. Один пост был на Маяке, другой против Бердской слободы, вероятно, в районе улиц Пролетарской и Новой.

Более серьезный приступ повстанцы предприняли 2 ноября. В ночь они расставили батареи вокруг города: у кирпичных сараев, против Сакмарских ворот (видимо, в районе улиц Корецкой и Постникова), на сырте «позади часовни, где убогий дом». Батарею поставили

у Георгиевской церкви, сделав по обеим сторонам ее стенки, оставляя промежутки для пушек; кроме того, поставили батарею у высокой, построенной из дерна мишени для упражнения артиллеристов в стрельбе. Основываясь на описании П. И. Рычкова, а также особенности рельефа и более позднем графическом материале¹, можно со значительной степенью вероятности сказать, что она была к северу от Туркестанской на месте квартала между улицей Льва Толстого и Красного казачества. Хотя это и далеко от крепости, привлекала, видимо, высота мишени, способствовавшая дальности стрельбы.

Когда наступил рассвет, караулы на валу, заметив повстанцев, стали окликать их, вместо отзыва те выстрелили в трех местах из пушек, и в седьмом часу с обеих сторон началась канонада. Около тысячи человек, пройдя от Георгиевской церкви под горой (церковь находилась у самой кручи к востоку от улицы Электрозаводской), поднялись по ложине, начало которой совпадает с началом улицы Красная площадь, к валу Успенского бастиона, и под огнем пробрались в оставшиеся от слободы погреба, откуда начали вести ружейный огонь и стрелять из луков по защитникам вала. Выбить пугачевцев оттуда никак не удавалось, пока на другой берег Яика не переправили егерей, которым удалось ружейным огнем заставить смельчаков отойти, поскольку местность наклонена к реке и хорошо простреливалась. Стрельба стихла только к вечеру, об интенсивности ее можно судить по тому, что только из города выстрелено было 1643 ядра и 71 заряд картечью, к тому же брошено 74 пудовых и тридцатифунтовых бомбы. Нужно отметить, что крепостная артиллерия была тяжелее полевой, которую преимущественно могли использовать повстанцы, и стреляла дальше, поэтому им и приходи-

¹ ГАОО, ф 41, оп. 1, д. 1123/а.

лось прибегать к ухищрениям, чтобы как-то уравнивать силы. Так, о дальности стрельбы от мишени можно судить по тому, что ядро от нее попало в дом купца Ильи Кочнева, о расположении которого говорилось, и смертельно ранило хозяина. Атаки были преимущественно со стороны слободы, потому что подступы отсюда удобнее, а еще, возможно, потому что крепость здесь, за очень небольшим исключением, не имела каменной одежды, и подниматься изо рва значительно легче.

На следующий день была сильная выюга, усилился мороз, поэтому повстанцы стреляли только от Георгиевской церкви, с паперти, каждый раз затаскивая пушку в церковь, чтобы ее зарядить. Несколько человек стреляли из ружей, забравшись на колокольню, причем не только пулями, но и «свинцовыми жеребьями», то есть рубленным свинцом. О том, чтобы и пушку затаскивали на колокольню, П. И. Рычков не пишет.

14 ноября была предпринята неудачная попытка атаковать Бердскую слободу, куда отправился корпус в 2400 солдат под командованием обер-коменданта Валленштерна. Войска беспрепятственно прошли в район, где теперь станция 2-й Оренбург, но там их атаковали повстанцы, и войскам пришлось отступить, а пугачевцы гнали их почти до самого города. После этого долгое время не было ни крупных вылазок, ни приступов. Но 26 декабря, пользуясь снежной бурей, Пугачев с большими силами и артиллерией подходил ночью совсем близко к крепости, туда, где были кузницы, то есть в район улиц Чернореченской и Пионерской, но непогода, видимо, усилилась настолько, что на приступ нельзя было идти, поэтому он отошел назад. Все произошло настолько скрытно, что в городе об этом узнали лишь через несколько дней. Больше крупных наступлений Пугачев не предпринимал, рассчитывая взять крепость измором, так как он знал, что запасы продовольствия в Оренбурге иссякают. Повстанцы часто появлялись на

сыртах и на Маяке, демонстрируя свою силу, небольшими группами подъезжали и ближе к городу, остерегаясь только артиллерийского огня, потому что заморенная городская конница догнать их не могла, захватывали команды, посылаемые за сеном, дровами и тому подобным.

Последняя и самая крупная попытка деблокировать город была предпринята 13 января. К этому времени повстанцы переместились из лагеря в саму Берду и на возвышенность около нее, где вырыли землянки, а часть из них, башкиры и калмыки, устроились на правом берегу Сакмары; таким образом, концентрируясь на меньшем пространстве и в двух местах, что могло дать им преимущества в случае нападения. В 5 часов утра войска выступили из города тремя колоннами. Первая под командованием Валленштерна, выйдя через Орские ворота, направилась под прикрытием возвышенности по дуге в район улицы Хабаровской, где, увидев повстанцев, которые на другой стороне оврага установили уже артиллерию, перестроилась в боевой порядок и приняла бой, хотя целью было дальнейшее продвижение и перекрытие дороги на север. Вторая колонна под началом бригадира Корфа, выйдя в Сакмарские ворота, пошла прямо на слободу по направлению Советской улицы, через Хлебный городок, и остановилась в районе Новой улицы, где ее атаковали повстанцы. Третья колонна, которую вел премьер-майор Наумов, вышла тоже через Сакмарские ворота и направилась сначала как и колонна Корфа, а затем западнее проспекта Братьев Коростелевых, не доходя до спуска к Сакмаре, колонна повернула в сторону Бердской слободы, оставляя Соболеву гору слева, она заняла позицию перед оврагом, где ныне улица ленинской «Искры». Наумов прибыл первым в назначенное ему место и открыл огонь по слободе, так что загорелось даже несколько домов. Но первые две команды не смогли выйти на назначенные места, потому что

пугачевцы их атаковали раньше. Войска пришли в замешательство и начали отступать. Наумов, боясь быть отрезанным, последовал за Валленштерном и Корфом. «Все люди приведены были в расстройство и замешательство», — пишет П. И. Рычков. Повстанцы воспользовались этим, «производя им в тыл наисильнейшую пушечную и ружейную пальбу, а другие в великой отважности с копьями набегали». Отступление было беспорядочным, отряды Валленштерна и Корфа соединились в районе улиц Полтавской, Юркина и Пролетарской; Наумов присоединился к ним уже где-то около Октябрьского сада, откуда отступать стали уже все вместе, непрерывно атакуемые повстанцами. Образовать более или менее упорядоченный фронт удалось лишь в районе Орловской. Повстанцы захватили 13 орудий, причем среди них один 6-фунтовый единорог и три 8-фунтовые пушки. Войска потеряли более 400 человек и сделали 2195 орудийных выстрелов. С тех пор вылазок делать больше не отваживались, а стали ждать помощи извне — она пришла уже весной. Так повстанческие войска под руководством Е. И. Пугачева побеждали регулярную армию в открытых боях, но не могли справиться с ней, когда она находилась под защитой крепостных сооружений. Взять крепость оказалось им не по силам главным образом потому, что они не умели брать артиллерийских укреплений, а именно такой крепостью был Оренбург.

ОТ РЕКОНСТРУКЦИИ ДО УПРАЗДНЕНИЯ КРЕПОСТИ

Проекты и прожекты

15 января 1775 года издан был именной указ о переименовании реки Яик в Урал, чтобы стереть память о народном движении; в указе об этом говорится прямо: «для совершенного забвения сего на Яике последовавшего несчастного происшествия»¹. Этим же указом переименовывалось Яицкое казачье войско и город Яицкий: казаки стали уральскими, а город Уральском. Это повлекло и другие изменения названий: так, в Оренбурге Яицкая улица была переименована в Уральскую, Яицкие ворота в Уральские. Указ вышел через пять дней после того, как Емельян Пугачев, его соратники и многие повстанцы были казнены или сосланы на каторгу. Но еще целый год правительство вынуждено было держать значительное количество войск в губерниях, где до того бушевало восстание, чтобы окончательно усмирить всех. Но память народа сильнее любых указов: не забылось восстание, а старое тюркское название реки еще долго было в употреблении, о чем свидетельствует и то, что на плане 1849 года, то есть более чем через семьдесят лет после указа, река в одном месте под-

¹ ПСЗ, т. XX, № 14235.

писана как Урал, а в другом как Яик¹. Революционер-демократ М. И. Михайлов, сотрудник «Современника», занимавшийся и собиранием фольклора, писал: «Не только в песнях и рассказах про старину Урал именуется у казаков Яиком, так называют они его постоянно и теперь». По его свидетельству, название Урал употреблялось тогда только в официальных случаях. Так не следует ли отменить царский указ и вернуть реке ее древнее имя.

Но если народу велено было забыть, то начальство не забывало и, опасаясь повторений, а с другой стороны, по-видимому, чтобы показать свое рвение, решило укрепить обороноспособность крепости: восстание застало ее в самом жалком состоянии, кроме того, осада выявила и ряд недостатков. Оказалось, что фланки располагались слишком далеко по линии обороны, то есть на геометрическом продолжении бастионных фасов, чтобы с них можно было свободно держать под обстрелом из обычного стрелкового оружия пространство вдоль всего фаса, или «очищать» его. В ходе осады выяснилось, что из крепости сложно было подавлять батареи, установленные на сырте, потому что гора была выше вала на 30 футов. Кроме того, считали опасным оставлять крепость не сомкнутой со стороны реки, поскольку отсюда были попытки проникнуть в город.

По проекту, изложенному на плане, датированном маем 1778 года², надлежало произвести обширнейшие работы. Предполагалось полностью реконструировать восточную сторону крепости. В трех бастионах — Галлофеевском, Фонштокманском и Никольском следовало воздвигнуть кавальеры (укрепление, повторяющее основные элементы бастиона, но настолько высокое, чтобы можно было вести огонь через него). Бруствер каваль-

¹ ГАОО, ф. 124, оп. 2, д. 6080.

² ЦГВИА, ф. 349, оп. 27, д. 2462.

еров был на 30 футов выше местного горизонта, это приблизительно высота трех этажей современного дома. Перед куртинами проектировались люнеты или равелины — треугольные укрепления с валом и бруствером, высота которого позволяет вести огонь с вала поверх него. С западной стороны проектировались только равелины, бастионы же перестройке не подлежали.

Со стороны реки крепость решили сомкнуть, превратив полубастионы в полные, а между ними построить еще один бастион, но меньших размеров. Все эти дополнительные укрепления должны были состоять только из бруствера с банкетом. Чтобы избежать слишком больших работ, крутость горы должна была срезаться не прямо, а двумя уступами, для очищения которых предусматривались батареи, причем сходы к ним вниз по косогору могли, как предполагалось, служить и для стока воды из города.

Однако, как часто бывает, широкие проекты и здесь остались в большинстве своем проектами или «прожектантами», как их называли в то время: вероятно, когда обстановка потеряла остроту, к работам стали относиться с безразличием, тем более, что они требовали очень больших затрат. Самое заметное изменение — постройка двух равелинов с сопутствующими укреплениями, прикрывавших куртины между Галлофеевским, Фонштокманским и Никольским бастионами. Но, построив эти укрепления, о них перестали заботиться, и к концу века этот «малый вал», как его называли в народе, лишь условно можно было назвать фортификационным сооружением, поэтому его даже именовали старым валом. Над главным валом и рвом работа шла много лет, о кавальерах же забыли. Представление о ходе работ дают подробные чертежи 1797 года, где даны профили всех частей крепостной ограды¹.

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 27, д. 2482, л. I—VIII.

Изменились размеры рва. Если раньше он был всюду почти одинаковой ширины, то теперь он стал значительно шире перед куртинами и фланками бастионов — от 30 до 40 метров, перед фасадами бастионов ширина в большинстве случаев была не более 24 метров. Работы шли медленно и к 1797 году только половина крепостной ограды имела ров указанных размеров. Полностью они, возможно, не были завершены никогда, так как еще в 1820-е годы встречались участки рва прежней ширины, а в ряде случаев заметны недоделки. Глубина нового рва доходила местами до 4 метров, но иногда он был всего 2,5 метра. Это зависело от рельефа, дно рва не должно иметь резких повышений или понижений, поэтому там, где какая-то впадина, он оказывался мельче, и наоборот. В тех местах, где работы к этому времени еще не производились, ров бывал немного глубже полутора метров.

Новый профиль крепостного вала существенно отличался от предыдущих, в том числе и от проектного профиля 1778 года. Вал стал выше; командование доходило до шести метров и более. За счет ширины валганга значительно утолстили бруствер. Работы, по всей видимости, опять начались с севера и северо-востока, то есть от главных ворот и фланкировавших их бастионов.

Целесообразно описать кратко всю крепостную ограду, которая в конце века отличалась разнообразием. Тут было все, от мощного вала до малоприметной насыпи со рвом, скорее напоминавшим заброшенную канаву, чем фортификационное сооружение. Описание можно начать с Нагорного полубастиона, или бастиона, как его в это время называли, хотя левый фас был представлен только частоколом. Земляные работы со времен осады здесь, по-видимому, не производились, и очень пологий вал возвышался над местным горизонтом на два метра и менее. Позже тут построили каменную стену, «приспособленную для ружейной обороны», как ее харак-

теризует очевидец, генерал-майор Оренбургского казачьего войска И. В. Чернов в своих мемуарах. Ограда была обращена к реке, место относительно берега высокое, и артиллерия того времени вряд ли могла особенно угрожать здесь.

Дальше, начиная с Торгового бастиона и до начала Воскресенского, вал в большинстве случаев имел каменную одежду по старому профилю, не отличавшемуся от присланного в 1748 году. Далеко не все было сделано, во многих местах отсутствовал бруствер, но участки вала, видимые от Уральских ворот, имели достаточно приличный вид. Высота куртины над местным горизонтом достигала тут более четырех метров. Этого нельзя сказать об окружении Чернореченских ворот. Возможно, меньшее внимание к ним объясняется «местным» их значением, о чем будет сказано ниже. С Воскресенского бастиона до начала Губернского профиль был новый, но без каменной одежды, эскарп и контрэскарп не были закончены, как и во многих других местах. Следующий, Губернский бастион, уже имел каменную одежду. Она доходила до конца Галофеевского бастиона, достигая разных отметок и имея различные уклоны и структуру. На левом фланке и фаса Губернского бастиона, который был с бермой, облицовку носил только эскарп. Местный горизонт тут был выше, поэтому край бруствера поднимался над ним только немногим больше пяти метров, так как вал должен был по возможности приближаться к горизонтали. Правая сторона этого и всего Галофеевского бастиона были одеты камнем гораздо выше. От дна рва облицовка поднималась до 5—6,5 и более метров. Таким образом, над местным горизонтом она возвышалась на высоту от двух до трех метров.

За исключением куртины между этими бастионами, которая осталась с облицовкой неплюевского времени и была только поднята по новому профилю, конфигурация остальных частей в принципе была одинаковой.

Нужно добавить, что кладка была с контрфорсами, которые шли с внутренней стороны.

От Галюфеевского бастиона и до конца вала на набережной крепость, исключая левый фланг Неплюевского бастиона, каменной кладки еще нигде не имела. Этот участок на схеме отмечен прерывистой линией. От Галюфеевского до Никольского бастиона, включая его левый фас, вал имел профиль, аналогичный показанному на чертеже «а» (рис. 10). Правая сторона была без бруствера, а дальше вал и ров еще не реконструировались, и профиль их лишь отдаленно напоминал крепостные сооружения. Судя по планам крепости, в последующие годы профиль вала довели до нормы и на этом участке, но каменная работа выполнялась не везде, использовался и дерн. Позже, при военном губернаторе В. А. Перовском, вместо куртины между Успенским и Преображенским бастионами построили оборонительную казарму.

В целом к 1797 году почти половина крепости имела вал по новому профилю, местами пусть и не законченному. Этот участок на схеме показан двойной линией. Но до окончания каменной работы было еще очень далеко, забегая вперед, можно сказать, что ее никогда не закончили.

Не в последнюю очередь следует отметить, что крепость все-таки сомкнули со стороны набережной, но ограда здесь не соответствовала ни одной из проектировавшихся ранее в разное время. Оба полубастиона превратили в полные, а между ними появился тринадцатый бастион крепости. В 1797 году его называли еще «проектированным», а позже — бастионом «князя Волконского», в честь военного губернатора Григория Семеновича Волконского (был здесь с 1803 по 1817 г.) — отца декабриста Сергея Григорьевича Волконского. Оградой в этой части служил всего-навсего частокол высотой от полутора до двух с небольшим метров. Эта ограда рассматривалась, очевидно, как временная, но другой

ее не заменили, и она просуществовала недолго, в 1724 году здесь уже был небольшой бульвар. На схеме частокол, доходивший до Торгового бастиона, показан пунктиром.

Крепостной вал служил не только по своему прямому назначению. Горожане использовали его и как место вечерних прогулок, в городе летом бывало не только жарко, но и душно из-за крепостной ограды. Об этом есть даже стихи, весьма слабые, правда. П. Н. Столянский, который приводит в своей книге «Оренбург» два четверостишия из этого длинного стихотворения, называет автора одним «из доморощенных баталионных пиит». Вот одно из четверостиший:

В крепостных стенах спокойно.
Шум дневной уж умолкал,
И вот чинно, плавно, стройно
Выступают все на вал.

Крепостные работы велись постоянно, земляные укрепления требовали ухода для поддержания их в должном состоянии. Этим занималась специальная команда — рота крепостных арестантов, или невольников, как их даже официально часто называли, пока в июле 1816 года не был издан указ «Об именовании во всех бумагах невольников арестантами». Казармы их, названные на плане 1812 года «невольничьи казармы», находились около Сакмарских ворот напротив кордегардии, то есть там, где сейчас угол улиц Советской и Володарской и часть дома 13 по этой же улице. Кроме того, имелась еще военно-рабочая рота, помещавшаяся рядом. Она тоже занималась крепостными работами. Учитывая, что укрепления были земляными и требовали постоянного ремонта, потому что земля оседала, осыпалась, размывалась, этих команд, по-видимому, едва хватало на текущие работы. Реконструкция требовала значительно большего количества людей. Их обычно наряжали из Башкирии.

Во время реконструкции крепости перестройке под-

вергались и ворота, по крайней мере некоторые, насколько можно судить по имеющимся документам. Бывшие Яицкие ворота могли остаться без особых изменений, так как крепостная ограда здесь по существу не перестраивалась. Следующие за ними, Чернореченские ворота, должно быть, подверглись перестройке. Но она могла зависеть не столько от реконструкции крепости, сколько от изменения или ограничения их функции, связанной с перестройкой в городе и некоторой специализацией ворот.

На чертеже 1801 года поражают странные размеры Чернореченских ворот, где ширина более чем вдвое превышает высоту въездного проема. Ошибку здесь вряд ли можно предположить, потому что разница сразу бросается в глаза. Размеры их приблизительно выражаются следующими цифрами: высота проема — 2 метра, ширина его — 4,2 метра, общая высота с парапетом — 4 метра. На чертеже, к сожалению, даны только продольный разрез и план, нет вида спереди. Исходя из отношения высоты и ширины, а также из общих размеров, проем ворот должен был иметь коробовой свод. Только в этом случае можно использовать всю ширину ворот.

Размеры Чернореченских ворот позволяют предполагать, что основной «специализацией» их был прогон городского стада на выгон, и одновременно создание препятствия проезду с возами, которые могли создать пробку. Раньше, когда эти ворота назывались еще Сакмарскими, они должны были иметь нормальную высоту, будучи торговыми, ведь они вели прямо на базар. Кроме того, скот тогда можно выгонять и на восток, поскольку вся земля принадлежала городу. Позже положение изменилось. Пойменная земля на востоке стала принадлежать образовавшемуся в конце XVIII века Форштадту, городской выгон остался с западной стороны. Поэтому с ликвидацией и перенесением рынка внутрь Гостиного двора функция этих ворот постепен-

но изменилась. Через них ближе всего на городской выгон, положение их было почти центральным по отношению к северной и южной частям города; через Уральские движение было довольно интенсивным, особенно в летнее время, когда шел торг на Меновом дворе, кроме того, именно здесь чаще мчались за водой в случае пожара. Поэтому городское стадо, лошадей удобнее всего прогонять было через Чернореченские ворота. Такова, думается, наиболее вероятная причина странной особенности этих ворот.

Почти точно напротив Чернореченских на другой стороне крепости находились перенесенные в процессе реконструкции Орские ворота — единственные не менявшие своего названия, но зато сменившие место. Их вписали на середину куртины, как и полагалось по правилам. Поскольку определяющим был именно центр куртины, ворота оказались не по оси тогдашней Самарской улицы, а рядом с красной линией ее южной стороны, там, где сейчас проходная зенитно-ракетного училища. По воротам и улица потом изменила свое название на Орскую. Хотя перенос был запроектирован с самого начала, работы начались не сразу. В 1797 году использовались еще старые ворота, на новом же месте в это время профиль вала еще не был прорезан, а лишь проведены работы по оборудованию подъезда к нему. Скорее всего, они были закончены в первые годы XIX века.

Чертежей первых десятилетий XIX в. с указанием, что они относятся к новым Орским воротам, пока не обнаружено. Но среди нескольких профилей по Оренбургской крепости, датированных 1820 годом¹, есть продольный разрез ворот, который по ряду признаков может быть соотнесен только с ними. Обращает на себя внимание мощный парапет, до верха которого было более 9 метров; высота проема ворот — около 5 метров. Таким образом, в них свободно мог проходить воз с сеном. Как раз в этой части города, и в частности на

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 27, д. 2601.

Артиллерийской площади, им и торговали. Данное обстоятельство говорит в пользу соотнесения приводимого профиля с Орскими воротами. Другая существенная их особенность — очень малое отверстие для пропуска воды под дамбой, устроенной вместо моста. Высота сводчатого водостока всего около 80 сантиметров, такова же и ширина его. Столь малая пропускная способность водостока исключает возможность соотнесения чертежа с Чернореченскими воротами, расположенными значительно ниже Орских (по отметкам того времени разница в высоте местного горизонта рядом с воротами составляла 18—19 метров, сейчас разница в высоте этих мест лишь немного более 12 метров), а тем более Уральскими, находившимися еще ниже и имевшими к тому же водоотвод под проезжей частью. Сакмарские ворота, расположенные хотя и ниже, но не настолько, чтобы полностью исключить возможность устройства около них такого маленького водостока, также отпадают по ряду соображений. Орские ворота находились в самом высоком месте крепости, поэтому столь маленький водосток был там вполне приемлем. Таковы основные доводы в пользу соотнесения указанного профиля с Орскими воротами. Надо сказать, что в дальнейшем эти ворота, как и остальные, перестраивались. К 1850-м годам их размеры несколько уменьшились. Проем по высоте и ширине стал около 4 метров, а высота до верха парапета — немного больше 7,5 метра.

Наконец, главные ворота крепости — Сакмарские, которые Т. Г. Шевченко назвал неуклюжими, такими громоздкими они казались после перестройки. Размеры их весьма внушительны, хотя по высоте они и уступают Орским. Общая высота их 7,7 метра, высота проема около 4 метров.

Мост в начале века был еще деревянным, затем, как и у остальных ворот, его заменили земляной дамбой (это, по-видимому, связано с идеей устройства таким путем бассейнов, указанных на плане 1828 г.). В 1841 го-

ду, по свидетельству очевидца, у Сакмарских ворот снова был мост, на этот раз каменный. На рисунке реконструирован вид ворот в начале XIX века. Основной базой для рисунка явились чертежи профиля и плана ворот 1801 года (фасада нет). Говоря о воротах крепости в целом, нужно заметить, что независимо от их общего вида они должны были нести изображение двуглавого орла. Если не все, то Сакмарские и Уральские во всяком случае.

Нужно сказать еще об одних воротах, к крепости как таковой никакого отношения не имевших, но которые, тем не менее, часто путают с крепостными. Это декоративные Елизаветинские, построенные в 1755 году в связи с усмирением башкирского восстания, макет их есть в Краеведческом музее. Считается, что они сначала стояли на Яицких воротах, или рядом с ними, потом на Сакмарских, и окончательное место обрели на набережной, обрамляя спуск к реке, который теперь называется старым. Части их сохранились, и ворота можно восстановить. Вероятнее, однако, что в 1755 году изготовили не целые ворота, а три основных компонента их — две фигуры с пальмовыми ветвями и центральный камень с гербом и прочим, а уже на набережной собрали их целиком. В народе их называли Водяными — то ли потому, что они вели к реке, то ли по прошлой общности с Яицкими, которые в народе искони назывались так.

После трех пожаров

Во время осады город лишился почти всех построек вне крепости, а новые появились не сразу, так как в первую очередь стали заниматься крепостью. Внутри города поставили Верхние казармы к северу от Введенского собора, здание в перестроенном виде существует и теперь. В 1778 году наметили место «к постройке вновь инженерного двора», на этот раз опять в городе. Место

занимало более половины квартала около Сакмарских ворот между Губернской улицей и Комисской, с тех пор около полутора веков оно оставалось за ведомством военных инженеров. Не позднее 1776 года помещиком Тимашевым напротив Благовещенской церкви на большой улице был сооружен дом с мезонином. Дом этот сохранился (Советская, 32). Восстанавливали постройки, разобранные во время осады на дрова. В общем же ничего значительного не появлялось.

В декабре 1781 года по именному указу императрицы Екатерины II было учреждено Уфимское наместничество, состоявшее из двух областей — Уфимской и Оренбургской, и в апреле все губернские учреждения переехали в Уфу. Поскольку Оренбург в эти годы был почти исключительно военно-чиновничьим городом, это изменение не могло способствовать его росту, наоборот, часть казенных зданий или не использовалась, или пребывала в небрежении. До ликвидации губернии построили только загородный губернаторский дом, вероятно, в 1778—1780 годах. Он находился к северо-западу от Сакмарских ворот на расстоянии около 580 сажен от них. Высшей властью в Оренбурге обладал обер-комендант, ему же надлежало «ведать пограничные дела». На таком положении Оренбург оставался до 1792 года, когда была восстановлена губерния, но военным центром он оставался всегда.

В этот период Оренбург постигло большое бедствие. Весной 1786 года произошли три огромных пожара, которые уничтожили большинство построек в крепости; казенных домов, например, осталось всего 45. Меньше других пострадала юго-западная часть города. Огонь был настолько силен, что на кирпичном Гостином дворе сгорела крыша, хотя она была крыта железом, сильно выгорела самая высокая в городе Петропавловская церковь.

В связи с необходимостью восстановления города

возник ряд проблем. В рескриптах императрицы, которая оказывала финансовую поддержку пострадавшему Оренбургу, предписывалось восстановление его по плану и с «наблюдением всех предосторожностей, от пожара быть могущих». Среди прочих мер, нужно было уменьшить количество дворов, в городе же еще в 1750-е годы дома во многих местах стояли очень близко, плотность должна была еще увеличиться после уничтожения Георгиевской слободы, так как населению ее надлежало переселиться в крепость. Это явилось, вероятно, главной причиной того, что при разработке плана восстановления города генерал-губернатор (так называлась должность наместника) барон О. А. Игельстром обратил внимание на нарушение городского положения, согласно которому в городе имели право жить только определенные сословия, в число коих не входили казаки, отставные солдаты и своекоштные. Для того чтобы убрать их из города, была спланирована новая слобода с восточной стороны, она сразу стала называться Форштадтом.

На этот раз предместье строилось уже отдельно от города на расстоянии, потому что вокруг крепости предписывалось оставлять эспланаду — свободное пространство шириной в 130 саженей. Форштадт не следует рассматривать как восстановление Георгиевской слободы, поскольку ни планировкой, ни ориентацией улиц они не связаны, а по территории совпадают лишь частично. Объединяет обе слободы только сословный принцип заселения (селились казаки) и расположение. Начинаясь Форштадт от линии современной Выставочной улицы и Красного переулка, позже граница на юге пошла примерно по улице Красная площадь. От первоначального плана, за исключением уже сказанного и принципа планирования по прямоугольной сетке, почти ничего не осталось, потому что, во-первых, на месте одного квартала потом появились четыре, и во-вторых, из первоначально заложенных улиц на месте осталась одна — Бассейный

переулок, это была сначала единственная улица в направлении с ЮЮВ на ССЗ; из улиц же, идущих перпендикулярно ей, ни одна точно на своем месте не осталась. Не достиг Форштадт и запланированных размеров за время существования Оренбургского казачьего войска. Он проектировался около 2,5 километра в длину, что вынесло бы его восточную границу на современную улицу 60-летия Октября. Рос он довольно медленно: до середины XIX века не выходя за линию современной улицы Степана Разина, достигнув линии улицы Уральской лишь в начале XX века. К этому же времени он дошел до своего северного предела — нынешней улицы Туркестанской.

Сначала Форштадт рассматривался как городское предместье, но постепенно обособился и стал станицей Оренбургской со своим самоуправлением.

Неказаки, которые подлежали выселению из города, по ряду причин не хотели жить рядом с казаками и переселяться в Форштадт, хотя места для них там отвели. Принято считать, что они туда совсем не переселились, однако какая-то часть сначала, возможно, все-таки вынуждена была поселиться там, так как в экспликации к одному из планов 1797 года сказано: «Форштадт, застроенный служащими и отставными казаками и частью отставными солдатами с поселенными ссылочными»¹. То, что ссыльным пришлось переселяться за город, не подлежит сомнению. На том же плане показаны дома ссыльных к западу от крепости. В то время эту группу домов называли слободкой «своекоштных ссыльных», или просто «своекоштная слободка» («т» в слове своекоштный, как правило, опускали); была она тогда длиной всего около ста метров и шириной менее пятидесяти, состояла из двух порядков домов, разделенных улицей, и располагалась у самого склона

к пойме, примерно там, где сейчас больница № 3 на улице Пионерской. Расширение слободки шло очень медленно, через 15 лет она была менее 200 метров длиной при старой ширине. Но в это время «обывательские» дома стояли в небольшом количестве еще в трех местах вдоль того же склона. К югу от слободки в 1797 году было много других построек: мясные ряды вместе с загонами для скота, салотопни на берегу озера, пивоварня, ближе к крепости стояли кузницы гарнизонных батальонов, а у самой дороги от Уральских ворот к мосту находился питейный дом. На берегу Урала перед левым фасом Торгового бастиона появились бани.

Сам город, следуя рескриптам императрицы, задумано было восстанавливать по плану, для чего разработали специальное положение по застройке¹. Старую планировку города следовало сохранить, но расширить улицы в противопожарных целях до 12 саженей. Такую ширину изначально имели только Губернская и Штабская, на планах времен застройки они еще шире; остальные улицы были уже, большинство имело в ширину 8 саженей. Участки под частное строительство были определены в 15 и 12 саженей по улице, между деревянными домами допускался минимальный промежуток в 7 саженей. Число дворов сокращалось до 414.

Одновременно с расширением улиц их нужно было спрямлять там, где они оказывались искривленными предыдущей застройкой. Но при всем этом следовало сделать так, чтобы хорошие дома, оставшиеся целыми после пожара, не пришлось переносить, а это предписание сильно мешало распланировке. Кроме того, улицы делились на «передние» и «задние», для того чтобы «дома для житья в них самим хозяевам принадлежащая строения располагаемы были по обеим сторонам перед-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2235.

¹ Положение и цитаты из него излагаются по книге П. Н. Столянского «Город Оренбург». Оренбург, 1908, с. 226—230.

ней, а службы их задней улиц». Это оказалось в значительной мере прожектерством, поскольку, во-первых, такая схема в идеале требует четного числа кварталов по обе стороны от главной улицы, если принцип проводить последовательно, иными словами, общее число кварталов должно быть кратно четырем; в Оренбурге же кварталы группировались преимущественно по три или шесть; во-вторых, не удалось уменьшить число дворов до требуемого количества, о чем свидетельствует цифра 863 дома в 1797 году. Для застройщиков разработали типовые фасады: четыре для каменных домов, пять для деревянных домов на каменном фундаменте, шесть для деревянных домов «самой меньшей пропорции», семь для военнослужащих нижних чинов. По улице дворы должны были иметь хорошую ограду, внутри квартала разрешалось ставить плетень, обмазанный глиной. Эти предписания тоже выполнялись далеко не всегда. Впервые весь город разделили на две части в пожарном и полицейском отношении.

При планировании распределения мест, как и во время застройки города, соблюдали сословный принцип, только еще большую роль стала играть состоятельность. Генерал-губернатор писал: «...под каждый дом лучших купцов и дворянского достоинства людей назначил я места по улице по пятнадцати, а в глубину квартала на тридцать сажен; мещан же, разночинцев, служащих солдат и приказных служителей по улице двенадцать, а в глубину квартала по двадцать четыре сажени». Практически это означало, что входившие в первую группу селились по двум главным осевым улицам, так как только вдоль них кварталы были такой ширины. Северо-восточная часть предназначена была артиллерийским, инженерным и «прочим сего рода нижним чинам», южнее отводился квартал чиновникам Оренбургского казачьего полка; особое место отводилось «азиатцам»: квартал к западу от современного переулка Каширина

от улицы М. Горького до улицы «Правды». Самая южная часть города к западу от этого переулкa отводилась гарнизонным солдатам; здесь были и казармы, а также некоторые другие казенные здания. Остальные кварталы так строго не определялись.

Кроме расширения и спрямления улиц, в городе увеличили количество площадей: к одной плацпарадной, оставлявшейся в старых границах, добавили еще две. Для торговли привозным сеном устраивалась Артиллерийская площадь, она была от вала между Артиллерийским двором и Орскими воротами до линии нынешней улицы 8-го Марта; для торговли продуктами и лесом к западу от Гостиного двора в сторону Чернореченских ворот оставлялась вторая площадь — Торговая.

Целый ряд официальных лиц должен был следить за соблюдением правил застройки, но полностью провести их в жизнь не удалось, не все кварталы получили правильную форму, а улицы заданную ширину. Кварталы в юго-западной части, меньше пострадавшие от пожара, сохранили свои исконные размеры, и ширина улиц осталась прежней. Так они и дошли до нас. Планировка остальных частей города-крепости тоже преимущественно сохранилась в том виде, как она была решена в 1786 году.

Улицы и перемещали. Это случилось с Гостиной, позже Гостинодворской; обе ее части по сторонам Гостиного двора, где образовалось «колени», перенесли к северу более чем на половину ширины, выравнивая улицу по Гостиному. По этой причине два квартала на ее концах стали значительно шире других параллельных им кварталов. Это кварталы между улицей Кирова и переулками Сакмарским и Мало-Торговым.

Как следствие опустошения, произведенного пожаром, оказалось соединение двух улиц — Посадской и Воскресенской в одну, что сначала, по-видимому, не было запланировано. Эта улица получила название Введенской

по собору на высоком берегу Урала, откуда она начиналась. Следы пожарного бедствия оставались заметны более четверти века по пустым местам незастроенных кварталов или их частей. Особенно долго пустовал квартал в самом центре города, к югу от Гостиного двора, где места, по-видимому, держали в резерве.

В 1797 году, по всей вероятности, в связи с возвращением Оренбургу статуса губернского города, была произведена тщательная инвентаризация всех казенных домов. По каждому из них составлялись чертежи, включавшие и надворные постройки или службы. Эти документы позволили не только произвести реконструкцию вида отдельных из них, но восстановить и вид целого участка Губернской улицы, который дан на рисунке. Так должна была выглядеть западная ее сторона от перекрестка с Уральской или, как ее называли в народе, вероятно, с основания города, Водяной улицей. На переднем плане дом Экспедиции пограничных дел, на месте которого сейчас двухэтажный дом № 7, за ним два дома обер-коменданта, а дальше его канцелярия, в самом конце виден большой одноэтажный дом губернатора, построенный еще при Неплюеве.

В начале века

В новый XIX век Оренбург вступал в основном одноэтажным, изрядно запущенными местами и весьма опасным в пожарном отношении. Несмотря на распоряжения и еще довольно свежие воспоминания о пожаре 1786 года, правила пожарной безопасности соблюдались плохо. Достаточно ярко об этом свидетельствует рапорт оренбургского коменданта полковника Тарарыкина военному губернатору генерал-майору Бахметеву. 26 апреля 1805 года он пишет: «В здешней крепости состоит немало казенного строения и частично смежного с обыва-

тельскими домами и в близости оных, из которых мною усмотрено многие трубы ветхие и развалившиеся, следовательно, таковые ж должны быть и печи, от коих настает немалая опасность от пожара. А так же на некоторых обывательских дворах лежит никогда с оных несвозимый навоз, от коего происходит вредное испарение; а в сухую погоду особливо в случае пожара может загореться от единой искры. И причинить не малой вред, каковой также последовать может и от лежащего на поветях открытого сена».

Как оказалось, не все дома после пожара строились по рекомендованным после пожара проектам. По свидетельству современника, были и «земляные хижины, на поверхности оной (то есть земли) самолепные, равное наименование порядочным домам званиями имеющими». Поэтому неудивительно, что в городе довольно скоро появились ветхие дома. Не только значительная бедность мешанской части населения тормозила рост застройки. Не всякий житель, имевший средства, предпринимал новое строительство, расширение дома и тому подобное. В этом виновато было положение о воинском постое, по которому военные безоговорочно ставились на квартиру в частные или, как их называли, обывательские дома. Обывателям оставалась для жительства лишь часть собственного дома, обычно меньшая и худшая, даже производство ремонта было затруднительно, потому что, когда съезжал один, сразу ставился новый постоялец. Поэтому невыгодно было строить большие дома, ведь все равно можно было оказаться в такой же клетушке и в большем здании. С просьбами о хотя бы временном освобождении от постоя обращались не только к военному губернатору, но и на «Высочайшее имя». Достаточно характерным в этом отношении является прошение Оренбургской пограничной таможни пакгаузного инспектора титулярного советника Бардина от 31 августа 1805 года. В нем он пишет, что после пожаров 1786

года он первым «из жителей построил собственными своими трудами дом и с того самого времени содержи отяготительные в доме моем из штаб- и обер-офицеров с фамилиями их (то есть с семьями) постои и даже не имел себе свободы ни на одну неделю, который постоялец куда отъезжает, а другой уже заблаговременно переезжает... и не имею свободного времени для исправления по дому ветхостей...» Ответом на это прошение было предписание освободить от поста на один месяц!

В плохом состоянии были многие казенные дома, как явствует из материалов упоминавшейся инвентаризации. Ряд зданий, видимо, из уцелевших после пожара, не подлежал даже ремонту. Так, о двух домах, занимавшихся «медицинскими чинами», в пояснениях к чертежам сказано: «...весьма ветхом состоянии и стоит впусе» — о первом, и «...состоит в совершенной ветхости» — о втором. Другие, особенно гражданского ведомства, имели весьма жалкий вид. В ноябре 1804 года Оренбургская палата уголовного суда жалуется, что пришедшие в ветхость печи нельзя топить, и просит пристроить к флигелю крыльцо, «чтобы снег не заносило». Многие постройки, даже Гостиный двор, после пожара были покрыты лубьями, эти крыши быстро приходили в негодность и протекали.

Оренбург с 1802 года стал уездным городом, и все гражданские губернские учреждения снова возвратились в Уфу, где был центр губернии, но резиденция и управление военного губернатора осталась в Оренбурге, что существенно влияло на дальнейший рост и благоустройство города.

Первым зданием, построенным в XIX веке на казенный счет, была мечеть. Место для нее было оставлено в квартале «для азиатцев» еще при перепланировке 1786 года. В то время необходимость такой постройки диктовалась прежде всего политикой. В именном же

«повелении» от 6 мая 1802 года сказано, что мечеть в Оренбурге нужно строить «в ободрение жительствующим в Оренбурге и по торговому промыслу приезжающим тудаж в немалом числе разных магометанского звания народов, и по прошению представленному мне (то есть Александру I) от Трухменского Пиргали Хана»; одновременно указывалось, что строение «состоять должно без всякого лишнего великолепия и единственно так только, чтоб с приличием могло производиться богослужение». Так и поступили. Присылая утвержденные план и фасад мечети, которые, по-видимому, и «сочинялись» в столице, министр внутренних дел Кочубей писал в сопроводительной бумаге: «чтобы по плану сему было немедленно приступлено к постройке здания».

Надзор за строительством был поручен полицмейстеру за неимением в это время архитектора на службе, хотя в городе тогда и жил специалист — архитектор Мусатов. Уже в октябре 1804 года полицмейстер доложил новому военному губернатору князю Г. С. Волконскому о готовности здания мечети. Если не считать Гостиного двора, который своими обращенными на улицу глухими стенами напоминал восточные краван-сарай, то эта мечеть была в городе-крепости первым зданием, которое внесло в него восточный колорит. Во второй половине XIX века мечеть перестраивалась; здание это сохранилось до наших дней, утратив минарет и связанную с ним часть со стороны переулка Каширина.

В городе в это время не было должности архитектора, поэтому Г. С. Волконский ходатайствовал об учреждении таковой, обосновывая свое прошение запланированной перестройкой Гостиного и Менового дворов, пришедших в ветхость, а также необходимостью надзора за другими казенными постройками. Он писал, что никто «в толь отдаленный край ехать не соглашается», но на месте есть губернский секретарь Михайла Малахов, «знаниям и способности коего в показанном

художестве» он был «довольно наслышан», поэтому и предлагал назначить его архитектором «в непосредственном ведении военного губернатора». Ответ был положительным, и Малахов стал городским архитектором, прослужив здесь до конца 1814 года. Почему он оказался в Оренбурге губернским секретарем — загадка. Дело в том, что Михаил Павлович Малахов, уроженец Черниговского уезда, с 1800 года обучался архитектуре в Академии художеств и одновременно работал архитекторским помощником в учреждениях Петербурга. Он участвовал в сооружении зданий Медико-хирургической академии и Казанского собора¹ — и вдруг дальний Оренбург, и должность, к архитектуре никакого отношения не имеющая!

По проектам М. Малахова на плацпарадной площади возвели два дома военного ведомства для генералов, штаб- и обер-офицеров. Одно здание построили там, где сейчас пединститут, стены его вошли позже в конструкцию большего здания и существуют поныне. Дом был двухэтажным, ориентировался на площадь и не доходил по обе стороны приблизительно на десять метров до красных линий с одной стороны Губернской, а с другой — Мечетной улиц, как по мечети стал называться нынешний переулок Каширина. Второй дом существует, внешне почти не изменившись (музыкальная школа № 1 по Каширина, 31). Долгое время эта постройка была единственной в квартале. По его же проекту в 1814 году было построено здание городского самоуправления, где помещались городская дума, городской магистрат и сиротский суд. Его строили на деньги городского общества «с дозволения начальства», поэтому дом принадлежал городу и в число казенных не включался; ремонт, таким образом, должен был производиться за

¹ Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII — начала XX века. Свердловск, 1981, с. 73.

счет города, у которого вечно не было средств. Поэтому в течение полувека дом ремонтировался всего один раз. До нашего времени здание дошло в перестроенном в 1870-е годы виде. Сначала оно состояло из узкой центральной части, которая мало изменилась, и двух небольших одноэтажных крыльев. Малахов же, по-видимому, является автором восстановленной колокольни над западными воротами Гостиного двора. Бывшая колокольня сохранилась, мало изменившись. Все здания этого незаурядного архитектора построены в классическом стиле. Из Оренбурга Малахов уехал работать в Екатеринбург, где построил и реконструировал большое число заводских, церковных и частных зданий.

Сам военный губернатор князь Волконский жил, так же как и его предшественник, не в губернаторском доме над рекой, а в центре города на бывшей Штабской, называвшейся тогда еще Орской, улице. Дом был деревянный, одноэтажный на десять окон по улице, он стоял примерно там, где сейчас музыкальное училище, только выходил, разумеется, на красную линию. Жил Волконский один, здесь его навещала семья, в том числе и сын Сергей, который тогда был уже офицером. Г. С. Волконский, герой турецкой кампании, друг М. И. Кутузова, который писал ему во время Отечественной войны о героизме русских войск, в том числе и подразделений Оренбуржья, не был в чести в высших сферах. В Оренбурге, судя по мемуарам И. В. Чернова, он слыл чудачком, любил устраивать по «исключительным случаям» «народные увеселения» с фейерверком и тому подобным; по случаю приезда семьи поставлены были «бочки пива и вина, на ногах стояли жареные быки и бараны... фейерверк превзошел все, что оренбуржане доселе могли видеть».

После Отечественной войны 1812 года к западу от крепости появилось второе предместье города — Голубиная, или Солдатская, слободка. Дома ссыльных, по-

строенные здесь раньше, были поглощены ею. В первое время, судя по второму неофициальному названию, здесь селились преимущественно солдаты; это подтверждается и составом населения ее в дальнейшем. В 1819 году в слободку выселили из города беднейшие слои. Застройка Голубиной слободки шла сначала между линией нынешней улицы Чичерина и склоном к пойме. Предписываемые 130 сажень эспланады выдерживались только в северной части, главной причиной этого отступления был, очевидно, недостаток места, потому что к западу от склона не селились, боясь паводковых вод. Еще в 1828 году слободка почти не спускалась вниз. Она ограничивалась линией по нынешним улицам Чичерина и Постникова почти до проезда Коммунаров и вдоль него до улицы Чичерина. Между склоном и линией улицы Казаковской было еще несколько строений в западном направлении. В этом году числилось «казенных 3 и обывательских 374 строения». Постепенно слободка стала распространяться вниз по обе стороны дороги на Черноречье, которое превратилось в улицу, унаследовав название. До середины 60-х годов Чернореченская была в слободке единственной улицей с официальным названием. Если верхняя часть предместья застраивалась до какой-то степени правильно, то остальная часть строилась хаотично. Улицы шли так, как получалось, произвольно расширяясь, сужаясь, поворачивая. К середине XIX века слободка дошла до линии сегодняшней Актюбинской улицы, на юге до Банного озера, а на севере ее пределом была линия Заводского переулка. В это время в ней все еще преобладали солдаты, как позволяют судить данные по 246 домовладениям, которые находились в более чем половине кварталов слободки, причем последние располагались во всех ее частях. Из этого количества солдатских домовладений было 49,58%, мещанских — 34,9, купеческих — 2,43, офицерских, казачьих и крестьянских — по 2, чиновничьих —

1,62%, остальные домовладельцы представлены по одному, тут и «девица из дворян», и полицейский служитель, и дьячок и другие¹. Солдаты жили практически во всех кварталах, кроме одного или двух. Отставные и служащие унтер-офицеры и солдаты были представлены среди домовладельцев примерно в равных количествах.

К концу первой четверти XIX века было завершено строительство здания для Неплюевского училища — первого военно-гражданского учебного заведения, открытого в январе 1825 года. Здание строилось по проекту Григория Федоровича Генса — выпускника инженерного корпуса, прибывшего в 1807 году в инженерную команду военного губернатора в чине подпоручика, а в 1820 году назначенного начальником инженеров Отдельного Оренбургского корпуса. За проект и строительство этого здания Г. Ф. Генс получил золотую медаль². Оно сохранилось, но перестроено до неузнаваемости, уличный фасад его получил свой нынешний вид в первом десятилетии нашего века, помещается здесь медицинское училище (Ленинская, 25).

Почти четверть века понадобилось для того, чтобы открыть Неплюевское училище. Впервые разговор о нем начался в 1801 году, и начал его, к тому же, сам царь, приславший рескрипт, в котором выразил желание иметь в Оренбурге училище для детей местного дворянства. История организации этого училища, таким образом, началась при военном губернаторе Н. Н. Бахметеве, охватывает все управление Г. С. Волконского, который принимал активное участие в ней, составил проект устава и организовал сбор пожертвований на училище; завершилась же она при следующем за ним военном губернаторе графе П. К. Эссене, управление которого нача-

¹ ГАОО, ф. 41, оп. 1, д. 852, л. 5, 85—116.

² Матвиевский П. Е. Г. Ф. Генс и его оренбургские записки о русско-индийских связях в XVIII — первой трети XIX века. Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1966, с. 51—52.

лось с 1817 года. В конечном итоге училище оформилось как учебное заведение для русских и «азиатцев», готовило оно офицеров и переводчиков, играя определенную роль в сближении с народами Азии и укреплении влияния России в Средней Азии. Первым директором был тот же Г. Ф. Генс, тогда полковник, оставаясь одновременно председателем пограничной комиссии и начальником инженеров, — человек разносторонний, занимавшийся вне службы наукой настолько серьезно, что заслужил очень высокую оценку великого немецкого ученого Александра Гумбольдта, который на обратном пути с Алтая посетил Оренбург в сентябре 1829 года (заехав перед этим в Орск, А. Гумбольдт познакомился там со ссыльным Яном Виткевичем и в Оренбурге ходатайствовал за него).

На управление П. К. Эссена приходится развитие озеленения города. И. В. Чернов пишет в мемуарах, что Эссен заставлял всех иметь у домов палисадники с деревьями, главная улица была обсажена деревьями во всю длину. Озеленение было, судя по всему, увлечением губернатора, человека в целом довольно заурядного. По его инициативе и при личном участии была посажена и выращена аллея ивовых деревьев, которая, начинаясь почти у самых Сакмарских ворот, шла до угла госпиталя, который был построен за городом, очевидно, после Отечественной войны 1812 года, но позже перестраивался. Аллея окаймляла дорогу, которая вела дальше к саду военного губернатора. В эти же годы и Зауральная роща превратилась в место отдыха горожан, в первую очередь привилегированных. Устроены были аллеи, павильоны, появились постройки для дач, но роща тогда была очень маленькая и доходила только до старицы, она никак не могла оправиться после постройки города, когда вокруг вырубали лес на строительство. Озеленение было, по-видимому, одним из стимулов, побудивших Эссена взяться за устройство водопровода в городе.

Попытка эта окончилась неудачей, о чем будет сказано особо. Отсутствие воды для регулярного полива не давало возможности вырастить хорошенько насаждения, большинство из них погибло. Аллея, которая, применительно к современному городу, шла по проезду Коммунаров, начинаясь от северной дорожки сквера Дома Советов, просуществовала в голой степи до середины 1840-х годов в полном порядке, а в начале 50-х уже сильно поредела. По-настоящему продолженным начинанием явилось только благоустройство Зауральной рощи. Этой работой руководил инженер генерал-майор Бикбулатов, который «соединил здесь все, что только нужно для приятной народной прогулки», — писал П. П. Свиньин, посетивший Оренбург летом 1824 года¹. Летом в воскресные дни в роще «играет полковая музыка и становится тесно от гуляющих», отмечает он далее. По одной из версий (наиболее правдоподобной) и беседка-ротонда, украшающая сейчас Ленинский садик, была первоначально построена в роще «на площадке за рукавом старицы» (сейчас небольшая впадина по пути к уже занесенной части старицы) к отъезду Эссена в 1830 году, а в 1890-х годах перенесена на нынешнее место². Если это так, то беседка находилась на прямой, проведенной от восточного угла дома № 1 по Советской параллельно геометрическому продолжению главной улицы.

Любопытно отметить одно событие первой четверти века. К северо-западу от сада военного губернатора в 1815 году около 100 гектаров земли было отведено миссионерам Британского библейского общества, где они построили большой одноэтажный дом со службами, разбили сад. Постройки находились относительно современного города между переулками Боевым и Арсеналь-

¹ Свиньин П. П. Картина Оренбурга. — Отечественные записки, № 99, 1828, с. 20.

² Чернов И. В. Записки. — Труды Оренбургской учебной архивной комиссии. Выпуск XVIII. Оренбург, 1907, с. 57

ным. Здесь пытались обосноваться Шотландские Евангелические братья. Насколько чисты были их цели, неизвестно, но казахи вежливо попросили их из своих степей. Пробыли они в Оренбурге всего лет 15, но дом, построенный ими, долго назывался «англичанским».

В 1824 году в Оренбурге вместе с Голубиной слободкой и Форштадтом было 1449 домов, не считая казенных; жителей, кроме гарнизона, — около 8 тыс., и город носил сильно выраженный военный облик, что отмечает П. П. Свинын в своем описании. Он пишет: «Оренбург город военный: на каждом шагу встречаются в нем солдаты, казаки, пушки, платформы и другия грозныя принадлежности крепостей». В самом городе он, замечая, очевидно, только положительное, подчеркивает «пленительную опрятность домов, большею частью деревянных, оштукатуренных; начало великолепнаго каменнаго тротуара на большой улице и ряды молодых деревьев, насаженных перед домами». Относительно главных улиц с этим описанием можно еще согласиться, но обычным городским улицам было довольно далеко до них. Город оставался еще с большим количеством невзрачных домов, хотя один из факторов, тормозивших строительство, отпал: в декабре 1821 года на основании «высочайшего повеления» город был освобожден от воинского постоя¹, осталась вместо этого квартирная повинность. С 1 января 1822 года приезжающие генералы, штаб- и обер-офицеры, вместо квартир, получали квартирные деньги. В честь этого освобождения на плацпарадной площади с северной стороны магистрата был поставлен обелиск. Датой освобождения часто ошибочно считают осень 1824 года, когда Александр I приезжал в Оренбург, а обелиск выдают за памятник самому царю; и то и другое не верно. В 1840-е годы обелиск перенесли на набережную, туда, где сейчас памятник В. П. Чкалову. На

¹ ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 9306, л. 43.

этом же месте его часто ассоциировали с отметкой границы «Европа — Азия», в том числе и в прессе недавних лет, хотя на нем была большая металлическая пластина с соответствующей надписью. Пластина эта сохранилась и находится в Краеведческом музее, поэтому обелиск мог бы быть восстановлен на своем первоначальном месте, оно осталось свободным.

Общественная духовная жизнь богатством не отличалась. Не было помещений для общественного собрания, концертов и тому подобного. По большим праздникам чиновники собирались у своих начальников. Кроме упоминавшихся летних развлечений, ежегодно происходило еще одно — вступление в город летних войск, приходивших на усиление. Это «каждый раз было полным церемониалом, — пишет И. В. Чернов. — Через Сакмарския ворота... тептяри и артиллеристы вступали с музыкою, за ними казаки, Ставропольские калмыки и башкиры; последние в национальных костюмах: в длинных кафтанах и остроконечных шапках или колпаках, имевших с боков красные отвороты из кумача». Пройдя по Губернской улице, войска поворачивали на Водяную и через Водяные ворота выходили из города, дальше они шли на Маяк, где располагались лагерем.

На пути к цивилизации

Цивилизация не мыслима без многих благ, в том числе и без нормального водоснабжения, а с этим в Оренбурге дело обстояло неважно. Кроме подвоза воды с Яика, ее брали из колодцев, вырытых в первые же годы существования города. В 1750 году их было уже три: один чуть к северу от нынешней Пушкинской улицы, между Телеграфным переулком и улицей Кобозева; другой — на пересечении геометрических продолжений Казарменного переулка и улицы Левашова (Казарменный, называвшийся тогда Аптекарской улицей, продол-

жался вдоль Нижних казарм, и колодец был здесь); третий колодец, применительно к современному городу, вырыли южнее Краснознаменной между нынешним Коммунальным переулком и улицей Орджоникидзе. Последний колодец был, видимо, неудачен, может быть потому, что место выше остальных, так как на более поздних планах его нет. Зато вскоре на плацпарадной площади, там, где сейчас театр драмы, появляется новый колодец «с изрядною кровлею». Исключая колодец на Казарменном переулке, все они были глубже двадцати метров, и это, разумеется, затрудняло их чистку. Поэтому некоторые колодцы постепенно выходили из строя. Точно проследить за устройством и действием колодцев невозможно, но общая картина вырисовывается достаточно ясно. Чистка производилась нерегулярно, и колодцы давали воды все меньше, пока не иссякали. Так, на плацпарадной площади в 1820-е годы упомянутый колодец «с изрядною кровлею» не действовал больше. П. К. Эссен в 1827 году пишет по этому поводу: «с давняго времени существует здесь близ главной гауптвахты против почтамта колодезь с бассейном, который, впрочем, по неимению воды остается для города бесполезным».

Сложности водоснабжения и нехватка воды в экстренных случаях, так же как и нужды озеленения, заставили начальство думать об устройстве водопровода. Первый проект тоже был поручен заботам инженер-генерал-майора Бикбулатова¹. По проекту, представленному в сентябре 1828 года, для подъема воды из Урала предусматривались две машины, приводимые в движение четырьмя лошадьми каждая; помпы, соединенные с ними, должны были подавать воду вверх в резервуар, к помпам же вода подводилась из реки самотеком посредством «мин-

¹ Гра А. П. Первая попытка устройства в г. Оренбурге водопровода.— Труды ученой архивной комиссии, вып. XI. Оренбург, 1903.

ной галереи», то есть под землей. Воду предполагали подавать в два бассейна: в тот, что был на плацпарадной площади, в это время называвшейся уже Александровской, и другой на торговой площади. Сметная стоимость по этому проекту была округленно 20 865 рублей, а содержание и ремонт должны были обходиться около 1650 рублей в год.

Прежде чем приступить к осуществлению проекта Эссен послал его в Екатеринбург своему знакомому горному механику Меджеру для заключения. Тот одобрил все, но предложил более дешевый в эксплуатации вариант приведения в движение машин — при помощи водяного колеса. Оно должно было крепиться на двух барках, удерживаемых быками, которые служили бы им одновременно и защитой. На колесе устанавливались 24 лопасти, около 7 кв. метров каждая. Водяное колесо приводилось в движение течением реки и связывалось системой канатов и блоков. По расчету должно было подаваться 11 520 ведер в сутки. Для обеспечения работы в зимнее время Меджер рекомендовал соорудить над колесом теплое помещение. Кроме того, он советовал испытать силу напора льда весной, чтобы можно было принять соответствующие меры. Проект этот губернатору понравился, и с осени 1829 года приступили к его осуществлению. Работами руководил поручик Агапиев, который ранее сам ездил к Меджеру, составлял смету, видел работу модели, построенной Меджером, и, таким образом, был полностью в курсе дел, но все-таки оставался только исполнителем. За зиму сделали и установили два быка, видимо, под одну барку, так как их называют передним и задним. Оба были окованы железом, причем на переднем, то есть стоящем выше по течению и выдерживающем основной напор его, железа было 270 и $\frac{2}{3}$ пуда (то есть 4325 кг), а на заднем — 158 пудов (2528 кг). Больше ничего установить не успе-

ли, потому что Яик перечеркнул все расчеты: началось половодье, и 8 апреля 1830 года, как пишет А. Гра, «оба быка в виду многих зрителей подмыло, подняло, покачнуло и опрокинуло». Так окончилась первая попытка устройства водопровода.

В это время Эссена в Оренбурге уже не было, пост военного губернатора занимал генерал-адъютант граф П. П. Сухтелен-второй. Новый губернатор, человек, по отзыву современников, добрый, гуманный и «замечательно выдававшийся своим умом», не стал обвинять Меджера в просчетах, да того уже и в живых не было и делал он все бесплатно, Урала же никогда не видел. Нужно заметить, что в те времена река по целому ряду причин была полноводнее, и паводок соответственно мощнее.

Дело постройки водопровода приостановилось, хотя поручик Агапиев предлагал продолжить работы, заменив силу воды силой лошадей. Запрашивали министерство внутренних дел, но там с ответом не очень спешили, и лишь осенью 1834 года сообщили сменившему умершего П. П. Сухтелена новому военному губернатору генерал-майору Перовскому, что для составления нового проекта в Оренбург командирован майор корпуса инженеров путей сообщения Термин. Вскоре прибыл и он. В своих предложениях, поданных в феврале 1835 года, Термин совершенно обошел возможность подъема воды, используя силу лошадей или паровой машины. Он отметил, что проект Меджера самый простой, но для обеспечения надежности требует постройки дамбы, а это слишком сложно. Исходя из местных условий Термин предложил устраивать артезианские колодцы. Показательно его заключение о состоянии водоснабжения. Он пришел к выводу, что положение не является особенно плохим, потому что самые дальние дома в городе и слободах находятся на расстоянии не более 1,5 версты от реки и вода доставляется на себе или на лошадях, а «в городе и слободах нет почти ни одного жителя,

который бы не имел по крайней мере одной лошади»; кроме того, в отдаленных от берега местах есть два колодца. Единственное, что надо было сделать, так это устроить удобный спуск к реке для облегчения доставки воды. Как видно, майор то ли не понял нужд города, то ли главной задачей его было экономить казенные деньги.

Перовский согласился с предложением об устройстве артезианских колодцев, и поручил эту работу капитану корпуса горных инженеров Майеру, который в 1836 году приступил к бурению на Гостином дворе. Тем временем начали работы по устройству летнего водопровода, поскольку результат бурения был неизвестен, а вода была необходима, особенно летом. К концу 1830-х годов он уже начал действовать и в 1842 году представлял из себя следующую систему: на высоком берегу Урала был большой резервуар, куда вода подавалась при помощи двух машин, одной с конским приводом, а другой паровой. Из резервуара, который находился на территории современного водоканала в створе Южного переулка, вода по деревянным трубам шла на Александровскую площадь, где в центре перекрестка современных Советской и Ленинской был бассейн. Отсюда трубы шли на базарную площадь. Здесь в центре ее северной половины был второй бассейн, обычно сухой, как отмечают очевидцы, причиной этого являлась постоянная порча воды продавцами кваса и «уличными мальчишками». Побудительные мотивы как первых, так и вторых очевидны. Отсюда воду несколько позже довели до Караван-Сарая. На набережной был также отвод в новый губернаторский дом. В обоих бассейнах были фонтаны, которые действовали только по воскресеньям и праздничным дням, потому что трубы часто лопались, даже еще будучи новыми, и вода выступала на поверхность. Позже их заменили гончарными и чугунными, конский привод также был заменен второй паровой машиной. Таким был

первый действующий водопровод, он просуществовал до начала 1860-х годов, то есть все то время, пока Оренбург был крепостью.

Что же касается артезианского колодца, то Майер бурил его до 1840 года. Он нашел воду на глубине 72 футов, но она не поднялась, поскольку не была артезианской, это был уровень реки. На глубине 540 футов он нашел второй водоносный слой, вода его тоже не поднялась выше первой. Отчаявшись, Майер прекратил работу, достигнув глубины 570 футов. Неудача, однако, не отбила охоту устроить артезианский колодец, и в 1844 году бурение продолжил гражданский инженер Нешель, который остановился на глубине почти четверти километра, доведя скважину до 745 футов. На глубине между 624 и 634 футами он нашел еще один водоносный слой, вода которого лишь немного поднялась над уровнем реки, остановившись на глубине 70 футов 5 дюймов (немного более 21 метра) от уровня земли в месте бурения. Эта точка находилась приблизительно в центре южной половины Гостиного двора, то есть где-то недалеко от северо-восточного угла общежития педагогического института. Так ничем и окончились поиски, потребовавшие довольно больших затрат.

В. А. Перовский положил начало и уличному освещению города. Вскоре после своего вступления в должность он дал предписание полицмейстеру установить первые шестнадцать фонарей на главной улице. Источником света в них был огонь конопляного масла. Так положили начало. До этого почти сто лет, кроме праздничных дней, когда жителям приходилось выставлять и зажигать свечи на некоторое время в окнах, с заходом солнца город погружался во мрак.

В деле освещения имелись, однако, свои маленькие сложности: необходимо было покупать масло, для чего требовались деньги, которые приходилось изыскивать на месте. Перовский распорядился, чтобы деньги, поступав-

шие ранее в полицию в виде штрафа «за бродячий по улицам скот», шли в городскую думу, а та, в свою очередь, отпускала полиции необходимые средства на освещение. Бюрократическое крючкотворство, связанное со взаимными расчетами, подробно описано П. Н. Столпянским.

В 1837 году фонарей стало 18, в 1841 году — 32, хотя в списке этих лет их намечено 62, 22 из них — на главной улице. Кроме нее, должны были освещаться Гостинодворская, Орская, Неплюевская, Эссенская (сейчас «Правды»), Водяная, или Уральская, да еще Петропавловская, но на их долю фонарей оставалось очень мало. В 1851 году число фонарей собирались увеличить до 96. Но вопрос затянулся, так как из Петербурга предложили перейти на спиртокалильные фонари, дававшие более красивый свет. Горючим в них служила смесь спирта со скипидаром в пропорции 78 к 22. Осуществлению этого проекта помогло то, что в Уфе, которая тогда была губернским центром, уже собирались ставить такие фонари, и там имелось их двести штук. Решено было поделить это количество пополам, и сто фонарей в декабре 1853 года доставили в Оренбург. Их установили по городу на этот раз значительно равномернее: 41 фонарь поставили на главной, Николаевской (бывшей Губернской) улице, 12 — на Троицкой, по 10 — на Гостинодворской и Орской, 12 — по Неплюевской и 15 — по Водяной. Фонарям не полагалось гореть всю ночь. Дольше всего они должны были гореть в самые темные месяцы года: ноябрь, декабрь, январь — по семь часов. Но в действительности иногда целыми ночами фонари не горели, так как спирт и скипидар доставлялись с перебоями. Новое освещение было опробовано в январе 1854 года, а полностью все 100 фонарей загорелись 1 октября этого же года. Такой способ освещения просуществовал более десяти лет, он тоже связан с именем Перовского, который, оставив Орен-

бург в 1842 году, в это время снова управлял краем, но уже в должности Оренбургского и Самарского генерал-губернатора (1851—1857).

Если зримые, материальные признаки цивилизации появились при Перовском, то попытки повышения культуры и образования были предприняты раньше. Инициатором в этом деле был его предшественник Павел Петрович Сухтелен, граф, управлявший с 1830 до 1833 года. Его отличал просветительский подход к вопросам, и действовал он преимущественно убеждением, где было возможно, хотя с ранней молодости он был человеком военным и в 17 лет на поле Аустерлица в 1805 году был ранен сабельным ударом в голову, контужен ядром и в таком состоянии попал в плен. Нельзя умолчать об эпизоде, который произошел в этой связи. В группе пленных он обратил на себя внимание Наполеона, и на едкое замечание императора французов: «Ого! Так молод и вздумал потягаться с нами!» — он ответил стихом из Корнелевской трагедии «Сид», который в принятом русском переводе звучит так: «Молодость не мешает быть храбрым». Наполеон, восхищенный таким ответом, повелел запечатлеть эту встречу на картине, которая затем украшала дворец Тюильри¹.

Сухтелен занялся Неплюевским училищем, отстаивая своеобразие его, убедив в этом Николая I, который хотел превратить училище в обычное казачье; составил проект разделения училища на два отделения — европейское и азиатское. В 1831 году по его инициативе был основан музей, от рождения которого, несмотря на все последующие перипетии, отсчитывает свой возраст наш Краеведческий. С заботой о сближении с «азиатцами» связано открытие восточного отделения типографии Оренбургского Отдельного корпуса, оборудованной в

¹ Матвиевский П. Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года, Оренбург, 1962, с. 83, 84.

1826—1827 годах для печатания арабским шрифтом. Пытался П. П. Сухтелен основать и издание — «Оренбургские периодические записки», которые мыслились как полная летопись края. Но вышел только пробный номер в конце 1832 года. Все «прижившиеся» начинания Сухтелена Перовский старался продолжить.

В. А. Перовский продолжал и начинания Эссена по озеленению, но в гораздо более широких масштабах. Сразу же по вступлении в должность военного губернатора он занялся лесами. Проехав по линии крепостей и обнаружив «худое состояние лесов по Уралу», и что «большая часть из них совершенно вырублена», он предписал комендантам крепостей учесть и сообщить сведения о количестве мужского населения от 12 лет и выше, а также прислать образцы земли и пород деревьев, которые растут на подведомственных им землях. На основе этих данных весной 1835 года было издано «Наставление», как производить посадку». Согласно этому наставлению, предлагалось сажать ветви деревьев — «колья» четыре аршина длиной, и давалась подробная инструкция, как это делать. Каждый мужчина, начиная с 12 лет, должен был посадить определенное количество кольев. Предполагалось, основываясь на опытах, что примутся более 80%, но процент прижившихся в 1835 году ветвей оказался 38,5. По мнению П. Н. Столпянского, это заставило военного губернатора, решившего, что основная причина неудачи в отсутствии специалистов, которые могли бы наблюдать за посадкой, принять меры к устройству училища земледелия и лесоводства. С такой трактовкой, однако, согласиться нельзя. Имеющиеся документы свидетельствуют, что речь об училище шла еще в начале года, и Перовский предусматривал организацию его независимо от результатов посадок¹.

¹ ГАОО, ф. 368, оп. 1, д. 264 а.

бург в 1842 году, в это время снова управлял краем, но уже в должности Оренбургского и Самарского генерал-губернатора (1851—1857).

Если зримые, материальные признаки цивилизации появились при Перовском, то попытки повышения культуры и образования были предприняты раньше. Инициатором в этом деле был его предшественник Павел Петрович Сухтелен, граф, управлявший с 1830 до 1833 года. Его отличал просветительский подход к вопросам, и действовал он преимущественно убеждением, где было возможно, хотя с ранней молодости он был человеком военным и в 17 лет на поле Аустерлица в 1805 году был ранен сабельным ударом в голову, контужен ядром и в таком состоянии попал в плен. Нельзя умолчать об эпизоде, который произошел в этой связи. В группе пленных он обратил на себя внимание Наполеона, и на едкое замечание императора французов: «Ого! Так молод и вздумал потягаться с нами!» — он ответил стихом из Корнелевской трагедии «Сид», который в принятом русском переводе звучит так: «Молодость не мешает быть храбрым». Наполеон, восхищенный таким ответом, повелел запечатлеть эту встречу на картине, которая затем украшала дворец Тюильри¹.

Сухтелен занялся Неплюевским училищем, отстаив своеобразие его, убедив в этом Николая I, который хотел превратить училище в обычное казачье; составил проект разделения училища на два отделения — европейское и азиатское. В 1831 году по его инициативе был основан музей, от рождения которого, несмотря на все последующие перипетии, отсчитывает свой возраст наш Краеведческий. С заботой о сближении с «азиатцами» связано открытие восточного отделения типографии Оренбургского Отдельного корпуса, оборудованной в

¹ Матвиевский П. Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года, Оренбург, 1962, с. 83, 84.

1826—1827 годах для печатания арабским шрифтом. Пытался П. П. Сухтелен основать и издание — «Оренбургские периодические записки», которые мыслились как полная летопись края. Но вышел только пробный номер в конце 1832 года. Все «прижившиеся» начинания Сухтелена Перовский старался продолжить.

В. А. Перовский продолжал и начинания Эссена по озеленению, но в гораздо более широких масштабах. Сразу же по вступлении в должность военного губернатора он занялся лесами. Проехав по линии крепостей и обнаружив «худое состояние лесов по Уралу», и что «большая часть из них совершенно вырублена», он предписал комендантам крепостей учесть и сообщить сведения о количестве мужского населения от 12 лет и выше, а также прислать образцы земли и пород деревьев, которые растут на подведомственных им землях. На основе этих данных весной 1835 года было издано «Наставление», как производить посадку. Согласно этому наставлению, предлагалось сажать ветви деревьев — «колья» четыре аршина длиной, и давалась подробная инструкция, как это делать. Каждый мужчина, начиная с 12 лет, должен был посадить определенное количество кольев. Предполагалось, основываясь на опытах, что примутся более 80%, но процент прижившихся в 1835 году ветвей оказался 38,5. По мнению П. Н. Столпянского, это заставило военного губернатора, решившего, что основная причина неудачи в отсутствии специалистов, которые могли бы наблюдать за посадкой, принять меры к устройству училища земледелия и лесоводства. С такой трактовкой, однако, согласиться нельзя. Имеющиеся документы свидетельствуют, что речь об училище шла еще в начале года, и Перовский предусматривал организацию его независимо от результатов посадок¹.

¹ ГАОО, ф. 368, оп. 1, д. 264 а.

Училище открылось 18 февраля 1836 года. Кроме необходимости восстановления и разведения лесов, цель его состояла и в повышении культуры земледелия, и, в частности, проведении общественной запашки, которую пытались внедрить для создания общественных запасов хлеба на случай неурожая, которые не были редкостью.

Для размещения училища использовали территорию, которую ранее занимала шотландская миссия. Согласно «Высочайшему соизволению» от 16 февраля 1835 года в казну приобрели принадлежавший «Великобританским миссионерам» каменный дом «со всеми пристройками и землей 90 десятин и 1628 сажень». В мае 1835 года военный губернатор предписывает городской думе уведомить об этом тех жителей, «которые доселе пользовались или могли пользоваться сею землей», поскольку земля и постройки приобретены в казну для училища земледелия и лесоводства, и поступили в ведение инженер-штабс-капитана Агапиева. Не все подчинились этому распоряжению сразу, поэтому Агапиев 30 июня вынужден был писать в думу, что скот все еще пасется на казенных лугах. Все это свидетельствует о том, что этой землей широко пользовались, когда она стала практически ничьей после ликвидации миссии, и никому дела до этого не было. Весной 1836 года участок несколько перепланировали, оставив ту же площадь, провели границы, где возможно, по естественным рубежам, то есть по оврагам, озерам и т. п.

Территория училища доходила, применительно к современной ситуации, на юго-западе до станции аэрации воды, охватывая всю ныне застроенную часть, начиная от Мебельной улицы, включала площадь, которую занимает мебельная фабрика, и улицу Тамарова. К уже имевшимся постройкам добавили новые, разбили парк, все потребовало больших расходов. Главные здания училища размещались по красной линии южной стороны нынешней Мебельной улицы между Боевым и Арсеналь-

ным переулками. Эти постройки и определили красную линию появившейся через сотню лет улицы.

В училище, которое удалось открыть в такой короткий срок благодаря большим связям В. А. Перовского, принимали учеников не моложе 15 и не старше 18 лет. Курс был рассчитан на 4 года. Оно было одним из немногих учебных заведений подобного рода в России 1830—1840-х годов. Цель училища, как писал его устроитель, состояла «в образовании для Оренбургского казачьяго войска смотрителей общественной запашки и лесничих. В воспитанники училища поступают преимущественно малолетки (малолетками тогда называли всех до 18 лет) Оренбургского казачьяго войска, впрочем буде кто из чиновников сего войска пожелает поместить в это заведение своих детей, то таковые будут приняты». Оговаривалось, что поступающие должны «уметь хорошо читать и писать». Преподавателями выписаны были люди, окончившие Дерптский университет. Смотрителем училища был назначен Карл Герн, человек, впоследствии принимавший большое участие в ссыльном Тарасе Шевченко и ставший ему близким другом.

Училище просуществовало 31 год, его закрыли в 1867 году. Выпускники его, отправляясь на места, быстро становились чиновниками. Это было доходнее: слишком мало средств отпускалось на лесоразведение, а общественной запашке казаки противились всеми силами, и постепенно от нее пришлось отказаться. Постройки же бывшего училища позже стали использовать под размещение казачьего арсенала.

Хотя с освобождением города от воинского постоя исчез фактор, сковывавший инициативу в улучшении частных построек, Оренбург в середине 30-х годов оставался довольно неприглядным. И. В. Чернов в мемуарах пишет, что «дома были почти исключительно деревянные в 3, а лучшие в 5 окон, низенькие, были даже полупланки — так, дом под одною крышею принадлежал

двум хозяевам, и каждый из них имел особые ворота; много было домов развалившихся и землянок; исправлять старые дома хозяева отказывались по бедности». Невзрачные постройки попадались даже на главных улицах.

Рамки города-крепости постепенно становились тесными, хотя прирост населения и не был велик, ведь Оренбург так и оставался военно-чиновничьим городом с торговлей, носившей ярмарочный характер, и почти без всякой промышленности. Возникла необходимость основания нового предместья, поскольку Форштадт стал исключительно казачьим, а Голубиная слободка была бесперспективна в отношении дальнейшего роста, потому что далеко вниз нельзя было селиться из-за весенних паводков, да и Банный проток был естественным пределом.

К этому времени отпали ограничения на тип строения в предместьях крепости, так как в мае 1831 года вышел Сенатский указ «Об оставлении в крепостях Сибирской и Оренбургской линий чистых эспланад в 130 сажень от короны гласиса, и о дозволении возводить всякаго рода строение далее сего разстояния»¹. До этого ближе 450 сажень от крепости нельзя было ставить дома на каменном фундаменте, иметь погреба и тому подобное, что служило сдерживающим фактором при переселении в предместья, поскольку эти ограничения касались всей Голубиной слободки и Форштадта до линии современной улицы Степана Разина, а в то время он дальше этих пределов и не заходил. Таким образом, отпал один из мотивов, побуждавших к несогласию переселяться в предместья.

Для того, чтобы привести город в порядок, в 1835 году была назначена особая комиссия, которая должна была осмотреть все дома и ветхие назначить к слому,

¹ ПСЗ, второе издание, т. VI, № 4610.

обязав владельцев построить новые дома по утвержденным планам, тех же, кто не в состоянии был отремонтировать дом или построить новый, предписывалось выселить из города в новое предместье¹. П. Н. Столпянский связывает эти меры с ожидавшимся в 1837 году приездом наследника престола, цесаревича Александра², но, видимо, это только ускорило дело, не являясь первопричиной. Во всяком случае в 1838 году при пересмотре организации пожарных частей новое предместье еще не упоминается³. Так что, утверждать, что уже в 1837 году город был очищен от всех лачуг, представляется не совсем обоснованным. Всего на слом назначили 221 дом. Владельцам выделялось денежное пособие — 50 рублей ассигнациями, и по 50 бревен от 5 до 7 вершков толщиной (22—30 см), для строительства в новом предместье. Средства, затраченные на пособия, возмещались, в основном, за счет продажи участков новым владельцам. Несмотря на эти льготы, многие выезжать отказывались, и не только потому, что старое место было обжито, но и потому, что строиться надо было в голой степи, куда даже воду доставлять было гораздо дальше. Первый колодец появился там только в 1840 году, он был устроен в середине квартала, ограниченного сейчас улицами Советской, Корецкой, Пролетарской и Постникова. Но для выселения в средствах не стеснялись, там, где упорно не хотели выезжать, полиция попросту ломала печи, вынимала рамы.

Новое предместье получило название Новой слободки, Голубиная же, сохранив еще лет 15—20 свое исконное название, стала позже называться Старой слободкой. Предместье было спланировано с перспективой роста, начиналось оно от линии современной улицы Постникова; предписываемые 130 сажень эспланады выдерживались

¹ Чернов И. В. Указ. соч., с. 96.

² Столпянский П. Н. Указ. соч., с. 81.

³ ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 11343, л. 4.

точно. Планировка была решена по радиально-кольцевой схеме, что решающим образом сказалось на направлении дальнейшего расширения города. Первые кварталы были заложены между линией современной улицы Цвиллинга (тогда здесь проходила дорога, называвшаяся Симбирской) и линией Комсомольской улицы; северной границей первые 10—15 лет была Караван-Сарайская улица, от нее число радиальных проездов стало удваиваться при последующей застройке. Есть одна особенность планировки этой части города: лучи радиальных улиц пересекаются кольцевыми улицами не вполне ритмично, кварталы вдоль лучей имеют разную длину. Это дает основание предположить, что основой при планировке было удобство размещения дворовых мест, ведь с каждым новым кольцом площадь кварталов изменялась, а каждое место имело заданные пределы площади.

В первые годы рост Новой слободки был довольно медленным, поселение беднейших городских слоев осталось на долгое время и более отсталым по культурному уровню по сравнению с центральной частью города. Так, по однодневной переписи 21 декабря 1875 года в центре один фортепианный инструмент приходился на 108 жителей, в то время как в этой части — на 727 человек. Полностью же Новая слободка так и не уравнилась со старым городом до Великой Октябрьской революции. На рис. 11 приведен план города начала 1840-х годов. Цифрами показаны следующие перекрестки улиц: 1 — Постникова — проезд Коммунаров, 2 — Постникова — Цвиллинга, 3 — Туркестанская — Выставочная, 4 — Туркестанская — Степана Разина.

Строительство

В 1906 году П. Н. Столпянский писал: «Город Оренбург обязан Перовскому построением чуть ли не $\frac{3}{4}$ настоящих зданий». Это справедливо и сейчас по отноше-

нию к историческому городу. Достаточно сказать, что все памятники архитектуры союзно-республиканского значения — гордость оренбуржцев — построены в его управление, причем возводились они почти одновременно. Очищая город от ветхих частных построек, он не менее решительно поступал и с казенными зданиями, что было сложнее. К сожалению, авторство проектов большинства из построенных зданий пока не известно или лишь предположительно.

Подробное описание и анализ всех построек второй половины 30-х — начала 40-х годов, которые объединяют и время и в подавляющем большинстве стиль позднего классицизма, могли бы стать предметом отдельного специального исследования. Здесь же представляется возможным немного остановиться только на отдельных зданиях и лишь назвать несколько других, а начать можно с высокого берега над Яиком — Уралом.

На месте большей части комплекса старой губернской канцелярии в 1840 году выросло новое здание — дом военного губернатора. Вопрос о его строительстве или перестройке старого здания возник еще задолго до управления Перовского. В свое время здание бывшей губернской канцелярии, принадлежавшее гражданскому ведомству, было занято Эссеном под квартиру военного губернатора. Дом, однако, требовал не только ремонта, но и расширения, став квартирой. Уже в 1827 году был составлен проект перестройки здания с незначительным увеличением внутренней площади за счет балкона. За ним последовал проект губернского архитектора Алфеева, по которому старое здание преобразилось. И, наконец, в 1832 году совершенно новый проект архитектора 14-го класса Гописуса, который с декабря 1831 года числился архитектором Уральского войска и занял одно из двух мест, на которые П. П. Сухтелен просил президента Академии художеств А. Н. Оленина прислать специалистов; на второе — губернского архитектора —

желающих не нашлось, так как оклад был всего лишь 800 рублей в год. Гопиус не был начинающим, до этого он более восьми лет служил «на придворной конюшне по чертежной части при архитекторе Шустове», окончил Академию художеств в звании художника архитектуры¹. Осенью 1832 года была утверждена смета, но строить не стали, очевидно, по причине смены начальства. При Перовском проект был несколько переработан и утвержден им в 1836 году; к постройке же приступили, может быть, только весной 1839 года, потому что царем он был рассмотрен 5 мая этого года.

Губернаторский дом дошел до нас в сильно измененном виде, это дом по Советской, 2. Первоначально здание было симметричным в плане, как и полагалось по нормам классицизма, без большого крыла с западной стороны, оно было такой же величины, как и восточное. Оно строилось двухэтажным с большим чердачным помещением, называвшимся тогда антресольным этажом, которое не имело окон на главном и боковых фасадах, только несколько маленьких окон со двора. Теперь бросается в глаза, что окна, пробитые на улицу в чердачном помещении, разрезают фриз дорического ордера, совершенно не вписываясь в его ритмику, поскольку она, в свою очередь, не совпадала с ритмикой оконных проемов здания. Наверху посередине главного фасада располагался бельведер, откуда открывался отличный вид на Бухарскую сторону, как тогда называли левобережье. На углу, выходя на главную улицу на уровне бельэтажа (второго этажа с высокими потолками, где были и помещения для приемов), выступал маленький эркер — застекленный крытый балкон. На набережную выходил портик с балконом, причем пандусы позволяли подъезжать в карете прямо к парадной двери. Эркер, расположенный асимметрично, являлся отступлением от ка-

¹ ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 10190.

нонов классицизма, видимо, пожелал будущий хозяин. В проекте 1832 года этого элемента нет, а есть два легких балкона на обоих боковых фасадах. Хороша была и отделка интерьеров, она частично утрачена, так же как и лестничное ограждение, выполненное по рисункам петербургских художников. Одновременно с основным зданием возводились и подсобные постройки и перестраивался дом, оставшийся от комплекса канцелярии, который удлинился на север, получил мезонин и вместо шести стал иметь пять окон на набережную.

Ниже по Николаевской вместо одноэтажного построили двухэтажный дом обер-коменданта города, он тоже не сохранил свой первоначальный вид (Советская, 5). Балкон очень широкий, но с малым выносом, имел металлическое ограждение; он очень типичен для своего времени. Здание ордонансгауза, тогда одноэтажное (Советская, 3), тоже, возможно, строилось в это же время, если не было возведено в конце 20-х годов.

Формировалась часть Александровской площади. Если не считать пространства, занимаемого улицами, то под застройку ушла половина площади. Здесь ставили дом «для инженерного и генерального штаб-управления» и при нем помещения для соответствующих служб, так что образовался небольшой квартал, занимаемый сейчас школой № 30. Строительство завершилось уже после отъезда Перовского, и новый военный губернатор, генерал В. А. Обручев, уничтоживший многие начинания предшественника, поместил в новом доме азиатское отделение Неплюевского училища, или второй эскадрон, как оно стало называться. В переводе сюда эскадрона ничего плохого не было, но Обручев устроил здесь еще и главную гауптвахту, отведя под нее всю южную половину цокольного этажа и испортив внешний вид здания асимметричной дверью для входа в нее. Объемно-пространственное решение здания во многом напоминает решение губернаторского дома, нельзя

исключить и возможность авторства Голиуса. Первоначально постройка не имела больших боковых крыльев, а только сильно выступающие ризалиты. Четырехколонный портик с балконом тоже имел по сторонам пандусы. Здесь в здание вели три двери, из них осталась сейчас средняя, две других заложены при перестройке. В другом квартале построили манеж и одноэтажное каменное здание теплярской школы, недавно снесенное в связи с необходимостью расширения театра, в конструкцию которого вошли и стены манежа.

Здание Краеведческого музея тоже возведено в эти годы как частное владение винного откупщика Еникуцева на месте старых винных подвалов. Часть из них составляет подвальный этаж этого здания. Щебень от сносившихся строений и части подвальных сводов Еникуцев пожертвовал городу, и по указанию Перовского им засыпали базарную площадь, проведя там заодно и водостоки, произошло это в 1835 году. В 1852 году здание вместе с двумя флигелями во дворе было приобретено в казну для канцелярии генерал-губернатора. Произвели некоторую доделку интерьеров и очень незначительную перестройку. Первоначальный облик здания установить не удалось, по описанию оно имело три выхода на главную улицу, два из них в боковых ризалитах. Архитектура здания очень типична для позднего классицизма, автором проекта может быть тот же Г. Голиус. Постройка отличается парадностью не только главного, но и торцевых фасадов.

Несколько подробнее нужно сказать о доме Благородного собрания, который построили на месте разваливавшегося народного училища, снесенного в 1835 году. Для последнего же приобрели частный дом на углу Николаевской и Водяной, сейчас в нем помещается художественная школа.

К сожалению, до сих пор не удалось установить, кто является автором проекта. Считали, что здание

спроектировано архитектором А. П. Брюлловым, братом выдающегося русского художника Карла Брюллова, но в последние годы возникли сомнения, так как в его архивах не найдено документов, подтверждающих это. Авторство приписывается также архитектору Тону который в 1830-е годы был уже профессором Академии художеств и проектировал преимущественно церковные постройки. По свидетельству же современников, в частности генерала Бларамберга, который начал служить в Оренбурге в год окончания строительства этого здания, автор проекта — Александр Павлович Брюллов.

Говоря об этом здании, прежде всего нужно отметить, что оно стояло свободно и соответственно воспринималось иначе, чем теперь, когда оно буквально зажато другими постройками. С юга был одноэтажный дом, находившийся, по-видимому, несколько дальше, чем построенный в 1880-е годы и дошедший до нас двухэтажный кирпичный. С северной стороны на довольно значительном расстоянии стоял двухэтажный дом военного ведомства, который к тому же не доходил до красной линии главной улицы почти на двенадцать метров. Поэтому северная сторона Благородного, или Дворянского, собрания, как его тоже называли, от упоминавшегося уже бассейна на пересечении Николаевской и Неплюевской улиц просматривалась почти на две трети. Таким образом здание значительно выделялось на фоне остальной застройки и производило сильное впечатление. В наше время не так просто представить себе это, потому что изменилась не только среда, но и пропорции постройки. Со стороны Советской улицы дом теперь ниже на полметра, если не больше, в результате неоднократного подъема проезжей части и тротуара, и облицованный камнем цоколь совсем уже скрылся за слоем асфальта. Подъем так называемого «культурного слоя» вообще необходимо всегда учитывать при оценке пропорций старинных построек.

Бывшее здание Благородного собрания имеет два больших зала и целый ряд более мелких помещений. Главный фасад решен в виде двух сильно выступающих ризалитов, соединенных террасой на цокольном этаже. Окна главного зала уходят, таким образом, куда-то глубь здания, создавая атмосферу отдаленности от улицы, отрешенности от повседневных забот. Это подчеркивало сословную обособленность высших слоев от остального народа, их высокое положение. Дворовой фасад, или скорее садовый, тоже решен в виде двух ризалитов, но в отличие от главного фасада, между ними выступает полукруглый объем гостиной с крыльцом и огибающей его с двух сторон лестницей, что сразу объединяет внутреннее и внешнее пространство, здание как бы раскрывается. В обработке фасада применен дорический ордер. Внутренняя отделка, отличавшаяся большим изяществом, сохранилась лишь частично.

Главный фасад в качестве ограждения крыши украшала баллюстрада, утраченная позже. Но не только отсутствие баллюстрады нарушает первоначальный облик этого памятника архитектуры. В первые десятилетия, как свидетельствуют планы, не было пристроя с северной стороны, там, где сейчас вход. Он появился, вероятнее всего, в 1870-е годы, и строился каким-то доморожденным умельцем, а не архитектором, так как элементы декора не соответствуют ни пропорциям аналогичных деталей на здании, ни архитектурным нормам вообще.

Торжественное открытие Благородного собрания состоялось 2 декабря 1841 года. Вот как кратко описывает его в своих мемуарах Бларамберг, который был участником этого события: «Организовали запись, по которой каждый член общества согласно своему состоянию должен был внести средства, и в течение недели было собрано 10 тыс. рублей ассигнациями — сумма для Оренбурга того времени значительная. Поистине блестящий бал состоялся 2 декабря в залах Дворянского собрания;

такого бала оренбуржцы еще никогда не устраивали. Блестящие мундиры, богатые туалеты, музыка, обслуживание и ужин были не хуже, чем в Петербурге, и генерал-адъютант Перовский, за здоровье которого было выпито много шампанского, был очень тронут привязанностью своих подчиненных и почитателей, а также восхищен любезностью множества женщин и девушек, среди которых было много красавиц». Таким образом, цвет тогдашнего оренбургского общества отпраздновал, выражаясь по-современному, ввод в эксплуатацию этого дома.

Самой значительной стройкой того времени был комплекс Караван-Сарая. Это было первым строительством такого размаха вне стен крепости. Караван-Сарай строился как место для пристанища башкир, для укрепления связи с ними, для налаживания более тесного контакта, но делалось это не только ради башкир, а в гораздо более широких целях.

В те годы правительство стремилось привлечь на сторону России народы Средней Азии, исповедывавшие ислам. В большой степени это стимулировалось необходимостью противостоять проiscaм Великобритании в этом районе. Одной из мер привлечения среднеазиатских народов было проявление заботы о своих подданных мусульманах.

Башкирия тогда была связана с Оренбургом в военно-административном отношении, имелось башкиро-мещеряцкое войско, и башкирам часто приходилось приезжать по делам в Оренбург. В. А. Перовский, хорошо понимавший важность налаживания максимально хороших отношений с ними, решил, что в Оренбурге необходимо иметь для них хорошее пристанище, которое одновременно служило бы усилению хозяйственно-экономических и культурных связей с Башкирией. Получив одобрение вышестоящих инстанций, военный губернатор обратился в апреле 1836 года к кантональным начальникам (Башкирия делилась на кантоны). Он писал, что намерен

«приступить к построению общественного постоянного двора, или караван-сарая, в котором могли бы останавливаться со всеми удобствами каждый башкир и мещеряк без всякой платы». Строительство должно было вестись на деньги башкиро-мещеряцкого войска, но собирались и пожертвования.

В своей работе «Караван-сарай в Оренбурге» архитектор Б. Г. Калимуллин, касаясь проекта комплекса, пишет, что он был одновременно поручен двум авторам: «строителю Казанского университета М. Коринфскому и выдающемуся петербургскому архитектору А. Брюллову», проект первого был отвергнут из-за ряда недостатков. То есть фактически состоялся конкурс. Это указание вызывает сомнение, такому заключению противоречит содержание и датировка писем В. А. Перовского А. П. Брюллову, с которым военный губернатор был в большой дружбе.

Первое письмо написано 6 октября 1836 года, то есть почти через полгода после обращения к начальникам кантонов. В. А. Перовский не стал бы медлить с заказом. Очевидно, заказ был сделан сначала М. Коринфскому, а уже после рассмотрения его проекта — Брюллову. Кроме того, если бы заказ был сделан сразу обоим архитекторам, губернатор упомянул бы об этом в письме, а в нем ничего похожего нет. Вот его текст: «Любезнейший Александр! Вспомни старую дружбу нашу и займись, пожалуйста, без отлагательства составлением проекта по предлагаемой программе. Я затеял строить здесь караван-сарай; это дело меня весьма интересует. Хочется начать с наступлением весны; ради Бога, не мешкай. Я уверен твердо в твоём знании и вкусе, но крепко сомневаюсь в прилежании: ты мне обещал много, да сдержал мало. Не в поощрение тебе, а просто к сведению, скажу тебе, что постройка караван-сарая есть затея не моя частная, а казенная, а потому труды по составлению сметы, перечерчению планов и проч.

будут вознаграждены по-надлежащему. Задача довольно трудная, быть может, по ограниченности места, но если бы сажени слишком стесняли твоё зодческое воображение, то делай как знаешь, а я постараюсь приискать место по твоему плану. Обнимаю тебя. Можешь ли ты приготовить дело в шесть недель после получения этого письма? Ты бы меня обязал чрезвычайно. Душевно тебе преданный Василий Перовский». В комментариях этот текст не нуждается.

Через месяц Александр Брюллов получил другое письмо, датированное 3 ноября 1836 года, где Перовский пишет, что с тех пор как он послал первое письмо с просьбой и программой «на построение в Оренбурге башкирской военной канцелярии и проч.» он несколько изменил условия: «...я подумал, — пишет губернатор, — что было бы безсовестно стеснять твой талант в подобном предприятии, назначая ему число сажен, на которых он имеет право развернуться. Я решил этот дом строить за городом; места — сколько душе угодно; одного только не теряй из виду: мечеть должна быть по означенному на плане направлению. Материалы здесь дешевы, но чрезвычайно дороги рабочие и особенно мастера; в этом отношении прошу тебя соблюсти возможную экономию. Если бы ты потрудился дело устроить так, чтобы в бытность мою в Петербурге мог я представить план государю в начале января, то я бы тебя от всей души поцеловал точно так, как теперь обнимаю. В. Перовский».

Из этих писем ясно видно, что сначала собирались строить караван-сарай внутри крепости, что, естественно, должно было значительно ограничить площадь. А. П. Брюллов выполнил просьбу друга, и 19 января 1837 года проект был утвержден.

В конце мая 1837 года В. А. Перовский передал материалы на постройку караван-сарая старшему корпусному инженеру в Оренбурге. Время между январем и маем ушло, вероятно, на доработку деталей проекта

и т. п. Военный губернатор писал: «...постройку эту поручить в искусственном и хозяйственном отношении инженер-поручику Сенькову. При надзоре... за правильностью, прочностью и чистотою в отделке будет находиться Уральскаго войска архитектор 14-го класса Гопиус». Как видно из последней фразы, Гопиус был больше в Оренбурге, чем в Уральске. Работал он впрочем добросовестно и хорошо, уже в 1832 году войсковая канцелярия представляла его к награде. К этому ходатайству на следующий год присоединился Перовский. В 1835 году Гопиус был награжден орденом Станислава 4-й степени и в 1837 году произведен в 12-й класс. Работы начались, очевидно, летом этого же года. К ним, как пишет Б. Г. Калимуллин в упомянутой работе, для изготовления строительных материалов и их транспортировки, а также к разным подсобным работам привлекались главным образом башкиры и мещеряки, «в сооружении же зданий и их оформлении участвовали строители и других национальностей, в первую очередь русские мастера».

К началу 1842 года внешне комплекс выглядел завершенным. Часть помещений основного корпуса была готова еще раньше, так как в декабре 1841 года на втором этаже уже разместилась канцелярия командующего башкиро-мещеряцким войском. Тогда Караван-Сарай производил несколько иное эмоциональное воздействие, потому что и окружение и масштабность были иными, по отношению к окружающей местности комплекс был выше, чем сейчас.

Интересен выбор места. Хотя город был еще крепостью и вопрос о ее упразднении не стоял, Караван-Сарай явно поставлен в расчете на то, что рано или поздно крепости не будет, город расширится и минарет мечети будет выполнять определенную градообразующую роль: он поставлен точно в створе Введенской улицы. В этом легко убедиться, посмотрев сейчас, особенно

после опадания листвы, вдоль улицы 9-го Января. Видимо, решая вопрос о месте комплекса, строители считали, что потомки выведут улицу прямо на Караван-Сарай; но так, к сожалению, не случилось.

В августе 1846 года состоялось торжественное открытие Караван-Сарая. По существу-то открывали мечеть, которая вместе с минаретом является центром композиции; отделка ее, вероятно, и заняла все то время, ведь мастеров было очень мало.

О достоинствах и особенностях Караван-Сарая хорошо и подробно рассказал в своей работе архитектор Барый Гибаатович Калимуллин. Он выделяет как самое главное и наиболее ценное ансамблевое качество «соразмерность отдельных частей комплекса, стройность общего силуэта, согласованность всей композиции». По формам здания сильно отличаются, но они соподчинены и дополняют друг друга. Хорошо сказано о развитии композиции в высоту: «С низких, горизонтально протяженных стен хозяйственных пристроенных взгляды переходят к стенам основного здания, и угловым башенкам над крышей, следует выше к куполу мечети, затем поднимается к минарету, его конусному завершению, шпилю и, наконец, уходит в необъятный простор неба».

Анализируя архитектурный образ Караван-Сарая, Б. Г. Калимуллин приходит к заключению, что в нем отражена схема летнего башкирского аула. Ассоциацию с аулом усиливают возвышающиеся над крышей угловые башенки, которые напоминают легкие летние юрты.

До нас Караван-Сарай дошел с рядом изменений. Так, хозяйственный пристрой потерял свои первоначально четкие формы из-за добавления разновысоких построек, минарет соединен с мечетью чуждым ансамблем переходом.

Кроме таких выдающихся в отношении архитектуры зданий, строились и скромные, имевшие чисто практическое значение, например, казенное лесопильное и муко-

мольное заведение, большая оборонительная казарма вместо куртины между Успенским бастионом и Преображенским полубастионом, и другие. Кое-что осталось лишь в проектах. Не лишена интереса история так и не построенного постоянного моста через Урал. Необходимость его была очевидна, сообщение с Бухарской стороной, как почти сто лет до этого, осуществлялось посредством «моста на судах» — летом, и паромной переправы — осенью и весной, зимой же, разумеется, по льду. Нормальное сообщение, таким образом, нарушалось не только весной, но и осенью во время ледостава. Поэтому весной 1838 года В. А. Перовский специально для строительства водопровода и моста (каменного или деревянного на каменных опорах) просил департамент путей сообщения прислать знающего инженера, сообщая, что в «Оренбургской губернии ныне находится один только офицер Корпуса путей сообщения — поручик Сергеев, занятый безотлучно на вновь прокладываемом промышленном пути». Просьбу удовлетворили, и в августе того же года в Оренбург прибыл полковник Зеgefон Лауренберг, до этого строивший мост между Ригой и Митавой¹. 19 ноября он уже рапортует о представлении проектов и смет. Мост проектировался «о семи арках шириною по 8 сажен 5 футов каждая», а по обоим берегам должны были устраиваться земляные насыпи с мостами и трубами для протока весенних вод. Место для моста выбрали чуть пониже, чем стоит нынешний автогужевой. Документы послали в Комиссию проектов и смет, которая в своем заключении от 28 января 1839 года указала, что необходимо еще тщательно изучить течение реки, его скорость, особенно в половодье и т. д. Работы на строительстве моста были, однако, начаты задолго до получения ответа комиссии. За 37 рабочих дней, начиная с 14 декабря 1838 и по 12 февраля 1839,

¹ Здесь и далее о мосте: ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 11373.

сделали довольно много той работы, которую можно, и даже лучше, производить зимой, — забивали трехсаженные сваи, которые должны были служить опорой для быков. Забивались они почти на всю длину плотными группами рядом друг с другом. За это время вбили 194 сваи, 160 заострили и насадили железные колпаки. Основной рабочей силой были арестанты. В этот период, например, у копров на забивке свай их работало немногим более 70 человек, а при них 16 конвойных под командой двух-трех унтер-офицеров. Из вольных людей ежедневно — 4 или 5 плотников, которым платили по тем временам довольно много по «частной цене»: в день по полтора рубля. Остальным платили гораздо меньше, все они были ведь на казенном довольствии: арестант получал в день по 10, конвойный — по 5, а унтер-офицер — по 20 копеек.

Наблюдения за льдом и течением производились в 1839 и 1840 годах, но ничего нового не дали, весенняя вода не доходила до нужной отметки. Комиссия даже выражала сомнения в правильности измерений. Поэтому изучения водного режима были продолжены. Потом, в декабре 1841 года, «по причине удачного опыта, произведенного в России сего лета над Американскими мостами», комиссия рекомендовала построить другой «решетчатый мост с пролетом в 25 или 30 сажен отверстие». Лауренберг предложил строить мост новой конструкции прямо напротив главной улицы; рассматривались чертежи построенных мостов. Но военным губернатором был уже Обручев, и все практические работы остановились на много лет, хотя рассуждения о мосте и о том, кому надлежит его строить, не прекращались. В начале XX века в меженную воду свайные группы были отлично видны, различались они еще и в 1970-е годы.

Памятные места. Т. Базинер об Оренбурге

В Оренбурге, таком далеком от центра России городе, жили, работали или останавливались многие известные, талантливые люди. Особенно выделяются в этом отношении периоды управления В. А. Перовского. Этот незаурядный человек привлек в Оренбург многих способных людей, некоторых находил и на месте, больше из тех, что не по своей воле приехали сюда. Много написано о них. Подробно рассмотрена в научной литературе и публицистике деятельность таких людей, как Владимир Даль — чиновник для особых поручений при военном губернаторе, Ян Виткевич — ссыльный поляк, успешно выполнивший серьезную миссию в Афганистане, Томаш Зан, тоже из ссыльных, которому П. П. Сухтелен поручил музей, и многих других. О двухдневном пребывании А. С. Пушкина в Оренбурге написано столько, что один список работ по этому вопросу занял бы не менее страницы¹. Жил здесь ученый Эдуард Эверсман, проездом был великий немецкий ученый Александр Гумбольдт, много других ученых путешественников бывали в Оренбурге.

Как правило, мы много знаем о том, что они делали, с кем встречались, кому писали, но совершенно или почти ничего не знаем конкретно, где они жили, часто бывали. Это во многом их же «вина»; они или не оставили записей, или слишком общё указывали свое местопребывание. Например, Григорий Силыч Карелин, молодым прапорщиком высланный служить в Оренбург, ставший здесь крупным ученым-исследователем, адресовал письма жене-оренбуржанке «в собственный дом, позади дома г-на Военного губернатора» (имелся ли в виду дом,

¹ М. К. Нурмухамедов приводит 16 наименований в своей работе «Пушкин. Оренбург и оренбуржцы». Ташкент, 1984, с. 3. Но и это не все.

где губернатор жил, то есть дом 32 по нынешней Советской, или тот, который строился, кто знает?). В то время, да и позже, так «описательно» и принято было указывать адрес даже в столице.

С точки зрения краеведческой интерес здесь двупланов. С одной стороны, важно знать, где люди жили или останавливались, где бывали. С другой, не менее интересно, каков был тогда город, их впечатления, оценка. И в обоих случаях достоверность информации должна проходить возможную проверку, с учетом субъективности восприятий, оценки, классовой позиции, положения, и т. п. Так, например, широко известная гравюра по рисунку П. П. Свинына — вид Оренбурга с левого берега Урала — ни у кого сомнений как будто не вызывала в своей достоверности. На самом же деле во многих деталях рисунок грешит: церкви на набережной стояли другие, берег никогда такой крутизны не имел, мост не был свайным, и, наконец, не росли в этом месте на левом берегу никакие деревья. Это только основное. По всей видимости, П. П. Свинын рисовал по памяти, может быть, с двухминутного наброска. По свидетельству современников, он обладал богатой фантазией; А. С. Пушкин даже писал, что тот в детстве «не мог сказать трех слов, чтобы не солгать». Таким образом, рисунок этот дает лишь самый общий образ города. Не без преувеличений и его описание города 20-х годов. Не мог же Свинын не заметить разваливающихся домов, бродячий скот на улицах, который, к слову, сильно вредил насаждениям¹.

А. С. Пушкин не оставил ни своих оренбургских адресов ни впечатлений о городе. Слишком коротким было его пребывание, да не за тем он сюда и приезжал. Нет настоящей ясности, где он бывал. Считалось, что останавливался в доме Тимашева (Советская, 32). Затем

¹ ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 9932.

на основании писем Е. З. Ворониной¹, мемориальную доску установили в бывшем саду военного губернатора, и сейчас почти все считают, что А. С. Пушкин останавливался здесь², так как Перовский еще не переехал в это время на городскую квартиру, а жил в загородном доме, построенном, как считалось и считается, в конце XVIII века. Дом этот затем был подарен вместе с другими относящимися к нему постройками полицмейстеру Шербачеву, который все потом продал; наконец, после еще одной перепродажи, все было отдано архиерею; постройки в 1860-е годы были совсем древние, поэтому архиерею возвели новый дом, существующий и поныне³. Не сомневаясь в достоверности сведений, по этому же пути пошел и автор. Найдя чертежи с описанием состояния загородного дома в 1797 году, где все в полном порядке, реконструировал его вид и трижды опубликовал его снимок, как дома, в котором останавливался А. С. Пушкин⁴. И вдруг нашелся документ, согласно которому этот дом весной 1825 года продан на слом по причине ветхости и разрушения. Выяснилось, что уже в 1805 году Г. С. Волконский не стал почему-то в нем жить, дом не ремонтировался, пустовал⁵. Документов о постройке нового дома пока не обнаружено. По некоторым данным в это время загородная дача была и в Зауральной роще. Таким образом, вопрос этот представляется не решенным. Приведение всех «за» и «против» заняло бы слишком много места и может явиться темой отдельной работы.

Несколько более определенно можно сказать о месте

¹ Русский Архив, 1902, № 8, с. 644—660.

² Ю. Л. Славянский придерживается прежней точки зрения. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал, Казань 1980.

³ Столпянский П. Н. Указ. соч. с. 22—24.

⁴ Комсомольское племя, 1980 4 сентября; Оренбург 1833. Буклет, Оренбург, 1982; Южный Урал, 1983, 6 февраля.

⁵ ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 8909.

жительства директора Неплюевского училища К. Д. Артюхова, у которого, как считается теперь, поэт был сразу по приезде в Оренбург и даже мылся тут в бане. Удалось установить, что он жил на Водяной (или Уральской) улице¹, но место дома пока не определено. По расчетам домовладение могло быть в торце квартала между Николаевской и Мечетным переулком напротив дома Пограничной комиссии.

О месте, где жил В. И. Даль, не известно ничего. Существует лишь указание в письме Е. Ворониной, что около его дома росло большое дерево, на которое забирались девицы посмотреть на А. С. Пушкина.

Больше можно сказать о местах, где бывал Т. Г. Шевченко. Кроме общеизвестных — ордонансгауза, дома Кутина, где жил Лазаревский, места дома К. Герна и главной гауптвахты, нужно назвать уничтоженные пожаром в 1862 году Нижние казармы, о которых уже говорилось. Весьма вероятно, что, вернувшись из Аральской экспедиции, Т. Г. Шевченко работал над материалами в доме топографов, бывшем Тептярском училище. Отсюда же очень возможен его маршрут в слободу во флигель к Герну: по Почтовой улице, как с последней четверти XVIII века стала называться Комисская, на север к Сакмарским воротам. Улица эта в большой степени походила на задворки, определенная как «задняя» после пожара 1786 года. Здесь меньше чем на Николаевской могло быть нежелательных встреч; болеелюдно было, очевидно, только около кабака «Кукуй», который находился в конце улицы у вала. И еще одно место, где мог бывать Шевченко: дом титулярного советника Костромитинова; он находился около вала. Место это сейчас не застроено у перекрестка Матросского переулка и улицы Володарского, к западу от дома 13.

Если нельзя сказать, где жил Г. С. Карелин, то дом,

¹ ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 11343, л. 24 и об.

вернее два дома, принадлежавшие хорошему его знакомому богатому винному откупщику, надворному советнику А. И. Еникуцеву, известны. Они стояли по диагонали напротив друг друга через перекресток Неплюевской и Введенской, занимая юго-западный и северо-восточный углы и весь торец кварталов. Напротив первого дома через Введенскую улицу жил известный в Оренбурге человек, преподаватель Неплюевского училища Дандевиль, а затем его сын подполковник В. Д. Дандевиль, отправившийся в 1859 году во главе экспедиции изучать восточный берег Каспия; то есть в те же места, куда не раз ездил и Г. С. Карелин.

По случайности на четвертом углу этого же перекрестка была казенная квартира председателя пограничной комиссии, которым с 1851 по 1862 год был известный ученый В. В. Григорьев. Здесь он жил, и сюда, должно быть, приходил за книгами пользовавшийся его библиотекой юноша, Ибрай Алтынсарин, будущий известный казахский просветитель.

По Неплюевской же улице, на том месте, где сейчас Оренбургская районная больница, жил человек, которого не стоило бы упоминать, если бы он не был родным братом деда Константина Эдуардовича Циолковского — Игнатия. Это С. Т. Циолковский, печально известный по Хивинскому походу В. А. Перовского жестокостью к солдатам и к своим крепостным; по отношению же к «равным» — хлебосольный хозяин.

На углу Петропавловской и Дворянского переулка (ныне Матросский) всю свою жизнь жил И. В. Чернов, автор известных «Записок». Дом его цел, но к нему надстроили еще два этажа (Краснознаменная, 21).

Есть несколько описаний Оренбурга тех лет. Интересно изображение Менового двора в повести В. Даля «Бикей и Мауляна», грустны замечания Т. Г. Шевченко о городе, богаты переведенные на русский язык «Воспоминания» генерала И. Бларамберга. Одним из наиболее

полных представляется описание города Т. Базинером в его книге «К изучению Российской империи и пограничных стран Азии», изданной в 1848 году в Петербурге. Написана она по-немецки, в переводе помещаемых ниже выдержек из нее сделана попытка несколько сохранить стиль автора.

Теодор Фридрих Юл. Базинер, доктор философии и естествоиспытатель был в Оренбурге проездом, направляясь в Хиву вместе с посольством под начальством полковника Григория Данилевского. Базинер жил в Оренбурге с 18 июня до 1 августа 1842 года и некоторое время на обратном пути. Его описание ценно не только тем, что дает довольно ясное представление о городе, значительно преобразившем к этому времени благодаря деятельности В. А. Перовского и его окружения, но и потому, что это свежие впечатления иностранца. Базинер выехал из Петербурга 2 июня 1842 года и, с остановкой в Москве до 11 июня, прибыл вечером 18 июня в Оренбург после почти непрерывной езды на тарантасе (даты путешествия даны по новому стилю, так как Базинер употреблял его). Он подъезжал по дороге, проходившей мимо горы Маяк и недалеко от современного станкозавода. Вот его первые впечатления.

«Расположенный на высоком правом берегу реки Урал, Оренбург уже издалика, особенно при благоприятном вечернем освещении, представляется путешественнику приветливым городом. Это благоприятное впечатление не смазывается и вблизи.

Немного более чем в полуверсте от крепостной стены справа в два ряда друг за другом начинаются первые дома предместья. В первом, расположенном у самой дороги, выделяется агрономическая школа, основанная бывшим Оренбургским военным губернатором Перовским. Непосредственно к ней примыкает военный госпиталь, большое двухэтажное здание, фасад коего обращен к воротам, через которые с этой стороны попадают

в крепость. Сим заканчивается одновременно первый ряд домов, и тут становится виден второй, который, располагаясь дальше от дороги, но идя в одном направлении с нею, приближается к крепости до расстояния в несколько сотен шагов. Как ни приятно смотреть на эти скромные, маленькие, но приветливые дома, взгляд невольно переводишь на другую сторону слева от дороги, где отдельно стоящее грандиозное здание приковывает его своей необычной красивой архитектурой. Фасад этого здания, украшенного на каждом углу двумя маленькими башенками, прерывается широким промежутком, середина коего занята кругообразной мечетью и стоящим перед нею минаретом, обложенным белым глазурованным кирпичом. Оно также построено Перовским, и обычно называется «Башкирский караван-сарай», хотя здесь не производится торговля, а находится только резиденция башкирской администрации.

Дорога между этим башкирским караван-сараем и упомянутым рядом домов до крепостных ворот окаймлена ивовой аллеей, которую, несмотря на песчаную, сухую, как порох, почву, образуют все-таки довольно приличные деревья, находящиеся, по-видимому, уже вне всякой опасности, в то время как многие промежутки между ними ясно показывают, как здесь в неблагоприятном климате должно быть трудно предохранить от гибели молодые деревья. Эта аллея заложена военным губернатором Эссеном, и он собственноручно ухаживал за ней.

Мы проехали по маленькому каменному мосту через сухой, окружающий крепостную стену, ров и сквозь Сакмарские ворота внутрь крепости, где курьерские лошади, мчавшиеся, начиная от первых домов предместья, как это принято, с удвоенной скоростью, были на несколько мгновений задержаны караулом для регистрации паспортов путешественников.

Перед нами простиралась длинная прямая улица, главная улица Оренбурга, которая доходит до берега

реки Урал и разделяет город посередине на две приблизительно равные половины. Длина ее составляет 600 сажений или $1 \frac{1}{5}$ версты. По обе стороны оной попеременно стоят красивые деревянные или каменные дома большей частью одно- или двухэтажные; но не успел я рассмотреть ближайшие дома, насколько позволяли наступающие сумерки, как с возобновившимся усердием над спинами лошадей засвистел кнут нашего возницы, и снова повозка понеслась, как ветер...

Повернув направо во вторую поперечную улицу (это была Гостинодворская.— В. Д.), она вскоре остановилась перед гостиницей, на вывеске которой красовался пузатый, постоянно пыхтящий паром самовар (здесь в скобках доктор дает дословный перевод на немецкий язык этого русского слова как чайная машина.— В. Д.) лучшая примета большинства гостиниц внутри империи... Хозяин отвел мне две комнаты, «лучшие в гостинице» — как он заверял, — которые, однако, были такими грязными и плохо обставленными, что я, несмотря на усталость, тотчас повернул бы отсюда дабы отыскать заказанную еще из Санкт-Петербурга за месяц до того квартиру, если бы не было уже слишком темно и поздно для такого исследовательского путешествия в незнакомом городе... Приближающееся утро я приветствовал почти с тем же чувством, что и узник час своего освобождения. Его, к счастью, не пришлось слишком долго ждать: с рассветом явился солдат, который имел поручение показать мне мою квартиру.

...Так как ничего лучшего в это время мне не предстояло делать, я переоделся и отправился путешествовать по городу, чтобы ближе рассмотреть его, и, при случае, засвидетельствовать свое почтение господам, к которым у меня имелись рекомендации.

В большинстве своем одно- и двухэтажные дома, окрашенные в белый, желтый или серый цвет, и прямые широкие улицы, которые по большей части параллельны

главной улице или пересекают таковую под прямым углом, придают городу приветливый вид. Вместе с предместьями здесь 83 улицы, из которых, однако, только одна единственная (так называемая Водяная) замощена, притом едва-едва. Несмотря на это, здесь меньше страдают от грязи, потому что дождь бывает редко и почва песчаная, чем от постоянной пыли, которая проникает в самые дальние помещения квартир. В начале весны и поздней осенью некоторые места, преимущественно рыночная площадь и ее ближайшие окрестности все-таки недоступны для любого, кто носит обычную европейскую обувь. По одним данным в Оренбурге — 1547 по другим 1593 дома, из которых только 101 (или 105) кирпичных». Базинер имеет в виду в первом случае «Географическое обозрение Оренбургского края» Я. Ханыкова, изданное в Петербурге в 1839 году при статистическом отделении совета МВД; во втором случае «Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи», составленные в том же отделении того же министерства в 1840 году. Учитывая рост строительства во второй половине 1830-х годов, разница в цифрах представляется вполне правильной. «Поскольку здесь еще не приходится жадничать из-за земли, они, как правило, имеют большие дворы с рядом подсобных построек, в которых обычно размещаются конюшня, и хлев, и также амбары,— продолжает Базинер.— В квартирах состоятельных людей и кухня обычно в отдельной постройке, дабы не быть вынужденными вкушать обед посредством носов за несколько часов до него, что часто бывает в густонаселенных городах, где недостаток площади не позволяет в достаточной степени изолировать кухню и является одной из самых больших неприятностей квартир».

Далее Базинер описывает крепость, при этом он называет крепостной вал стеной, видимо потому, что тот во многих местах, в том числе и с севера, где

находились Сакмарские ворота, был облицован камнем.

«Крепостная стена охватывает ядро города со всех сторон, кроме южной, защищенной уже от природы рекой и ее правым берегом, который состоит из песчаника и образует довольно крутую стену высотой в 94,5 фута (эту высоту берег имеет в точке, где находится бассейн водопровода). Крепость по окружности имеет 2700 саженей, или почти 5,5 верст; вал высотой 14 футов возведен преимущественно из земли и песчаника, только в нескольких местах он сложен из известняка. Хотя его и окружает ров шириной в 36 футов и глубиной в 12 футов, последний совершенно сухой, почему во многих местах... через вал переходят. Предместья отделены от крепости довольно широким пространством в несколько сот шагов. Восточное, или казачий Форштадт, имеющее более 2000 жителей, расположено совсем отдельно от Голубиной слободки, то есть Голубиногo предместья, которое с запада охватывает крепость почти сплошной дугой от Сакмарских ворот до реки Урал и насчитывает более 800 жителей, преимущественно отставных или служивых солдат. По ту сторону реки на южной, или так называемой азиатской стороне в двух верстах за Уралом находится торговый двор, построенный по типу караван-сарая, обычно его называют Меновым двором, где останавливаются прибывающие из Бухары или Хивы караваны и происходит главный торг с киргизами (то есть с казаками.—В. Д.). Он образует квадрат примерно от 150 до 200 сажен в поперечнике, включает в себя 354 лавки и 140 амбаров для товара и подобно укреплению окружен стеной с двумя воротами и рвом...

Эта стена одновременно является и задней стеной лавок и амбаров.

Недалеко от Менового двора расположены и салотопни, деревянные сараи, в которых в течение одного лета часто забивают более 50 000 овец преимущественно ради сала; мясо, которое тогда продается по 1 коп.,

а иногда и по $\frac{1}{4}$ коп. серебром за фунт, дает только маленький побочный доход и часто даже выбрасывается».

Затем Базинер несколько слов пишет о церквях, отмечая, что их довольно много, и перечисляет лучшие учебные заведения: «Неплюевский кадетский корпус, из которого воспитанники выпускаются офицерами; 2) топографический институт; 3) школа кантонистов и 4) агрономическая школа. Кроме того, есть еще уездное училище, магометанская школа и школа для девочек, которая называется по своему основателю Неплюевской».

Отмечая, что жители принадлежат к различным вероисповеданиям и общее количество их 12 331 человек, доктор пишет, что разные народы «живут здесь часто объединенно под одной крышей». Из европейских народов «кроме русских, здесь можно встретить преимущественно немцев и поляков, даже несколько французов и итальянцев, которые занесены сюда войной 1812 года», а из азиатских «татары — после русских самые многочисленные жители, — киргизы, башкиры, бухарцы и хивинцы, подчас и калмыки. Да, даже эстонец (финн) из Лифляндии, которого привез с собой преподаватель Неплюевского кадетского корпуса, был уже семь лет в Оренбурге».

Для того, чтобы увидеть сразу все народности, встречающиеся в Оренбурге, Базинер советует сходить на рыночную площадь, где они «в своем разнообразии языков, строения лица, жестов, обычаев и одежд представляют для европейца интересное зрелище». Сам доктор дает ряд зарисовок, сопровождая их пространными комментариями и теоретическими рассуждениями, которые здесь опускаются, так как к городу непосредственно не относятся.

«Тут можно увидеть казака, оживленно торгующегося из-за уздечки; там уже издали видно киргизку, едущую со своим грудным ребенком верхом на верблюде, которого за веревку тянет ее супруг. Раскачивающейся поход-

кой оба, поводырь так же как и верблюд, так похожи друг на друга, что кажется, будто животное, и без того насмешливо выглядящее, хочет передразнить своего хозяина. В то время как тот, проходя мимо, заглядывает в лавку немецкого колониста, чтобы купить себе насбою, то есть нюхательного табаку, его дорогая половина вытаскивает из-за пазухи кусочек белого хлеба, для нее редкое лакомство, и съедает его с явным удовольствием. Быстрым шагом спешит мимо гибкий татарин, судя по одежде, не принадлежащий к классу беднейших, под мышкой он несет, завернув в платок, несколько бухарских тюбетеек, поясов и халатов, взгляд его направлен на офицера, с которым он явно намерен встретиться. Приближаясь, он приветствует офицера с внешним благоговением, поднимая по-европейски свою опущенную мехом шапку, и когда тот с какою-то снисходительной доверчивостью отвечает на приветствие, в истинно азиатской манере обхватывает его правую руку обеими руками. В хитром барышнике тотчас видна его натура хамелеона, в силу которой он готов был бы подражать всем возможным обычаям, если они принесут ему выгоду, и он, конечно, выказывает тому офицеру свою глубокую преданность и благоговение только потому, что ему удалось по-своему ловко надуть лишь недавно приехавшего, и он живет в сладкой надежде еще не раз иметь подобный выигрыш. Ловкий плут... не открывает, однако, здесь свой узел, опасаясь, что кто-то из присутствующих вмешается, а довольствуется доказательством своего внимания и покорности тому господину, но можно с уверенностью предсказать, что еще сегодня или завтра он принесет свои товары офицеру прямо домой... Если отсюда мы обратим взгляд на середину базара, где находится обычно сухой бассейн фонтана, то мы заметим, что край этого бассейна занят почти исключительно бухарцами, которым он служит вроде биржи, так что они здесь часто сидят часами, обмениваясь различными

коммерческими и политическими новостями. Как сильно отличается спокойствие во всех их движениях и жестах от подвижности барышника; как бросается в глаза контраст их бледных обычно красиво очерченных лиц, которые еще больше выигрывают благодаря белым тюрбанам, с ...монгольскими чертами киргизов».

Сделав еще ряд субъективных замечаний, Базинер переходит к описанию базара. «Он расположен в западной половине, непосредственно за доходящим до главной улицы торговым двором, и занимает здесь квадратную площадь, которая с трех сторон окружена рядами каменных лавок, а с четвертой, ограниченной задней стеной торгового двора, имеет ряд маленьких мелочных лавок, половина которых принадлежит русским торговцам, а другая — немецким колонистам. Первые колонисты переселились сюда около 1777 года из Саратова. Теперь их четырнадцать семей, около 60 человек. Они торгуют мелочными товарами, главным образом такими, которые составляют потребности степняков, особенно табаком, они его возделывают либо сами в окрестностях Оренбурга, либо заказывают из Саратова... Кроме того, они занимаются и ремеслом, и немного земледелием, однако, более для удовлетворения собственных потребностей, чем ради торговли... В северном ряду лавок можно найти фаянс, изделия из стекла и различные колониальные товары, такие как кофе, чай, сахар, сушеные фрукты и варенье, рис и т. п. Западный ряд лавок предназначен для железных, а южный — для кожаных изделий. Позади последнего возвышается большое каменное здание Неплюевского кадетского корпуса. На рыночной площади, кроме того, поставили свои столы менялы, маркитанты и маркитантки, старьевщицы и торговки овощами. Киргизы и башкиры, желающие продать продукты своего труда, такие, как кошмы, верблюжья шерсть, лошадиные шкуры, широкие кожаные штаны и т. п., тоже появляются здесь и раскладывают свои товары обычно на земле.

Середина восточного лавочного ряда, принадлежащего немецким колонистам и русским мелочным торговцам, прерывается входом в торговый, или гостиный, двор, который занимает все пространство отсюда до главной улицы. Лавки этого, числом 150, расположены по типу караван-сарая не с внешней стороны, а с внутренней стороны высокой четырехугольной стены, которая тянется на 104 сажени в длину и 94 сажени в ширину и имеет только двое ворот, одни — на граничащей с главной улицей, а другие, напротив, на обращенной к базару стороне. Внутреннее пространство двора делится пересекающей его стеной на северную и южную половины. Первая из них предоставлена бухарцам и хивинцам. В южной, занимаемой русскими купцами, части у поперечной стены расположена таможня, а над воротами очень красивой архитектуры православная церковь, которая прямо примыкает к лавкам этого ряда... Примерно в середине этой половины находится еще не оконченный артезианский колодец, бурение которого майор Майер начал в 1836 году и продолжал до 1840 года... Южной стороной торговый двор граничит с прерывающей главную улицу посередине длины плацпарадную площадью, которая с других трех сторон окружена каменными зданиями магистрата, генерального штаба с топографическим институтом, отделением Неплюевского кадетского корпуса и манежем. Перед двумя последними зданиями находится фонтан, который, однако, так же как и тот, что на рыночной площади, открывается только по воскресеньям и праздничным дням, потому что деревянные трубы водопровода несмотря на новизну так непрочны, что вода уже не раз там и сям просачивалась сквозь слой земли на улицу.

Среди зданий, расположенных по главной улице, ...следует упомянуть как наиболее заметные лишь здание Благородного собрания, лютеранскую церковь и дом генерал-губернатора. Последний особенно выделяется.

своим расположением на высоком берегу реки... Этот берег реки Урала в начале весны, особенно во время ледохода, является излюбленным местом прогулок, где в теплые воскресные и праздничные дни можно увидеть почти всех жителей в их разнообразных праздничных нарядах. Никто из бухарских купцов не пропускает того, чтобы не приехать сюда... и, усевшись на корточки на одном из самых сухих мест по краю берегового склона, часами смотреть вниз на реку...

Затем Базинер очень подробно описывает «чрезвычайно эксцентричный климат» Оренбуржья, после чего останавливается на торговле, приходя к заключению, что за сто лет город «вряд ли смог бы так выгодно развиваться только благодаря азиатской торговле», если бы его не избрали центром политической и административной связи с частью Средней Азии. «Оренбург похож поэтому не на гражданский город, а на колонию военных и гражданских чиновников». Сказав далее очень много лестного в отношении управления В. А. Перовского, и отметив, что в городе очень много немцев, находящихся на государственной службе, автор подчеркивает многонациональность общества и считает, что она дает особую привлекательность компаниям. «Так, я был на балу, который лишь редко можно встретить, да и в редких местах... Здесь можно было видеть в мирном содружестве самые различные наряды Европы и Азии: великолепные военные формы от сияющей звездами генеральской до простого, но красивого казачьего мундира; французские фраки и русские кафтаны; бухарцев в своих белых, окантованных золотом тюрбанах и хивинского посланника вместе со свитой в высоких меховых шапках; киргизских султанов и русских священнослужителей, татар и башкир; и рядом с как бы парящими в своих легких газовых платьях женами военных и чиновников — неповоротливые супружеские половины русских купцов в тяжелых шелковых материях и перегруженные разно-

образными, более или менее ценными украшениями. Я был очень рад заметить, что здесь не господствует, как в большинстве маленьких городов провинции, тот чванный кастовый дух, то внешнее соблюдение чопорного этикета, которое отнимает все волшебство у приятельского общения. Что же делает путешественнику пребывание в Оренбурге особенно приятным и незабываемым, так это истинно русское гостеприимство, с которым его всюду приглашают и принимают».

В конце раздела об Оренбурге Теодор Базинер описывает свой отъезд: «День был ясным и очень теплым, воздух почти неподвижен. Позолоченные главы церквей Оренбурга, отражавшие далеко в степь лучи утреннего солнца, еще долго были нам видны; мы потеряли их из виду приблизительно через полтора часа, когда их заслонила от нас гряда, и не видели больше ничего, кроме ясного неба и широкой пустынной степи, которая здесь покрыта довольно густой, но совершенно засохшей травой, и нет в ней ничего, что могло бы представить отраду и отдохновение для вглядывающегося вдаль усталого глаза».

Последние годы крепости

По сравнению с 30-ми годами XIX века, 40-е, начиная с 1842 года, почти ничем не отмечены: крупных казенных построек не возводилось вообще. Сменивший В. А. Перовского генерал В. А. Обручев был человеком совершенно иного склада. У него не было ни размаха, ни инициативы своего предшественника. Многие из начинаний Перовского были сведены на нет. Сменилось и окружение военного губернатора, то есть люди, которые не только исполняли, но и решали многое. Отметить можно только некоторый рост предместий, он заметен больше в Новой слободке, хотя сам по себе и незначителен. Если в 1741 году внешняя граница слободки проходила по линиям совре-

менных улиц Цвиллинга, Караван-Сарайской и Комсомольской (внутри этого участка не все, разумеется, было еще застроено), то к 1850 году, оставаясь с запада и востока в тех же пределах, слобода дошла только до линии Рыбаковской, между которой и нынешней Григорьевской улицей кварталы были застроены не более чем на 50%. За этой линией существовали только отдельные постройки. Таким образом, за девять лет количество кварталов даже не удвоилось.

Ежегодно в казахские степи отправлялись значительные экспедиционные отряды с обозами, потому что начиная с 1845 года на юго-востоке началось возведение укреплений, главным образом для того, чтобы вытеснить кочевья мятежного султана Кенесары Касымова, движение которого по своей сути было антинародным, феодально-монархическим и поощрялось ханами Хивы и Коканда. Летом этого года на реках Иргиз и Тургай заложили Уральское и Оренбургское укрепления; теперь там города. К 1848 году Россия достигла Приаралья и низовий Сыр-Дарьи. Для исследования Аральского моря нужны были плавсредства. Поэтому зимой 1846—1847 годов в большом манеже, из которого позже сделали первое здание Оренбургского драмтеатра, приехавшие из Петербурга корабельщики и матросы строили небольшую шхуну. Эта шхуна была, очевидно, двухмачтовой, ее затем в разобранном виде доставили на Арал. На следующий год строилась вторая шхуна. Для ее строительства в Оренбург прибыл лейтенант Алексей Иванович Бутаков — военный моряк и исследователь. Тем же способом, как и первую, ее отправили на Аральское море, где летом и осенью 1849 года капитан А. И. Бутаков ходил на обеих шхунах, названных «Николай» и «Константин», вдоль побережья, производя съемки. Вместе с Бутаковым в плавании участвовал ссыльный поэт Т. Г. Шевченко. Знакомство Оренбурга с морским делом этим не ограничилось. В 1850 году сюда сухим

путем из Самары прибыло несколько маленьких плоскодонных железных пароходов, тоже в разобранном виде. Путь их был далек: он шел через Петербург из Швеции. Пароходы потребовались для плавания по Аральскому морю и впадающим в него рекам. На этих пароходах А. И. Бутаков провел подробное исследование Арала, устьев Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. Так, только через сто с лишним лет осуществилось намерение И. К. Кирилова — завести судоходство на Аральском море.

В это же десятилетие большая беда постигла Оренбург. 1848 год в России был отмечен холерой, которая шла с Каспия вверх по Волге и Уралу. Оренбург особенно сильно пострадал от нее: за шесть недель в городе с восемнадцатитысячным населением погибло 2800 человек. Распространению эпидемии в значительной степени способствовали низкий санитарный уровень города и сильная жара. Очевидец этих событий И. Бларамберг, служивший здесь уже около шести лет, так описывает бедствие: «Когда я выходил на улицу, меня обдавал горячий ветер, дувший словно из печи. Над городом, окруженным валами, постоянно висело облако мелкой пыли. Воздух был раскален, термометр показывал 33 градуса по Реомюру (несколько более 41 градуса по шкале Цельсия.— В. Д.) в тени. На улице ни души, кроме похоронных шествий и врачей, которые ездили в своих легких экипажах к холерным больным. Наконец число жертв возросло настолько, что их вывозили на кладбище без всякого обряда. Несколько врачей умерли, другие заболели, и в конце концов остались только два или три врача на тысячу и более больных».

Больше всего пострадали, конечно, беднейшие слои. Для них под холерный госпиталь отвели Караван-Сарай, откуда умерших «арестанты дюжинами вывозили каждую ночь на телегах», для того, чтобы, засыпав негашеной известью, закопать в общих ямах. Те из состоятельных людей, которые не были связаны со службой, постара-

лись переждать эпидемию вне города. Сам же военный губернатор Обручев уехал в башкирские леса, затем к концу эпидемии вернулся, но устроился отдельно в кибитках на Маяке. В городе он появился только по окончании эпидемии.

Из позитивных событий этого времени важным, пусть и малозаметным, явилось открытие в 1850 году киргизской школы при Оренбургской пограничной комиссии. Это была вторая школа такого типа. Первую открыли еще в 1841 году во внутренней орде, которая находилась в междуречье Урала и Волги. Эти школы, как отмечалось в правительственных циркулярах, должны были «способствовать сближению азиатов с русскими, внушать первым любовь и доверие к русскому правительству и поставлять краю просвещенных деятелей». Конечно, предназначались они для детей верхних слоев казахского общества. Школа размещалась в одноэтажном каменном здании пограничной комиссии, которое находилось на месте дома № 7 по Советской улице. Одним из первых, окончивших ее, был Ибрай Алтынсарин.

В 1851 году было образовано Оренбургское и Самарское генерал-губернаторство. Первым высоким пост генерал-губернатора занял В. А. Перовский, который в этой связи снова вернулся в Оренбург. К этому периоду его управления, кроме уже упоминавшегося приобретения в казну для канцелярии дома Еникуцева, относятся и строительство двух заметных зданий, которые объединяет то, что в отделке фасадов использован глазурованный кирпич. Это цейхгауз степного войска (Парковый 10) и «замок» на Набережной, где помещается отдел досоветского периода краеведческого музея. О последнем здании нужно сказать несколько больше. Оно возводилось для архива и казны. Построено в стиле неоготики, тогда стало модным строить в различных нео- или даже псевдостилиях. В данном случае стиль с подчеркнутой строгостью форм выбран, очевидно, исхо-

дя из назначения постройки. Сравнительно малая площадь оконных проемов обусловлена тем, что в хранилищах изобилие света не нужно. Здание решено в виде нескольких разновысоких объемов, зрительно связываемых башней, функция которой, за исключением помещения для часов, чисто декоративная. Вероятно, проект выполнен в Оренбургской строительной и дорожной комиссии, откуда в июне 1854 года он был передан В. А. Перовскому, но автор пока неизвестен. Указание в одной или двух публикациях на И. Скалочкина как на автора — заблуждение. Действительно, «Ярославской губернии, Ярославского уезда, деревни Вахрушевой, помещицы графини Кутайсовой крестьянин Иван Скалочкин» строил это здание, но в качестве подрядчика. Он же до этого брал подряд на печные работы в бывшем доме Еникуцева. Здание сначала использовалось по назначению, в середине 1870-х годов оно еще числилось как «замок, денежная кладовая»¹. В гауптвахту, которой являлась эта постройка до недавнего времени, здание превратили, возможно, в конце этого же десятилетия, но более вероятно после упразднения генерал-губернаторства в 1881 году.

Пятидесятые годы ознаменовались и некоторым развитием промышленности. В 1854 году московский цеховой А. Ф. Грен просит выделить место под устройство «чугунолитейного заведения». В. А. Перовскому идея понравилась, так как на заводе можно было бы изготавливать много необходимого городу, ведь, например, при ремонте бывшего дома Еникуцева пришлось одних колосников общим весом в 270 пудов заказывать на Белорецких заводах и доставлять оттуда. Генерал-губернатор по этому случаю обратился к городской думе с письмом: «Я предписываю Думе ныне же отвести в распоряжение Грена потребное для него количество земли на предпо-

¹ ГАОО, ф. 124, оп. 2, д. 6060.

женных Думой условиях, и об исполнении мне донести». Земля Грену была выделена в размере одной десятины там, где сейчас находится станкозавод. Заведение поставляло городу трубы для водопровода, другое литье. Его приспособили и для изготовления земледельческих орудий. Так появилось первое по-настоящему промышленное предприятие города.

Шли последние годы существования Оренбургской крепости. После падения Ак-Мечети в 1853 году, Оренбургская пограничная линия была перенесена на Сыр-Дарью. Крепость, уже и до этого не слишком необходимая, стала совершенно не нужна. Крепостная ограда сдерживала развитие города и создавала ряд неудобств для жителей, ограничивая коммуникации, ухудшая проветривание в жаркое время и т. д.

Однако, несмотря на все неудобства и на то, что с 1845 года началось сооружение упомянутых выше степных укреплений, крепость сохраняли. Более того, в 1849 году даже уточнили эспланадную линию вокруг крепости, собираясь привести эспланаду в точное соответствие с положением, то есть снести все, что оказывалось ближе 130 саженей от крепости. Под снос попадала значительная часть Голубиной слободки, особенно в районе Чернореченской улицы, где черту провели почти до склона. Генеральный план, на котором показан весь предполагаемый снос, был «Высочайше утвержден» в октябре 1850 года¹, хотя вряд ли для кого было не ясным, что и сама крепость-то не нужна. Но такова уж чиновничье-бюрократическая машина: раз есть крепость, она должна быть устроена по всем правилам, даже вопреки смыслу. К счастью, все так и осталось на бумаге, а через десять лет уже официально встал вопрос о ликвидации крепости.

Началось с того, что в феврале 1859 года последовало

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 27, д. 2836.

«Высочайшее соизволение» на отношение генерал-губернатора А. А. Катенина к военному министру о срытии некоторых куртин крепости¹. То есть крепость оставалась, но отрезки вала между некоторыми бастионами решили срыть. Мотивировалось это устранением в городе «тесноты и сгущения воздуха» и «для доставления свободного сообщения с окружающими его предместьями». Предполагалось срыть три куртины: две симметричные друг другу с восточной и западной стороны крепости на участках между улицами Петропавловской и Гостинодворской, и куртину, где были Уральские ворота. Сами ворота решили оставить «в настоящем их виде». Дело, однако, остановилось за отсутствием средств. По смете, составленной с расчетом на использование башкир, которым можно было платить поменьше, предусматривалось 4034 р. 16 коп. Таких денег у города не было, и городской голова Деев предложил в тех местах, где будет срыт вал, продавать участки на эспланадной площади под строительство и за этот счет производить работы. На это снова потребовалось испрашивать разрешение. К осени 1859 года составили смету на срытие и остальных куртин, причем плату башкирам «за урок» снизили с 15 до 10 копеек. Сменивший в 1860 году Катенина генерал-губернатор А. П. Безак предложил городской думе «составить подписку» на денежные пожертвования для срытия вала. По подписке собрано было 2853 р. 10 коп., при этом интересно, что дворяне, чиновники и разночинцы жертвовали только 30 рублей.

Весной 1861 года начали срывать три первых куртины. На эти работы еще зимой была наряжена команда из 150 пеших и 4 конных башкир, с оплатой по 10 коп. Работа пошла, должно быть, довольно быстро, потому что уже 27 мая открылся аукционный торг на выломанный из куртины камень. Надо сказать, что две из трех

¹ ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 13672.

куртин были с «каменной одеждою». К этому времени уже начали рассматривать вопрос об упразднении крепости вообще. С таким предложением обратился гражданский губернатор Е. И. Барановский по своей линии в Министерство внутренних дел. Военные, со своей стороны, предложили, упразднив крепость, устроить с восточной стороны города цитадель, что было утверждено в мае 1862 года. А 11 июня вышел указ об упразднении Оренбургской крепости¹. В связи с устройством цитадели предписывалось оставить три бастиона с восточной стороны, так как «они не препятствуют расширению города и могут быть полезны для прикрытия находящихся внутри их строений» и потому, что «от оставления этих бастионов сократятся несколько расходы на срывку верхов крепости». Проектировалось строительство казарм, здания которых существуют и сейчас. При этом генерал-губернатор указывал, чтобы «не позволять строить и в черте 130-саженного расстояния от цитадели, не позволять починать находящиеся ныне строения в так называемом казачьем Форштадте».

По проекту застройки бывшей эспланады против Сакмарских и Чернореченских ворот следовало оставить широкие улицы, которые затем предполагалось превратить в бульвары. Пространство оставили свободным, но только с одной стороны оси улиц. Сейчас в этих местах сквер у Дома Советов и сад им. Фрунзе.

Срытие вала и разборка ворот продолжались каждый год по пять месяцев, начиная с мая. Число башкир, привлекавшихся на эти работы, все увеличивалось. На 1864 год, последний год производства работ, требовали уже 470 башкир «при 15 урядниках и двух телегах с лошадьми». Так закончилось существование Оренбургской крепости. Остатки вала сохранялись еще долго, часть Неплюевского бастиона даже до 1950-х годов.

¹ ПСЗ, второе изд., т. XXXVII, № 38359.

В ГОДЫ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА

Промышленность

Упразднение крепости совпало по времени с освобождением крестьян от крепостной зависимости и развитием капитализма в России. Оренбург не мог остаться в стороне от этого процесса. После срытия вала город слился со слободами, но не с Форштадтом. Этому препятствовало не только строительство цитадели, но и то, что он к тому времени уже давно стал совершенно обособленной административной единицей, называясь официально станицей Оренбургской. Хотя город делился по принципу полицейско-пожарных частей, старые названия слобод сохранились. То, что застраивалось на бывшей эспланаде, воспринималось как расширение слобод, собственно городом продолжали считать территорию в пределах бывшей крепости.

В середине 1860-х годов к северу от старой слободки которая вошла в 3-ю часть города, появились промышленные заведения. Они строились на выгонной земле. По отношению к современному городу эта местность находилась к северу от ул. М. Джалиля. Участки арендовались, а не покупались. Сначала эту застройку называли «клеяные и гончарные заведения» или «гончарные и другие заведения», затем «арендованные места». Около заведений стали селиться их хозяева, а позже

и люди, никакого отношения к производству не имевшие.

Промышленные заведения стали появляться и в других местах, главным образом в Новой слободке. Развивалась переработка зерна, прибавилось мельниц; на горе к востоку от Новой слободки, там, где теперь бывшая водонапорная башня, начали арендовать землю под ветряные мукомольные мельницы. Первой из них была, вероятно, мельница бессрочно отпущенного солдата Андрея Гаврилова Бунтова (только ли однофамильца старой казачки, с которой беседовал А. С. Пушкин?). Землю он арендовал с 1861 года. К 1875 году здесь, около дороги на Уфу, работали уже четыре мельницы и две строились.

Прежде чем говорить о дальнейшем развитии промышленности, необходимо вернуться к судьбе Старой слободки. В Оренбурге, а особенно в слободе, как и раньше часто бывали пожары. 1 июня 1864 года очень большой пожар уничтожил ее почти всю. После него была образована специальная комиссия по перепланировке и уравниению дворовых мест, возглавлял ее генерал-майор Керстич, к ней прикомандировали уездного землемера Чикулина для практической работы. Комиссия провела некоторую перепланировку, разделив большие кварталы, проведя новые улицы и переулки. Так появилась, например, Новая улица, которая сейчас считается переулком, поскольку она стала на один квартал короче. Появился Пустой переулок и нынешний Некрасовский, тогда Анохинский. Но всего сделать комиссия не смогла, приходилось считаться с нежеланием части погорельцев переселяться с насиженных мест. Чтобы уменьшить скученность, которая образовалась за счет деления дворовых мест и хаотичности застройки, погорельцам и тем, чьи места попадали под новые улицы и площади, выделили 320 мест в Новой слободке. Разметили 20 кварталов «за Караван-Сараем», но начинались они от линии Рыбаковской, потому что места

южнее были уже заняты казенными постройками и располагались относительно современных улиц между Парковым проспектом и улицей Цвиллинга. Эти кварталы получили название «Оторвановка», из-за отсутствия улиц, связывающих эту часть Новой слободки с городом напрямик. Употребляли это название и в официальных бумагах. Наименование «Мариинская слободка», которое позже дали этим кварталам, не прижилось. Кроме того, отвели 6 кварталов с восточной стороны Новой слободки «к магометанскому кладбищу». Переселяться пришлось в основном более бедным. На двести с лишним мещан, солдат и солдаток и нескольких крестьян пришлось только двое купцов.

К этому времени социальный состав населения Старой слободки изменился. Солдаты сюда, по-видимому, больше не селились, наследники же их числились уже в других группах. В 1866—1869 годах из 256 домовладений, распределявшихся по большей части слободки, солдатских домовладений было только 24,2 процента, мещанам же принадлежало 58,6, купцам — 6,25, чиновникам — 3,12, казакам и крестьянам — по 1,56, офицерам — 0,77 процента. Купцы жили преимущественно наверху или по Чернореченской улице, у некоторых было по два дворовых места, а к купеческому сыну Скворцову отошла бывшая мыза генерал-майора Тимашева площадью в 2085 кв. сажень. Применительно к современному городу это место между Ардатовским переулком и улицей Чичерина к северу от улицы М. Джалиля.

Существенную роль в дальнейшем развитии города сыграло строительство Оренбургско-Самарской железной дороги. По уставу общества Оренбургской железной дороги, утвержденному 22 февраля 1874 года, оно получило права наравне с производителями государственных работ. Разговоры о необходимости железной дороги велись еще задолго до строительства. Думали, что она может пройти к северо-востоку от города, и несколь-

ко лет не застраивали на бывшей эспланаде места к востоку от линии современной ул. Орджоникидзе. Строители, проектировавшие дорогу, решили вопрос иначе и выбрали для станции и вокзала то место, где они находятся и сейчас. Тогда описание его звучало так: место «на городской земле около так называемой Дрейерской дороги за мостом близ старой мельницы и казачьей казармы».

Большинство в городской думе с этим не хотело соглашаться, так как здесь проходила дорога на Маяк, где прогоняли скот, ездили за кирпичом и т. п. Лишь гласный А. Ф. Грен заявил, что место нужно дать, но при условии сохранения свободного проезда и прогона скота. Его мнение поддержали еще трое гласных, но этого было слишком мало. Дума все-таки просила, нельзя ли устроить вокзал в конце Телеграфной улицы (ул. Цвиллинга), или хотя бы «по переезде через госпитальный мостик, правее за оврагом». Эти предложения оказались неприемлемыми, а уполномоченный по отчуждению земли, штабс-капитан корпуса лесников Ершов, пояснил, что по уставу отчуждение может произойти и без согласия владельца. В марте 1875 года дума отдала безвозмездно более 45 десятин земли, с тем чтобы за счет общества железной дороги был построен крепкий мост через овраг. Мост договорились строить с подъездной дамбой и такой высоты, чтобы он «не мог быть заливаем внешним водоразлитием реки Урала». Построили. Через четыре года, в 1880 году, его все-таки снесло, и железной дороге пришлось срочно восстанавливать мост.

Строительство дороги окончилось в 1876 году. В 1877 году она начала работать, одновременно был сдан в эксплуатацию и вокзал. Он был тогда двухэтажным, без боковых крыльев, только центральный ризалит имел три этажа.

С вводом в эксплуатацию железной дороги значительно ускорилось расширение города, особенно на арендо-

ванных местах. В Оренбург хлынул поток переселенцев, ускорился темп роста населения. В 1870 году число жителей составило 35 623 человека. По однодневной переписи 1875 года было уже 42 123 человека. Жилых строений в то же время насчитывалось 4367, из них 453 каменных. Через пять лет жилых домов стало 5314, из них каменных — 499. Наплыв населения наблюдался не только из внутренних губерний России, откуда люди приезжали, привлекаемые обширностью и плодородием земель и сравнительной дешевизной предметов первой необходимости. Развитие торговли привлекло многих из Бухары, Хивы и Туркестанского края.

Приезжие просили разрешения на постройку промышленных заведений на арендованных местах. Кроме того, что они сами жили там, они еще пускали на арендуемый ими участок других хозяев. Поэтому при проверке в 1884 году оказалось, что из 242 домов только 45 занято промышленными заведениями, то есть немногим больше $\frac{1}{6}$. Неоднократные постановления думы о выселении с арендованных мест тех, кто не имеет заведений, остались на бумаге. Заведения были преимущественно гончарные, кожевенные, клейные, красильные. Располагались они по улицам Тухтинской, Жаломской, Светловской, которые в начале XX века получили названия Гончарных рядов. Это нынешние улицы М. Джалиля, Гончарная, Шафеева, Акулова. Арендванные места расширялись только в северную сторону и со Старой слободкой не сливались, где в принципе не разрешалось иметь промышленных заведений, хотя иногда это положение и обходили. Улицы, пересекавшие и слободку и арендованные места, носили разные названия, хотя их можно было считать продолжением друг друга. Подавляющее большинство заведений, или заводов, как их часто называли, было весьма скромных размеров. Нередко это одна лишь комната, где помещались один-два чана для окраски или дубления. Гончар-

ный завод выглядел следующим образом: ниже уровня земли находилась обжигательная печь с топкой, куда вел лаз; над землей небольшая постройка с нехитрыми приспособлениями гончара да дымовая труба. Были предприятия и покрупнее. У Ахмета Галиева Хусаинова, например, завод по выделке овчин состоял из четырех помещений. Каменное здание имело в длину 14 сажень и 3 сажени 1 аршин в ширину, в квасильне стояло семь чанов. А вот у Биби Анвар Абдулгазизовой Касимовой на кожевенном заводе, размерами в 2 сажени 1 аршин по каждой из четырех стен, был всего один чан, и единственное помещение служило одновременно и сушилкой и кладовой.

Заводчик А. Ф. Грен строит в 1876—1877 годах на Чернореченской над Банным протоком большую торговую баню. Она занимала целый квартал, была смешанной — каменной и деревянной, одноэтажной, но со множеством помещений. Имелись там отдельные номера, общие, парные, а в центральном каменном здании даже бассейн. Здание бани не сохранилось; оно было к западу от Актюбинской улицы, которая под названием Жирковской проходила тогда до самого протока. Можно, кстати, отметить, что в то время его именовали рекой. На выкопировке подписи «река Урал» или «река Урал, Банный проток». При основании же Оренбурга и в течение целого века после этого тут было только несколько старичных озер; а потом Яик свернул сюда, и если бы не устроили дамбу в начале нашего века, и другие сооружения для защиты железной дороги, основное течение могло снова пойти по старому руслу. Перекрытие протока, по-видимому, и было основной причиной того, что греневская баня не сохранилась до нашего времени. Ведь водопровод туда провели значительно позже.

Промышленные заведения строились и в Новой слободе, вскоре она стала основным промышленным районом города. Благодаря развитию хлебной торговли

значительно выросло мукомольное производство. Причем ставилось оно уже на широкую ногу. Так, в 1878 году купец В. Х. Юров получил разрешение на постройку паровой мукомольной и обдирочной мельницы в два с половиной этажа. Это была первая паровая мельница, и в думе даже колебались, не будет ли она причинять беспокойства жителям. В 1884 году Юрову разрешают перестроить ее в четырехэтажную. Здание выходило главным фасадом на Николаевскую, оно сохранилось, но числится по Ташкентской, 56, так как главная улица позже была перекрыта. Вслед за первой появляется вскоре целый ряд крупных мельниц. Дума разрешает постройку одной мельницы в 1883 году, двух в 1885-м, одной в 1887-м, одной в 1890-м, двух в 1894-м и двух в 1895 году.

Юров участок свой стал «сколачивать» заблаговременно, еще в 1884 году. Так как к этому времени земли и в Новой слободке подорожали, и каждое место под постройку продавалось с торгов, то есть по принципу аукциона, он избрал другой путь. Ловкий предприниматель стал скупать участки у отставных солдат, которые получали их бесплатно, если возвращались в места, откуда уходили по рекрутскому набору. Судя по тому, что все дворовые места отставных оказались в одном квартале, можно с достаточным основанием предположить, что купля-продажа были оговорены с ними заранее: отставной рядовой или унтер-офицер брал место, получал от казны пособие и строил временную хибарку, затем передавал, вернее, продавал с разрешения властей свое место Юрову. Последний возвращал в казну деньги (14—15 рублей), платил городу по 25 копеек за сажень и приобретал место. Обходилось ему каждое место в 50—60 рублей, тогда как с торгов они стоили и 300 и 400 рублей. Таким образом он приобрел два квартала, тот, где построил мельницу, и еще один между Тупым переулком и Воскресенской (ныне Пролет-

тарская) к северу от Полицмейстерской (теперь Кичигина)¹.

Еще одна отрасль промышленности встала на солидную основу. В связи с открытием железной дороги выгоднее стало забивать скот и отправлять туши, чем гнать его гуртами. В 1881 году возник вопрос о строительстве крупных скотобоев. Но у города всегда не хватало денег, и дело о их постройке тянулось до 1894 года, когда, наконец, их ввели в действие. Эти скотобойни положили начало Оренбургскому мясокомбинату. Другие, частные скотобойни, были за Уралом, там, где теперь Заречный поселок.

Значительно выросла и торговля. В 1870-е годы началась перестройка Гостиного двора в двухэтажный. В это десятилетие его перестроили только по Николаевской, где вместо глухой стены на улицу стали выходить магазины. При перестройке частично или полностью использовали старые стены, которые и до сих пор достаточно прочны. Кроме Гостиного и Менового дворов торговали еще во многих местах. Как и прежде, торг шел на главной рыночной площади, где прибавилось количество рядов. На Чернореченской были железные ряды, а с середины 1860-х годов здесь начали торговать и сырыми кожами, притом с неудовлетворительным соблюдением санитарных правил. Дальше к северу Чернореченская площадь переходила в другую, где торговали мукой и зерном, а также солью, поэтому она носила название Хлебно-Соляной. Чаше же ее звали просто Хлебной, тем более, что одно время соляной торг переносили на площадь перед госпиталем. Хлебная была основной торговой площадью, не случайно на ней или поблизости сконцентрировалось большинство гостиниц, меблированных комнат и постоялых дворов Оренбурга. На Сакмарской площади торговали мясом. С восточной

стороны города к северу от линии современной улицы Володарского была Сенная или Конно-сенная площадь, ближе к возвышенности дегтярные ряды, а за магометанским кладбищем к северу — лесной базар.

В борьбе с пожарами

Весной 1879 года в Оренбурге случилось несколько опустошительных пожаров во всех частях города. «Пожарное бедствие, — пишет П. Н. Столпянский, — продолжалось целых три недели. Началось оно 16 апреля в 10 часов утра, когда возник первый большой пожар в Новой слободке, 30 апреля в пламени погибла большая половина Форштадта, 1 мая горела Старая слободка и наконец 5 мая — второй пожар в Новой слободке»¹. Первый был самым ужасным. Гореть начало от Александровских бань в историческом городе при сильнейшем юго-западном порывистом ветре. Огонь распространился в северном направлении, охватив больше половины старого города и, перейдя через новую часть на Новую слободку, уничтожил всю восточную треть ее. Пламя захватило и восточную торговую территорию с дегтярным и щепным базарами и даже ветряные мельницы. На дегтярном базаре полопались бочки, горящая смола потекла под уклон на город. Согласно устному преданию, ветер в этот день был такой силы, что отдельные языки пламени с горящими бумагами и другими легкими материалами относило почти до Сеитовского посада, то есть Татарской Каргалы. По-видимому, это преувеличение, но «навоз, сваленный версты за две за Новой слободкой и за городскими кладбищами», горел. В своей книге П. Н. Столпянский приводит полные драматизма описания очевидцев. Паника охватила горожан во время

¹ ГАОО, ф. 41, оп. 1, д. 578.

¹ Здесь и далее цитаты о пожаре из книги П. Н. Столпянского «Оренбург», 1908, с. 83—86.

форштадтского пожара, когда чуть не загорелся пороховой склад, который находился между Форштадтом и городом, около казарм. Сам склад располагался ниже уровня земли, но крыша его выдавалась вверх, а вокруг были сложены дрова, и они загорелись. Пожар предотвратили невиданным способом солдаты — своими телами закрыли крышу, а их поливали водой, пока опасность не миновала. Генерал-губернатор Крыжановский лично руководил работами у порохового склада. Он же и вызвал панику своим указанием оповестить горожан о возможности взрыва и рекомендацией покинуть город.

За эти три недели сгорело 1594 жилых деревянных дома и 172 каменных. Всего же пострадало 2965 жилых и нежилых построек. Огонь уничтожил 98 городских кварталов.

После пожара город стал немедленно восстанавливаться. В течение лета 1879 года, то есть за один строительный сезон, все пострадавшие кварталы оказались полностью или частично застроенными. «Возобновлено и построено вновь домов жилых каменных 635, деревянных 898», — говорится в отчетном плане за этот год. Значительно увеличился процент каменных домов, как видно из этих цифр. Это было результатом запрещения строить деревянные дома в ряде частей города. Наиболее характерный дом зажиточного горожанина — «на каменном полуэтаже деревянный» — стали одевать кирпичной кладкой. Таких домов еще много можно встретить и в наше время в старых частях Оренбурга. На восстановлении города предприниматели сумели, конечно, погреть руки. Поднялись цены на кирпич, лесоматериалы, подвоз.

Пожары 1879 года ускорили появление нового района города. Поскольку население все увеличивалось, а распланированную часть Новой слободки, дошедшую до линии современной Невельской улицы, уже почти всю застроили, необходимо было расширить площади под

застройку. Дальнейшее расширение слободки было нецелесообразно, так как без нового удвоения радиальных улиц нарушались бы противопожарные нормы. Район решили строить к северу по иному принципу — прямоугольной сетке. Начинался он от линии современной Орской улицы; площадь между слободкой и Новым планом, как называли этот район, стали именовать Мариинской. Название новой части отразило существо планировки: переход от радиально-кольцевой к прямоугольной схеме. В Новом плане предлагалось селиться не только тем, кто нуждался в дворовом месте, но и тем, кто по каким-либо причинам не желал или не мог построить каменный дом в кварталах, где другие строения были запрещены. Таких кварталов намечалось 64. В это число не вошли кварталы по Николаевской улице в пределах бывшей крепости и эспланады, где всякое другое строение, кроме каменного, запретили еще в 1871 году¹.

Разбивку местности произвели «между Бердинскою и Ново-Каргалинскою дорогами». Внешняя граница новых кварталов шла по линии нынешних улиц Орской, Астраханской, Гребенской, Терешковой. В середине оставили большую Николаевскую площадь. Часть ее теперь занимает сад им. Октябрьской революции. В 1890-е годы Новый план расширился на восток, а в 1906 году он увеличился Новыми местами, распланированными до линии современной улицы Шевченко. Новый план и Новые места стали вместе затем называться Новостройкой, ею завершается официально разрешенная жилищная застройка Оренбурга.

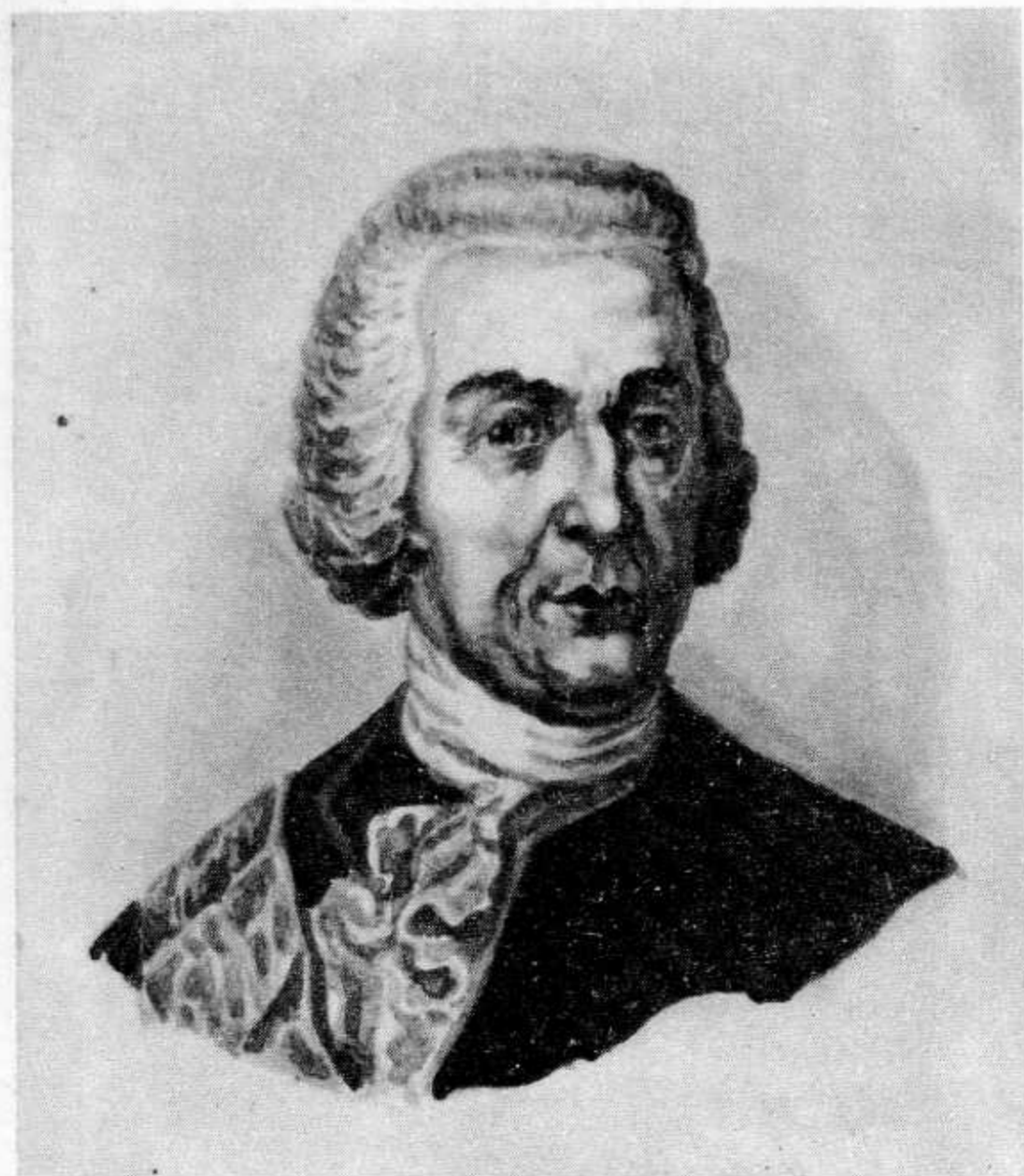
Изменение планировки произошло после пожара и в Форштадте, где все кварталы к северу от Атаманской улицы (ныне Чкалова) были слишком протяженны в противопожарном отношении. Все они были разделены пополам, что не представило, по всей вероятности,

¹ ГАОО, ф. 41, оп. 1, д. 874/50, л. 42, 49.

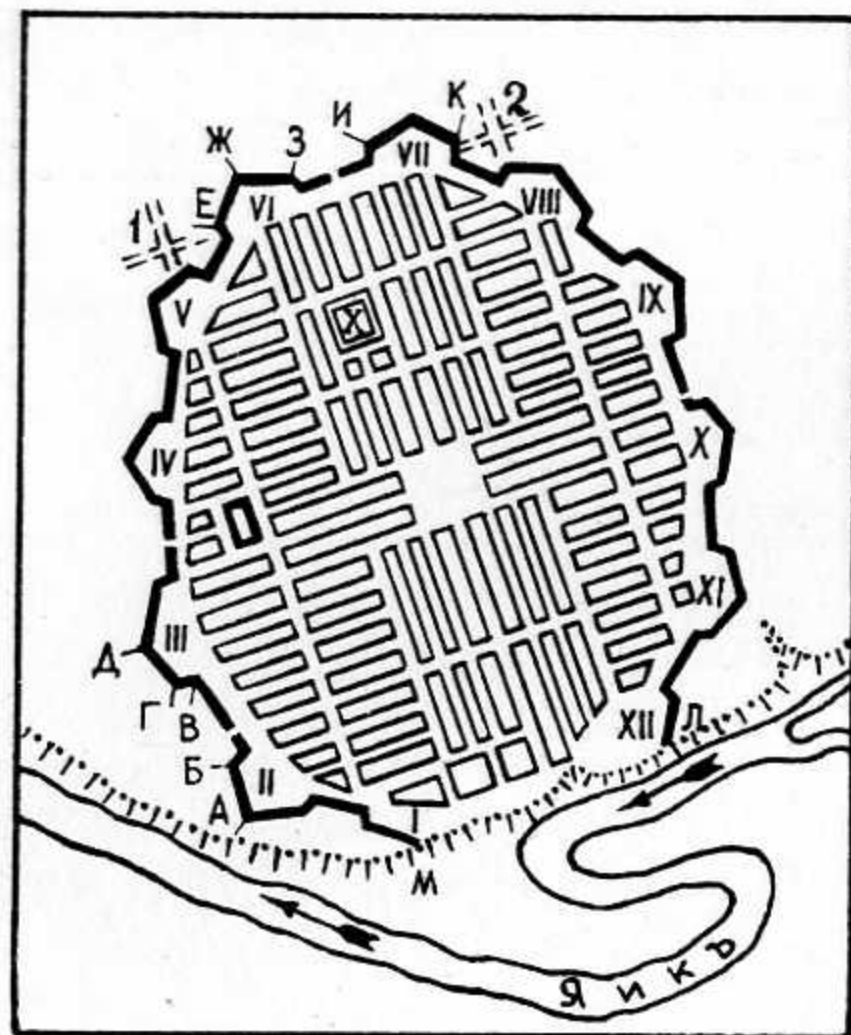
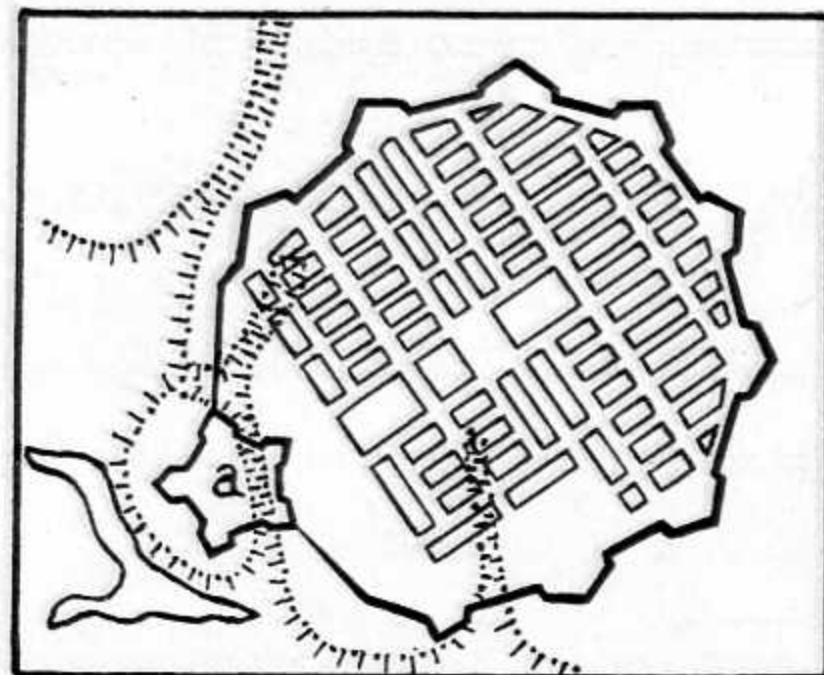
большой сложности, потому что эта часть сгорела совершенно. Место одного большого квартала оставили для постройки Никольской церкви, существующей и поныне. Восточнее старых кварталов отвели новые участки для застройки.

Несмотря на проводившиеся противопожарные мероприятия в 1888 году снова вспыхнул крупный пожар в Старой и Новой слободках. После него решили переселить в Новый план часть горожан, у которых были маломерные участки. В обмен на сданное городу маломерное место погорельцы получали здесь полноценное. Тем самым уменьшалась скученность, а следовательно, и пожароопасность. К этому времени в Оренбурге насчитывалось уже 51 025 жителей. Новые кварталы комитет о погорельцах решил назвать Александровской слободой, мотивируя тем, что они вновь построены «на всемилостивейше пожалованные Государем Императором 25 тыс. рублей в пособие погорельцам». Дума согласилась, но губернское правление поправило название, заменив «слободу» на «часть». В январе 1891 года царь утвердил наименование «в честь Августейшего имени его Императорского Величества». Однако, несмотря на «Августейшее имя», название не прижилось, видно, верно-подданнические настроения охватывали слишком незначительное число горожан; да и вскоре, в 1893 году, Александра III не стало.

Сюда же переселили в 1893 году жителей так называемых «Чебеньков» — поселения, стихийно возникшего в 1830-е годы, а возможно и раньше. Застройка его косвенно тоже связана с пожаром, только XVIII века. После пожара 1786 года в городе было запрещено возведение бань, поэтому городские бани заложили на берегу Урала, там, где сейчас Паромные переулки. К ним вскоре присоединились военные бани. Около бань постепенно стали селиться те, кто мог заработать на обслуживании посетителей. Появились здесь гадалки,

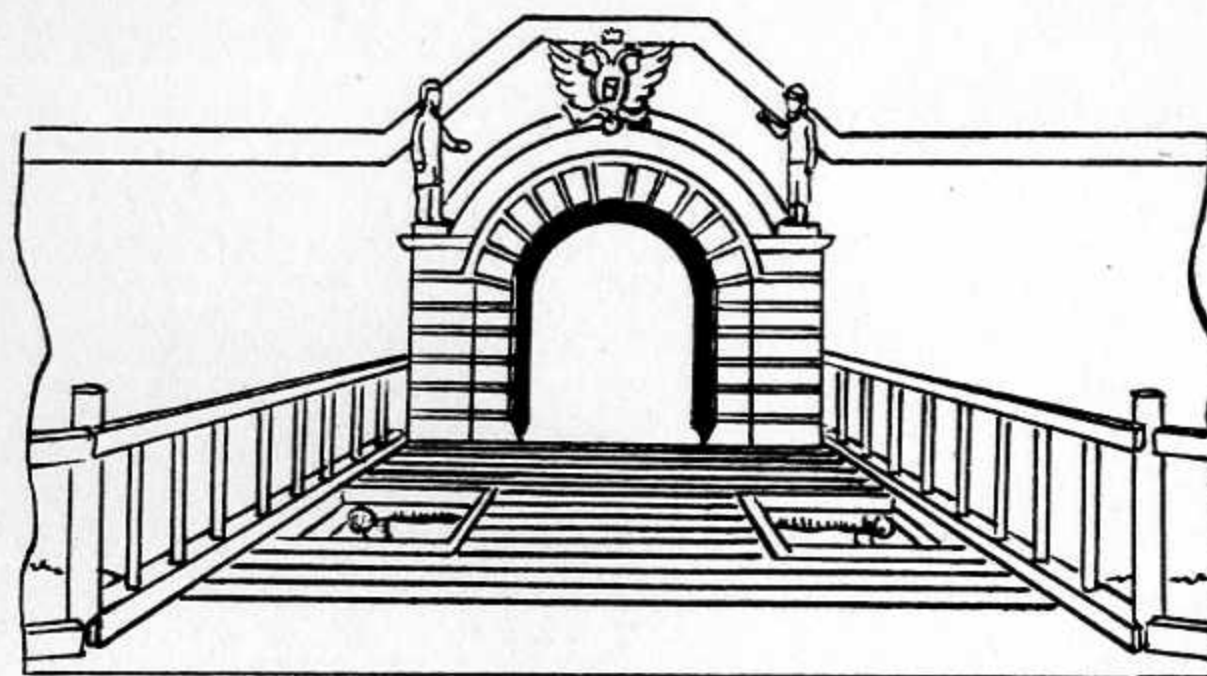
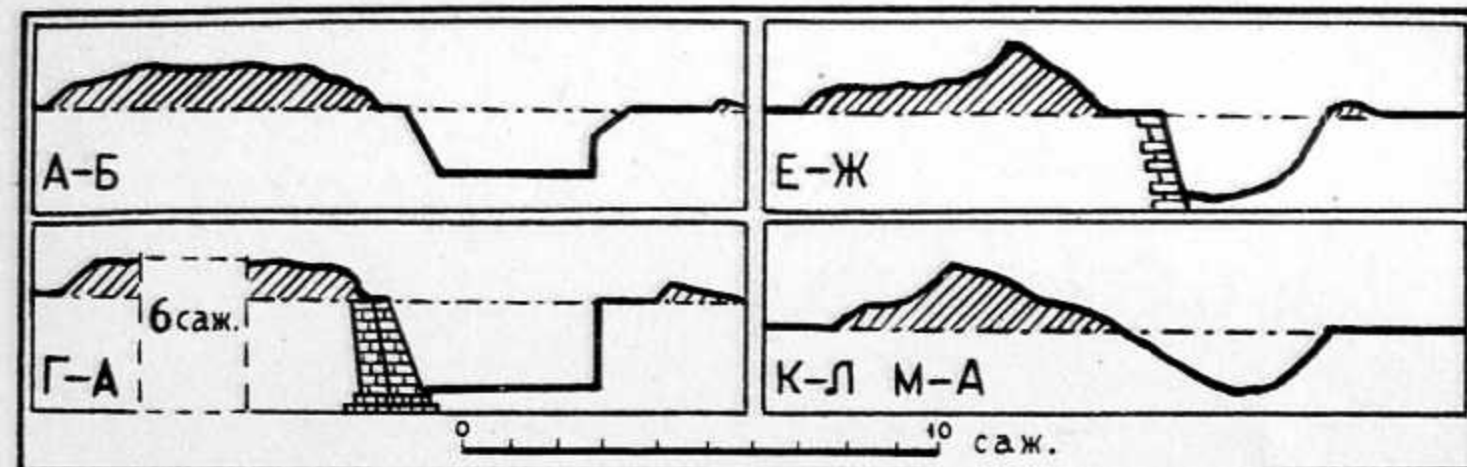
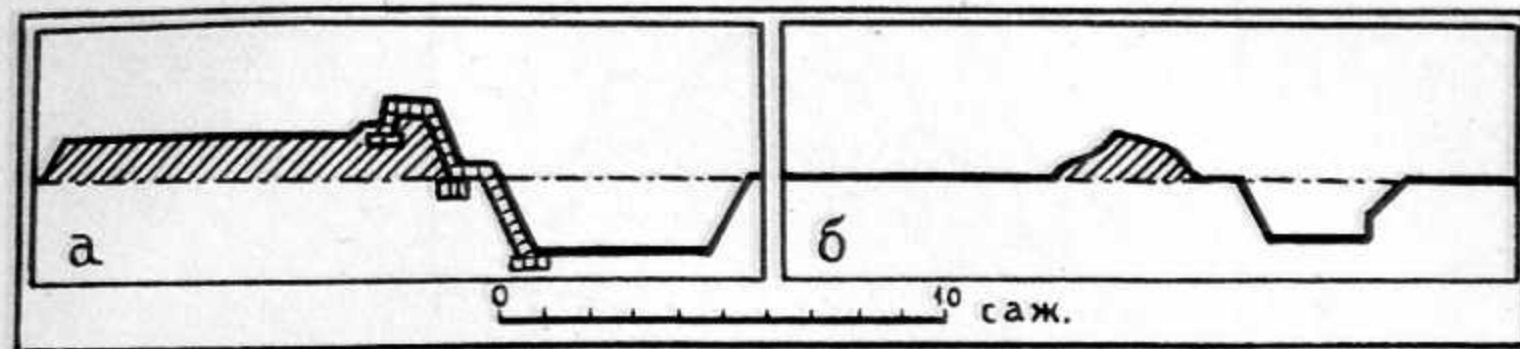

И. И. Неплюев — основатель Оренбурга

План Оренбурга у Красной горы. Проект (рис. 1)

Схематический план крепости относительно современного города и планировочная схема Оренбурга (рис. 2)

Профили вала в 1746 г. (рис. 3)

Профили участков вала в 1751 г. (рис. 4)

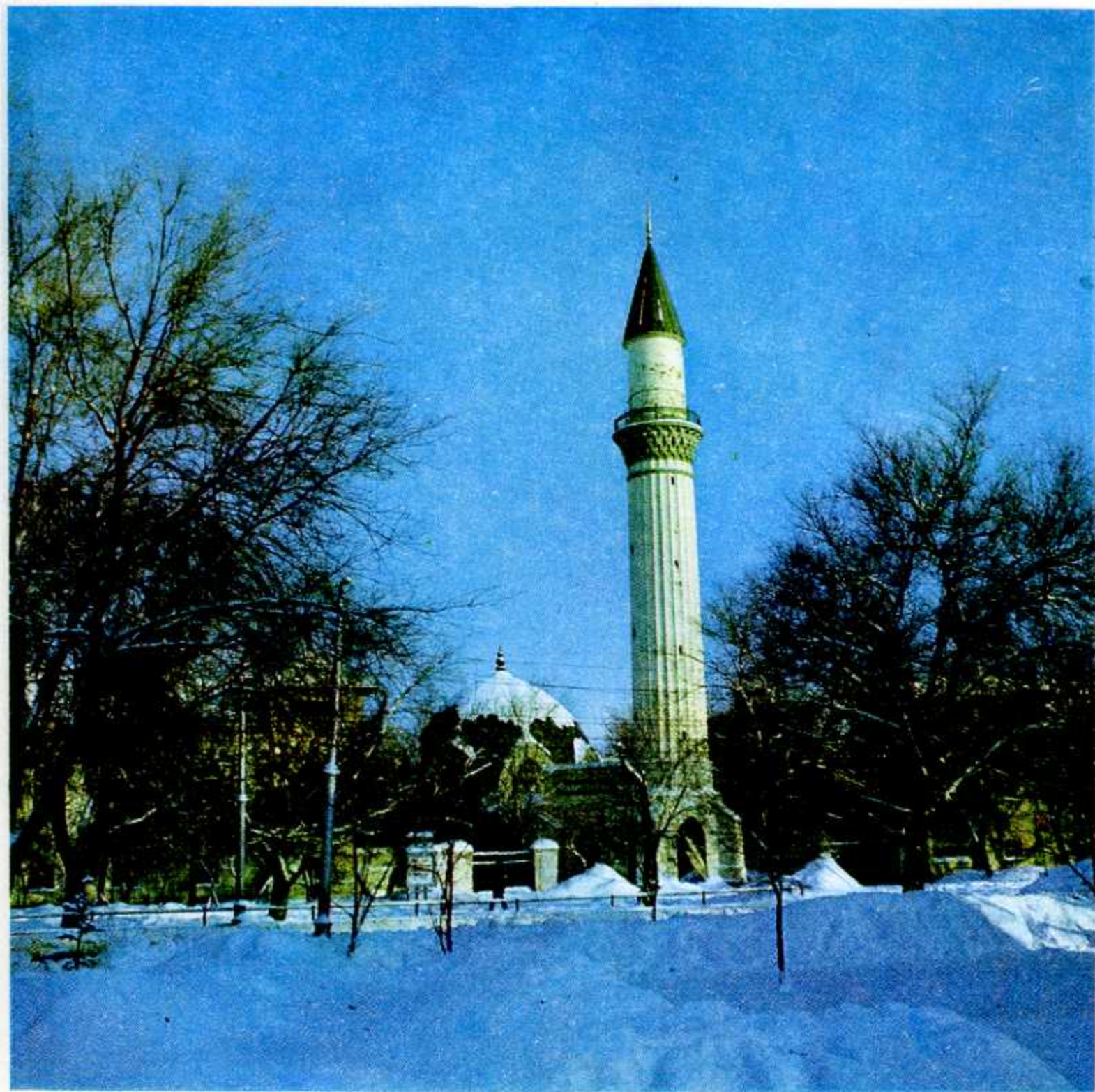
Яицкие ворота (по чертежу 1760 г.)

Оренбургъ.—Orenbourg. № 1.
Николаевская улица.

Оренбургъ.—Orenbourg. № 15.
Гостинодворская улица.

Николаевская улица в конце XIX — начале XX в.
Гостинный двор и Вознесенская церковь
(ныне ул. Советская)

Гостинодворская улица в конце XIX — начале XX в.
(ныне ул. Кирова)

Караван-Сарай

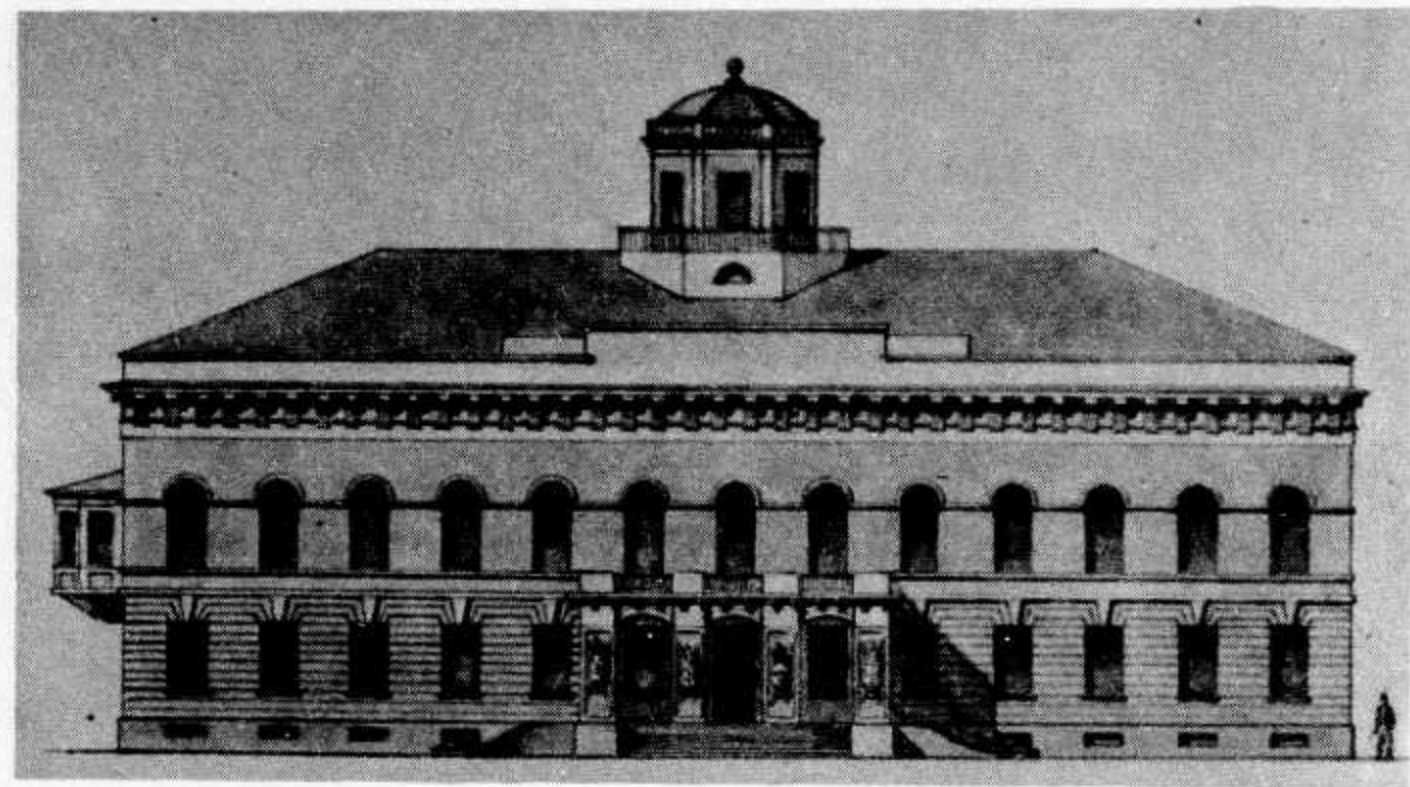
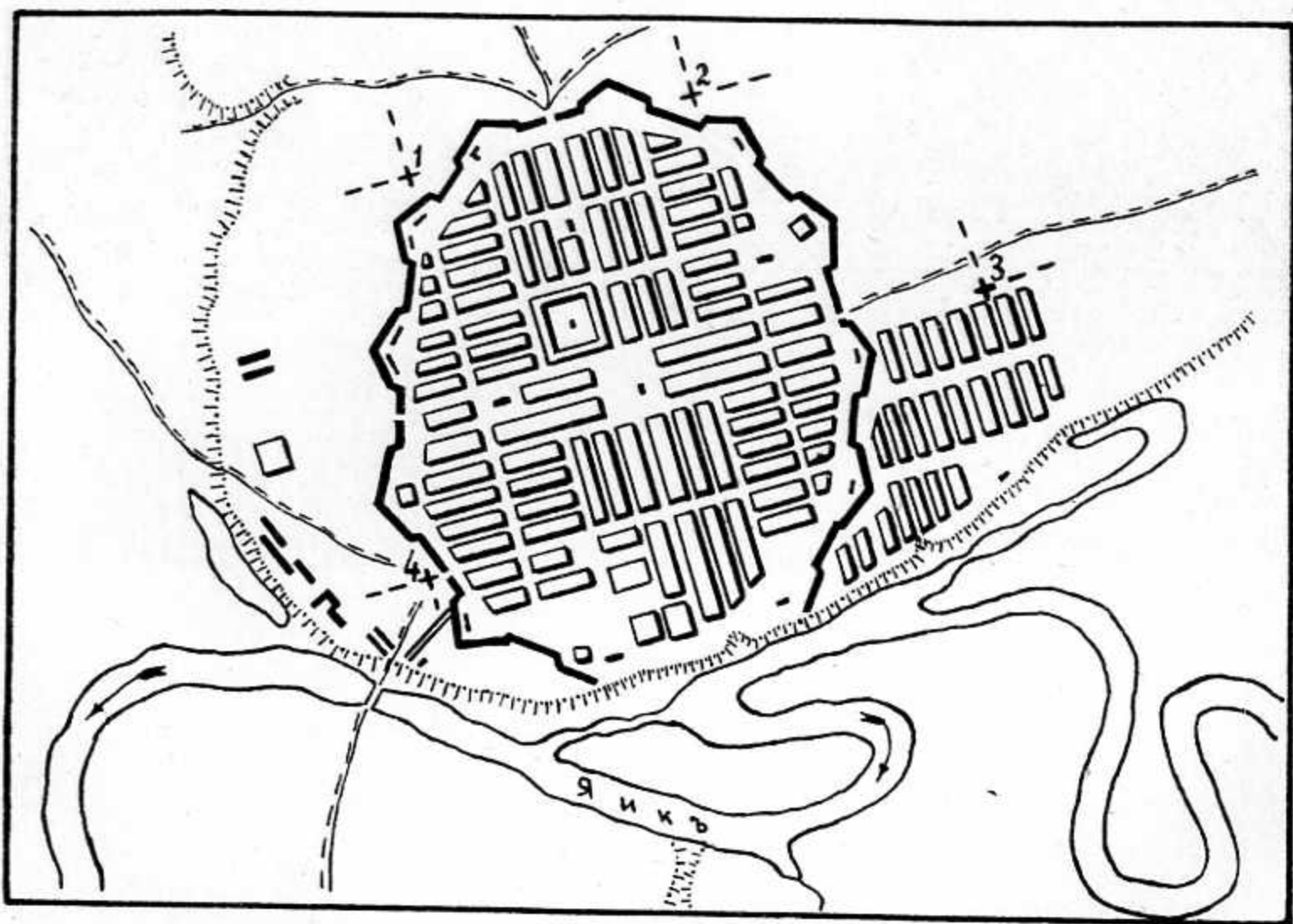
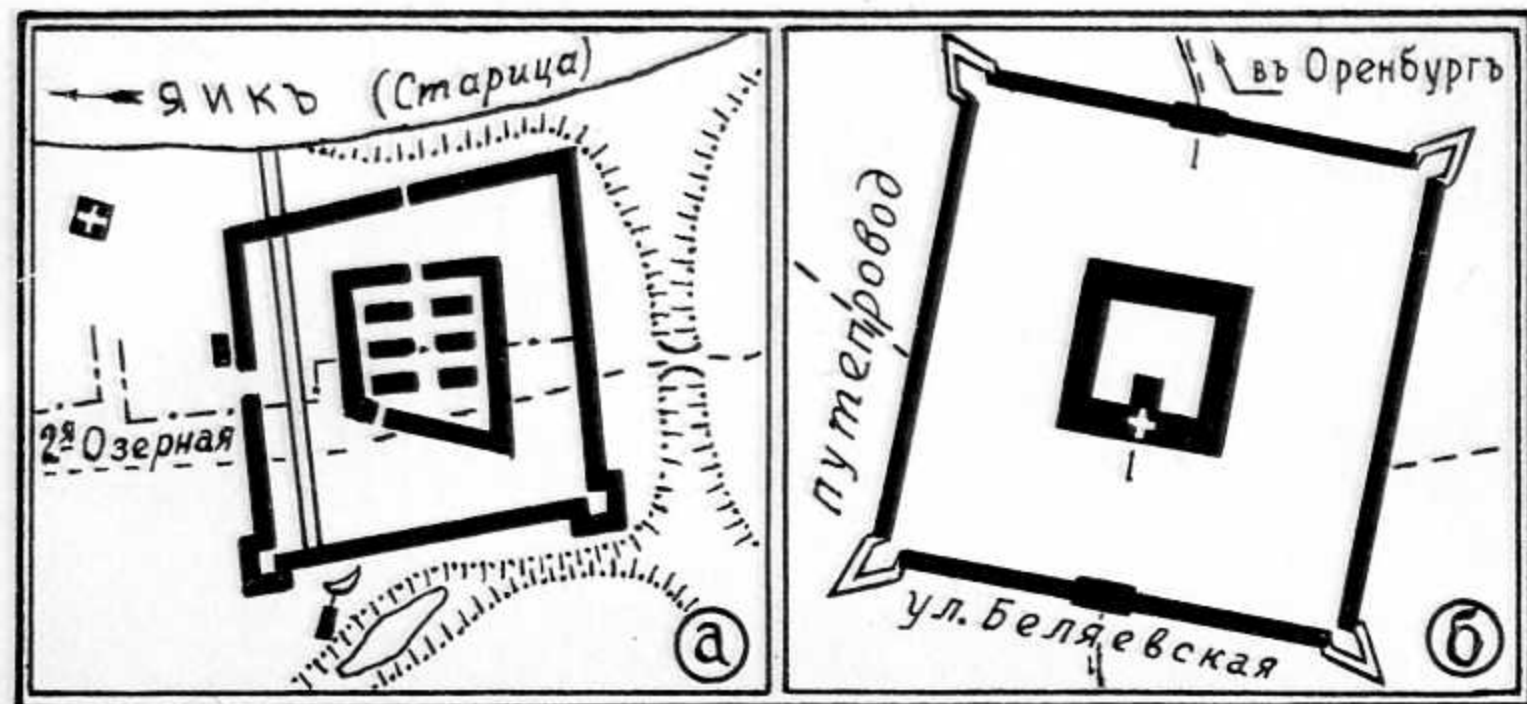
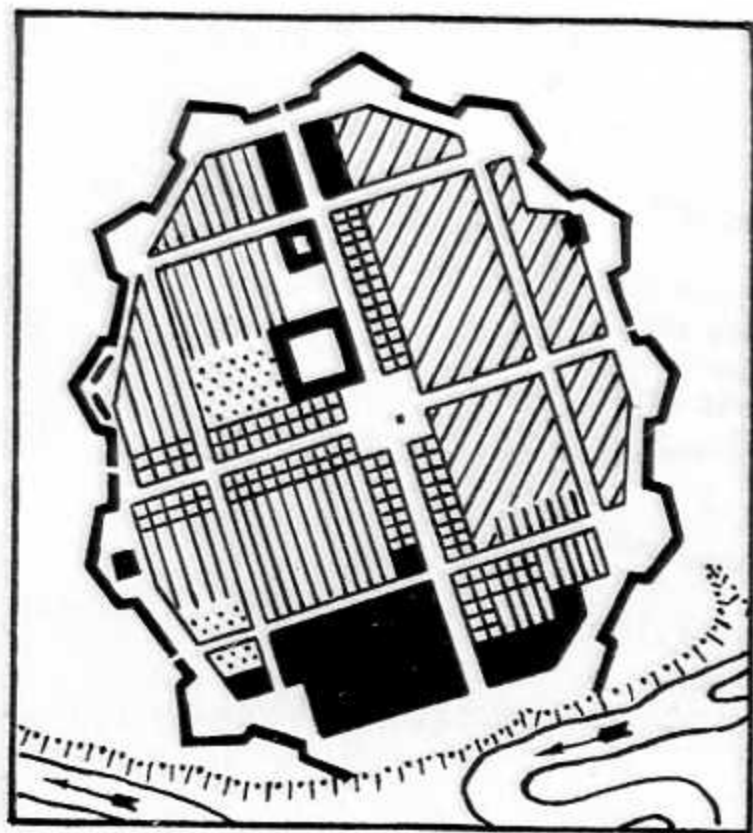

Схема первого расселения «по чину» (рис. 5)

План Оренбурга с казачьей слободой в 1760-е годы
(рис. 6)

Чертежи 1-го и 2-го меновых дворов (рис. 7)

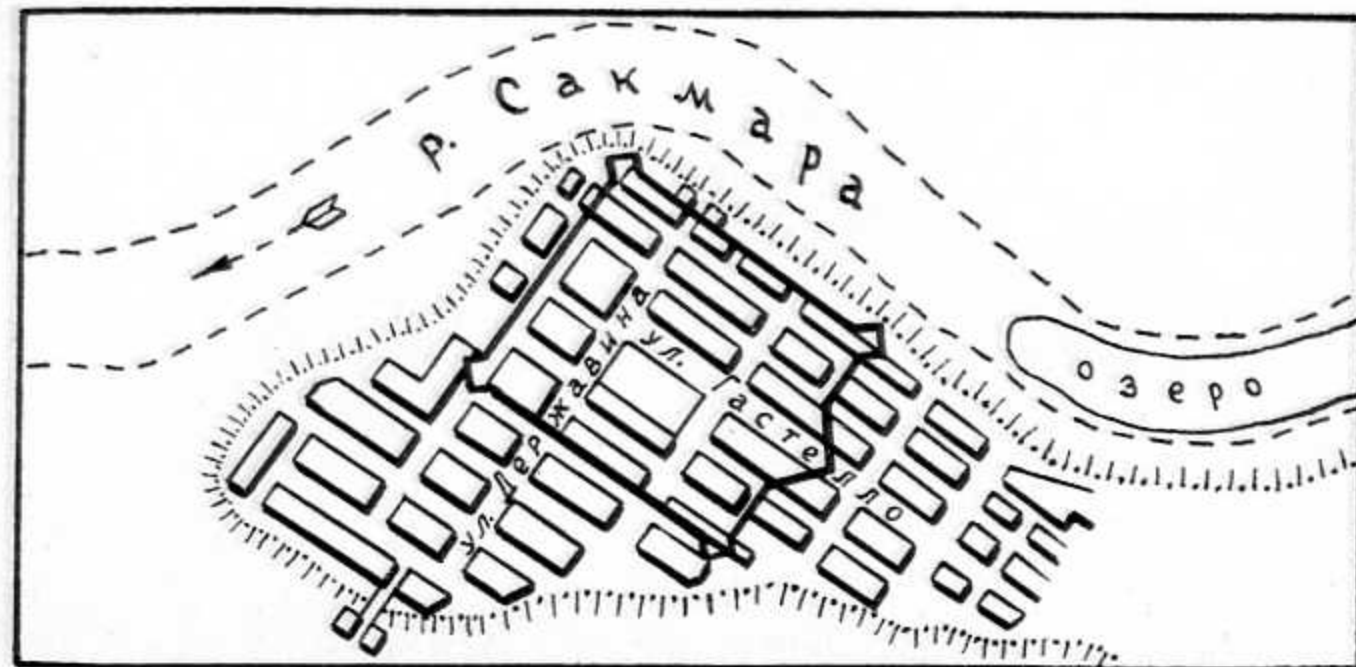
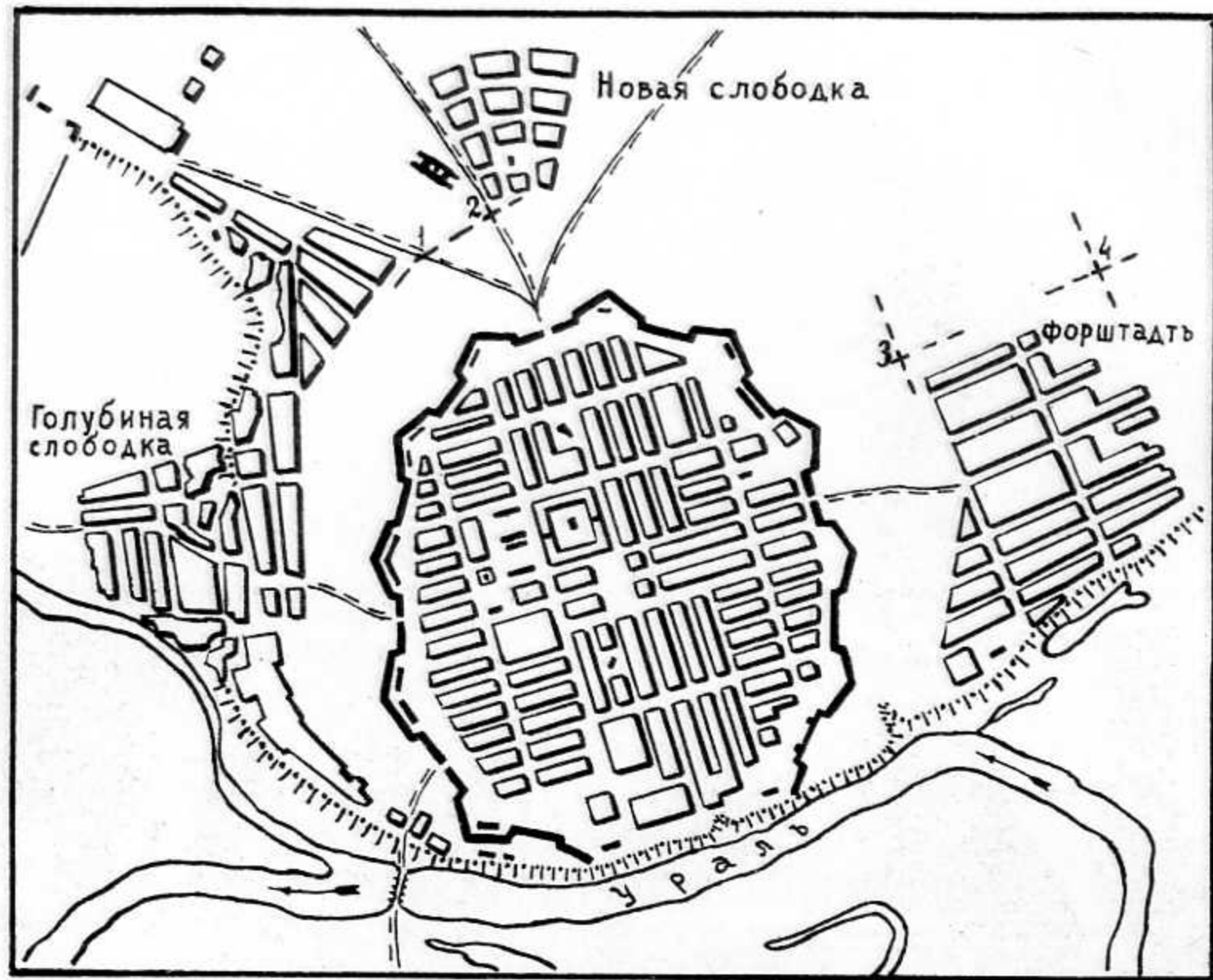
Главный фасад дома военного губернатора
на набережной

Введенская улица в конце XIX — начале XX в.
(ныне ул. 9-го Января)

Неплюевская улица в конце XIX — начале XX в.
(ныне ул. Ленинская)

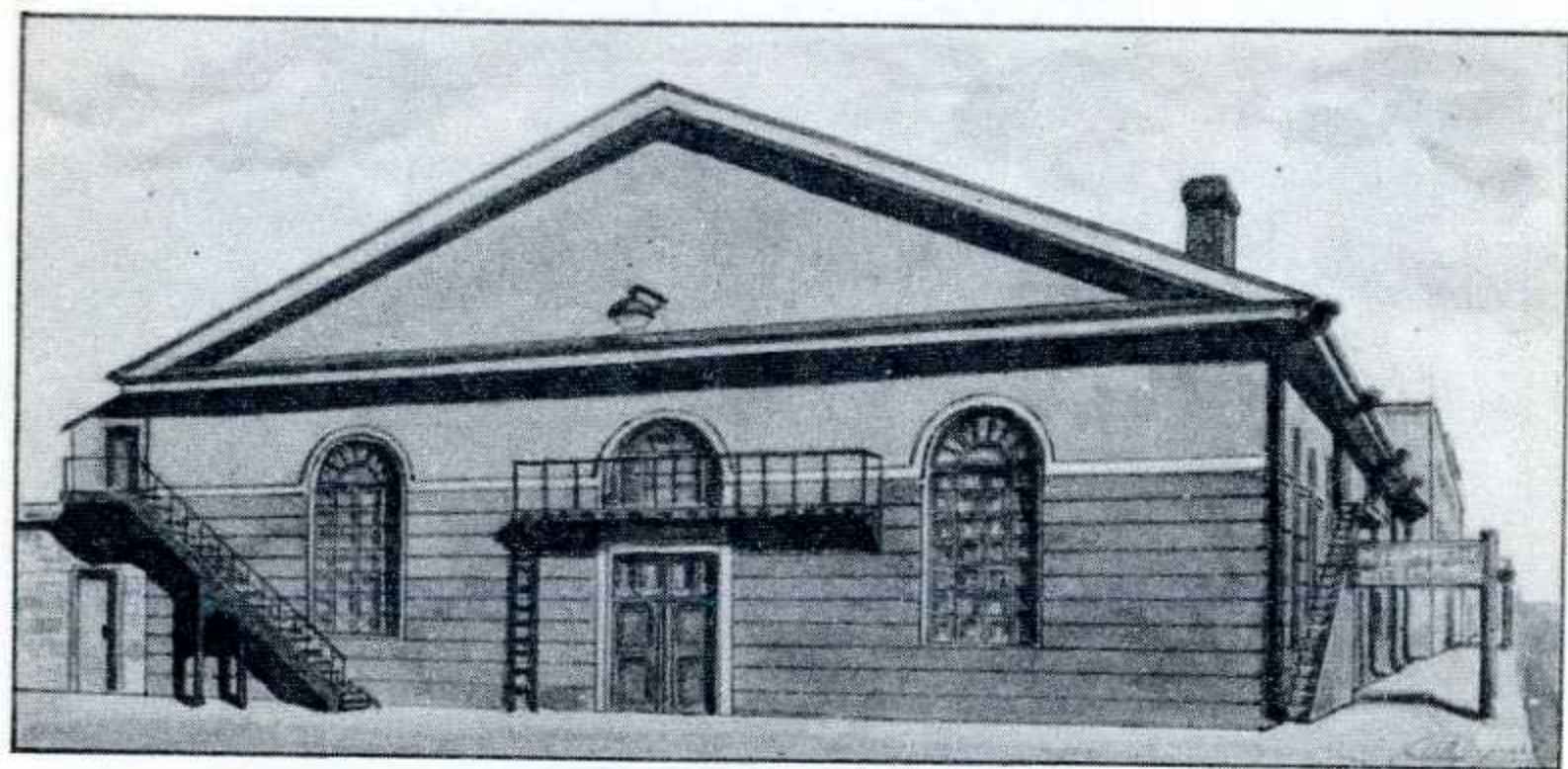
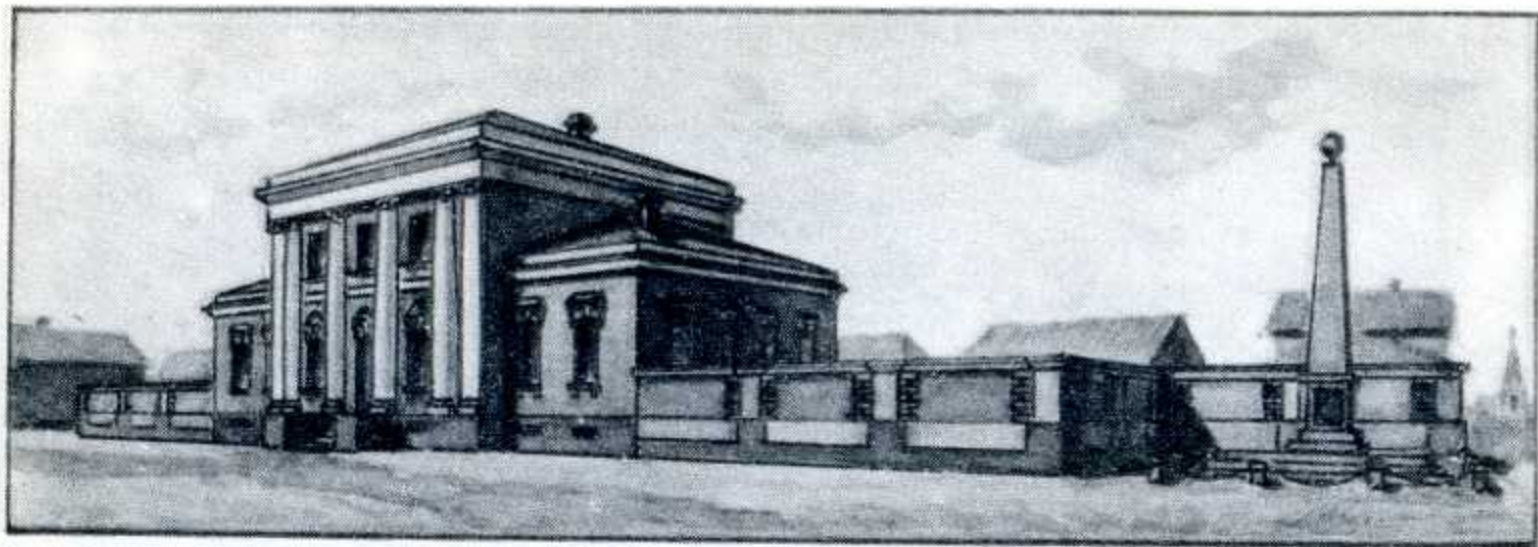
Филиал краеведческого музея. Первоначально здание
архива и денежных кладовых

План Оренбурга 1840-х гг. с предместьями

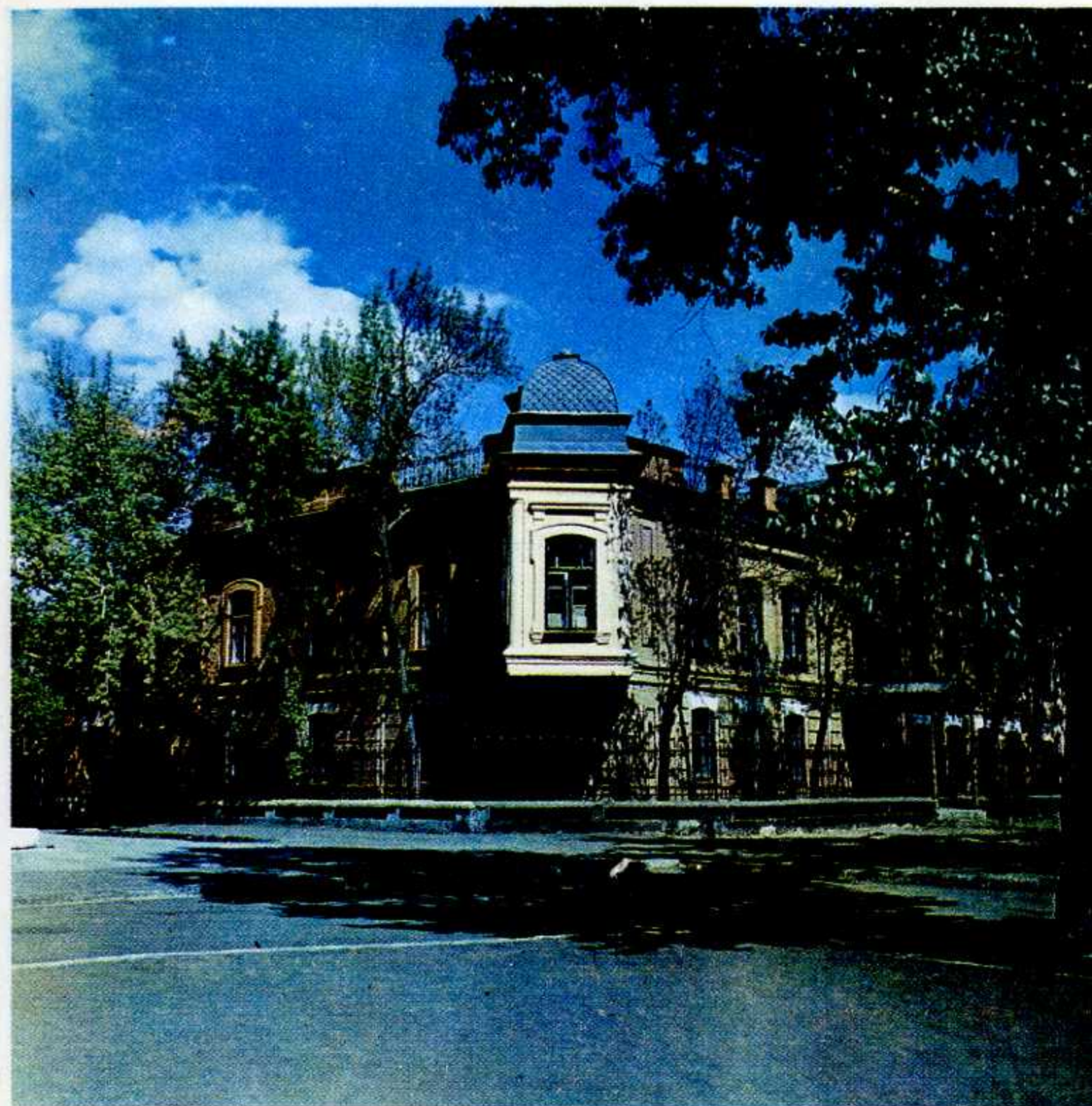
План 2-й Бердской крепости на схеме современных Берд (рис. 8)

Георгиевская церковь в XVIII в.

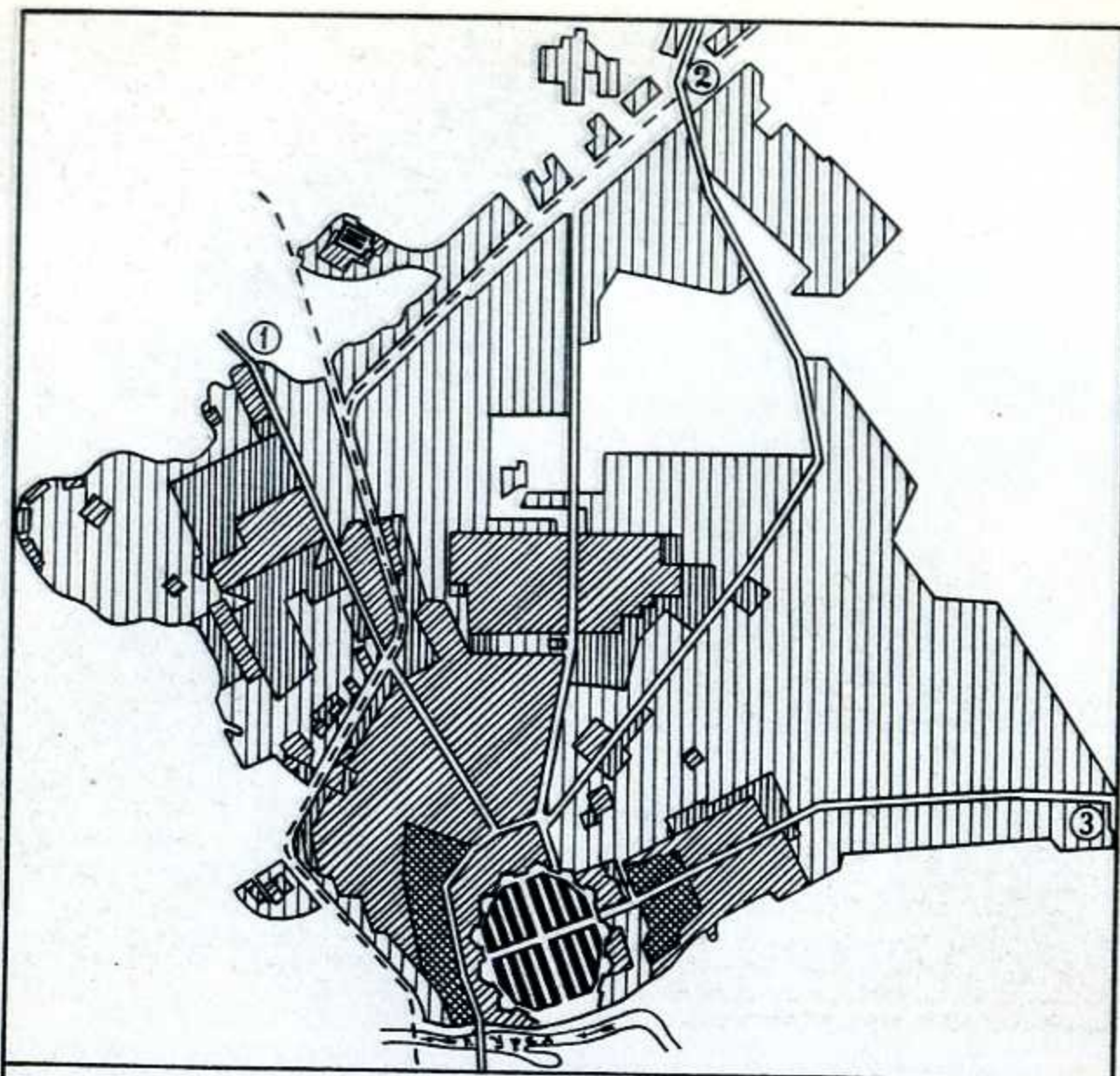

Памятник освобождению города от воинского поста
и здание городского самоуправления на плац-парадной
площади

Драматический театр в 1935 г., где проходил 1-й
областной съезд Советов

Уголок старого Оренбурга. Парковый проспект, 24

Условно обозначены:

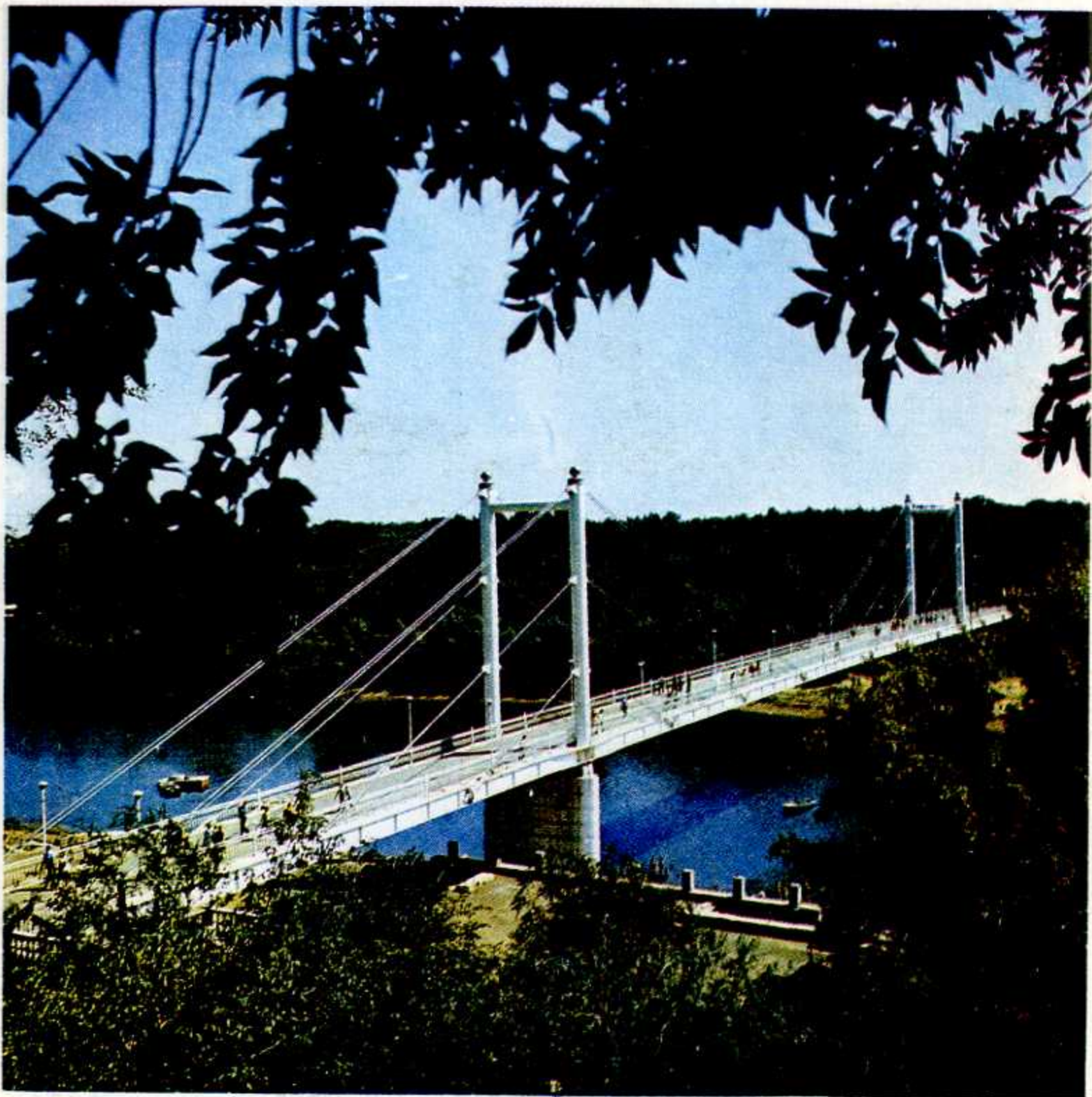
- — застройка города с основания (1743) по 1753 г.
- — застройка города к 1833 г.
- — застройка города к 1916 г.
- — застройка города к 1933 г.
- — застройка города к 1987 г.
- — Оренбургская крепость
- — Бердская крепость
- ① — Магистраль ул. Цвиллинга — пр. Братьев Коростелевых
- ② — Магистраль пр. Победы — ул. Театральная
- ③ — Магистраль ул. Чкалова — пр. Гагарина

Оренбург. Схема роста города с 1743 по 1987 г.

Бывшая водонапорная башня — одна из первых построек советского времени

Оренбург современный

Новый пешеходный мост через реку Урал

солдатский трактир и т. п. Название выводится от слова «чебень» — муха, потому что постройки, вернее лачужки, «точно мухи на солнышке, по кособогу ютились». Жителям неоднократно указывалось на необходимость сноса жилищ, но они на это добровольно не шли. Городская управа подала на них в суд, который приговорил выселить их к 1 апреля 1893 года. В это время здесь жили почти одни отставные солдаты и несколько солдаток, всего 22 хозяина. Подав на Высочайшее имя прошение, им удалось добиться отсрочки выселения, бесплатного отвода мест и небольшого пособия. Жаловались они и на то, что их дома, которые построить стоило около 300 рублей, были оценены в 25—35. Переоценивать не стали, места им нарезали в июне этого же года. Как пишет П. Н. Столпянский, название «Чебеньки» потянулось за жителями и на новое место.

На десять лет раньше переселения чебеньковцев окончилось, наконец, дело о переносе кузниц, находившихся неподалеку от Чебеньков около моста, в непосредственной близости от строений Старой слободки. Судьбу их решили еще в 1863 году, но дело оттягивалось, так как хозяева просили денежную помощь по своей бедности. Иной возможности, кроме сбора пожертвований, не нашлось. Призвали жертвовать жителей Старой слободки, которым пожары от кузниц угрожали в первую очередь. На сентябрь 1868 года собрали 167 рублей, чего, по мнению городского головы Оглодкова, оказалось недостаточно. Переносить предполагали к магметанскому кладбищу, то есть в район еще существующего ныне Кузнечного. Губернское правление в июне 1869 года дало предписание о скорейшем переводе кузниц туда, но возникло сомнение, не будет ли в это место выходить железная дорога. Поэтому отвод мест приостановили. Вообще создается впечатление, что город хотел подвести железную дорогу в район нынешнего колхозного рынка, и ни у кого из начальства не возника-

ла как будто мысль о слишком высоких отметках этих мест. Как бы то ни было, но кузницы остались на месте. Когда в 1873 году три из них сгорели, восстанавливать их не разрешили. Потребовалось такое страшное бедствие, как в 1879 году, чтобы кузницы убрали. Перевели их за Урал, но и то только в 1883 году, так как под всякими предлогами хозяева оттягивали переезд. В списке оказалось 23 кузницы, их построили под одну крышу в два ряда, потом добавился третий. Так было положено начало зауральному поселку, который до сих пор называется кузнечным, хотя кузниц там давно уже нет. Самая старая улица в поселке — Старокузнечная. По обе стороны от нее и располагались два первых ряда кузниц.

В качестве противопожарной меры в 1888 году по распоряжению губернатора в гончарных и других подобных заведениях запретили топить печи, прежде чем не будет осмотрено полицмейстером и городским архитектором. Это вызвало, разумеется, жалобы, заявления и т. п. Распоряжение коснулось в основном арендованных мест, где постройки были старыми, и возводились они, очевидно, без последующего освидетельствования. Многие из них принадлежали крестьянам, среди которых интересно отметить историческую фамилию владельца горшечного заведения, нижегородского крестьянина Андрея Ивановича Сусанина. Он жил на красной стороне Тухтинской улицы (сейчас Гончарная) между Малофеевским и Коломенским переулками (Актюбинская ул. и Сапожный пер.). С тех пор любое введение новых приспособлений в заведения, их переоборудование можно было производить только с разрешения управы; всякая новая постройка свидетельствовалась комиссией.

В 1889 году хотели закрыть кожевенные заводы. Хозяева просили не закрывать их до 1 мая и обещали все перестроить «как в гигиеническом, так и в противопожарном отношении». Некоторым пришлось возвести брандмауэры и новые трубы. Начало «входить в моду»

мыловарение, и некоторые перестроили на него свои заведения.

Много производств строили в эти годы в Новой слободке, но не так компактно, как на арендованных местах.

Проблемы

В мае 1892 года Министерство внутренних дел направило в губернии циркуляр, где в связи с успехами техники, освоением новых способов производства и т. п. предписывалось «все промышленные заведения, по степени опасности их, вреда чистоте воздуха и воды, а также беспокойства для жителей» разделить на 4 разряда. 1-й разряд допускался во всех частях города, 2-й — всюду, кроме центральной части, 3-й — в малонаселенных частях, 4-й не допускался в населенных местностях. Последний разряд касался Оренбурга только в отношении кирпичного производства. Ограничения 1-го разряда распространились на площадь бывшей крепости и часть Новой слободки до Хрипуновской (теперь Рыбаковская) между Старой слободкой и Воскресенской (ныне Пролетарская), по последней до Инженерной улицы (сейчас Володарского). Внешней границей 2-го разряда была линия современной Яицкой улицы с переходом на Фельдшерскую (теперь Попова) и далее через площади на линию современной Выставочной мимо Форштадта до Урала. Все остальное отнесли к третьему разряду, где можно было заниматься гончарным производством, выделкой овчин, мыловарением, маслобойным и некоторыми другими производствами. Тем самым снимался запрет на устройство таких заведений в части Старой слободки, которая была преимущественно под горой. Это, по-видимому, и положило начало стиранию границ между нею и арендованными местами, а в конечном итоге привело к объединению их в один поселок

под названием «Аренда» после того, как была устранена разница в землепользовании.

К последнему десятилетию XIX века в Оренбурге появилось довольно много различных производств. В 1892 году к числу крупных относились чугунолитейный завод, лесопилка и пять паровых мельниц. Кирпичные заводы — их долгое время было 8 — значительно отличались по своим возможностям друг от друга. Наиболее крупными были предприятия Захо и Камбулина, они зачастую давали значительно больше половины общего количества кирпича, а иногда и более двух третей. Выпуск продукции во время сезона учитывался еженедельно, так как хозяева платили в пользу города с каждой тысячи изготовленного кирпича. В 1896 году прибавился еще один завод. Остальные предприятия были мельче, но число их довольно значительно: гончарных — 8, кожевенных — 29, красильных — 30, шорных — 7, каретных — 14, кузниц — 50, алебастровых — 4. Кроме того, заметно увеличилось к концу века производство изразцов. Если в 1892 году имелось одно предприятие, то в 1898 году разрешение дали на устройство трех изразцовых заводов. Паровые мельницы не вытеснили ветряных, в 1892 году их было 15.

Началось оснащение производств керосиновыми двигателями, они приходили на смену конскому приводу и ручному труду. Наиболее состоятельные заводчики стали налаживать электрическое освещение с помощью небольших, автономных электростанций. Началось с мельниц. Владельцы в своих заявлениях просили разрешить установку «аппаратов для электрического освещения». Одними из первых, чьи установки предварительно освидетельствовали, были А. Ф. Грен (на просообдирочной мельнице около кирпичных заводов) и Оглодков.

К этим же годам относится городская электропопечка: отцы города повели разговоры о введении электрического освещения. Серьезно об этом стали думать в 1895 году,

когда от Екатеринодарского городского головы получили сообщение об устройстве там электрического освещения и водопровода, при этом добавлялось, что техник Зигель, занимающийся этим делом, предлагает свои услуги.

При управе создали комиссию по внедрению электрического освещения в городе. Губернатор и вице-губернатор тоже приняли в этом участие. Четыре конкурента-подрядчика прислали свои сметы. Предпочтение отдали, видимо по предложению городского головы Н. А. Середы, московскому представителю «Всеобщей компании электричества» в Берлине купцу 2-й гильдии В. И. Щербакову. Комиссия занялась расчетами и перепиской с ним. Проектировалось построить электростанцию рядом с водокачкой, то есть там, где сейчас водозабор, чтобы использовать ее воду для конденсатора. Предполагалось поставить две паровых машины, два генератора по 90 квт каждый и две динамо по 8,25 квт. Сейчас это выглядит более чем скромно, да и тогда не было шикарно. Каждый генератор мог дать ток только на 900 лампочек по 100 ватт. Планировали электрифицировать только ряд улиц и часть кварталов центра города, где намечалось установить 140 дуговых ламп. За пределами центра освещение предполагалось только до вокзала, да несколько фонарей в Новой и Старой слободках.

Проект договора предусматривал оплату двух третей общей суммы за строительство облигациями, которые городу разрешено было выпустить. Когда этот вопрос обсуждался в думе и прошел, с особым мнением выступил гласный — доктор Н. В. Терebinский. Он возразил против введения электричества в Оренбурге, говоря, что это слишком дорого, город еще не готов к нему, и есть слишком много нерешенных более насущных вопросов. В своем особом мнении он, в частности, указал: «Оренбургу, где водопровод доставляет грязную воду с форштадтскими помоями, где школ

первоначальных недостаточно и большая половина населения безграмотна, где на многих улицах по весне непролазная грязь, где городская больница грязна и тесна, где по улицам разъезжают золотари с первобытными отвратительными бочками, отравляющими воздух своим зловонием, где умирает 50 человек на 1000 в год, где без того долгов 200 000 руб. или больше того, — Оренбургу электрическое освещение не к лицу»¹. Н. В. Терebinский выступил также с большой статьей по этому вопросу в «Тургайской газете» от 5 декабря 1897 года, когда договор со Щербаковым на сумму 145 131 рубль серебром был уже заключен. Он писал, подкрепляя все расчетами, что Щербаков фактически обманывает город и контракт с ним не выгоден. Он объяснял также, почему прошло решение в думе: голосовали открыто и поименно, в этой обстановке многие гласные, зависимые от других, в том числе и не гласных, молчат, считая, «что своими голосами делу не пособить, но можно раздражить нужного человека». Словом, Н. В. Терebinский дал достаточно емкую картину как Оренбурга, так и закулисной его жизни.

Гласный оказался прав, если не во всем, то во многом. Электростанцию, место которой в конечном итоге было выбрано на берегу Урала «на выезде Троицкой улицы» (сейчас Кобозева), приняли в январе 1900 года со множеством дефектов, из-за чего убавили сумму выплаты. Первый ток она дала 12 января всего 19 абонентам², 11 из которых были частниками. Оказалось, что для 140 дуговых фонарей не хватает энергии, и их стали снимать. Всего осталось их 25. Спустя лишь четыре года «вследствие совершенно неудовлетворительного первоначального устройства» пришлось проводить переустройство: заменили старые паровые машины, постави-

¹ ГАОО, ф. 41, оп. 1, д. 1212, л. 66.

² Там же, д. 1318, л. 6.

ли один котел, сделали многое другое, в том числе и в линейном хозяйстве. Постепенно увеличивали число дуговых ламп на улицах, к 1909 году их стало 61. Кроме того, на Суринской улице (сейчас ул. Постникова от ул. Цвиллинга до конца) в качестве эксперимента установили пять ламп накаливания по 25 свечей каждая. Нужно сказать, что электростанция работала только в темное время суток, но тогда это никого не удивляло. Так было во многих городах; в Самаре, например, станция работала только до 2 часов ночи.

Улицы города, кроме электричества, освещались керосином. Причем сорок фонарей были особого устройства — керосино-калильные. Они светили ярче дуговых ламп, но были весьма капризными и требовали большего ухода. В городе насчитывалось еще 600 обычных керосиновых фонарей. Вот и все. Стояли они на 180—200 сажень друг от друга, то есть чуть ли не на полкилометра. Всем стала очевидной необходимость умоощнения электростанции. На этот раз дума и управа действовали быстрее. Начав дело в 1909 году, к 1913 году завершили его. Вместо паровых машин поставили два дизеля с генераторами, каждый из которых мог свободно давать чуть более 300 квт. Оставался, кроме того, еще один парогенератор. Таким образом, общая мощность достигла примерно 700 квт (для сравнения: мощность генератора пассажирского тепловоза 2 тыс. квт). Чтобы понастоящему осветить город, мощности было мало, поэтому продолжали существовать и появлялись новые частные электростанции и на предприятиях и при отдельных домах.

Наследником помещений и оборудования первой многотрадной электростанции Оренбурга стал бывший электромеханический завод.

Значительных средств настоятельно требовало благоустройство, с которым дело обстояло совсем плохо. После срытия вала и засыпки рва в некоторых местах некуда

стало уходить дождевой и талой воде, особенно в районе бывших Сакмарских ворот. Существовавшие водостоки действовали плохо, их редко прочищали. Так, в 1877 году начальство Инженерной дистанции пишет в управу: «Прошу распоряжения... о немедленном спуске воды, скопившейся в настоящее время в большом количестве на углу (дома) Инженерной дистанции и приносящей вред оному». А начальник Окружного интендантства жалуется на постоянную грязь по Преображенской и Водяной от находящегося там бассейна, «так что проезд к зданию сопряжен с полнейшей возможностью ломки экипажей, не говоря уже о риске седока быть обрызганным грязью с головы до ног». В подавляющем большинстве случаев сток шел по канавам, через которые устраивались мосты трех и более саженей в длину. Если в центре еще что-то делалось, то на окраинах и на Новых местах практически ничего.

Некоторое оживление в работы по благоустройству центра внесла весть о посещении Оренбурга цесаревичем и князем Николаем (будущим царем). Визит ожидался в июле 1891 года, на обратном пути его из Японии. В Оренбург должны были приехать со стороны Орска на лошадях. Известие, разумеется, возбудило все начальство, создали специальную комиссию по благоустройству города, которая заседала очень часто, а в июне-июле практически каждый день. Намечено было 18 основных пунктов. Главные из них — ремонт и окраска ряда зданий и комплексов Гостиного и Менового дворов, «уровнение площади» около Преображенского собора и у артиллерийских казарм — между городом и Форштадтом, а также срытие бугров, оставшихся там от земляного вала, ремонт ряда дорог и устройство земляной дамбы через овраг у вокзала. Тогда же огорожен был за 3547 рублей 60 копеек Александровский садик. Металлическая решетка на каменном основании сохранилась до наших дней. На большой Николаевской пере-

стелили весь тротуар. Одним словом, старались как могли, и деньги нашлись, которых обычно не было. На ремонт Александровской больницы, например, истратили более 2500 рублей, а на устройство мостовых почти 20 тыс. Но самый внушительный расход пришелся не на благоустройство, а на устройство обеда в Общественном собрании, на что ушло 11 580 рублей 82 копейки. На одни цветы и два лавровых дерева, привезенных откуда-то, потратили 665 рублей и 12 копеек.

В 1903 году появилось Обязательное постановление городской думы об устройстве тротуаров. Вменялось это в обязанности домовладельцам. Ширина предписывалась не менее 1,5 аршина, деревянные тротуары не допускались — только из «строганных каменных, цементных или гончарных плит или из асфальта». На домах требовались «дощечки» с указанием «звания, имени, отчества и фамилии владельца и особо с обозначением номера части, квартала и названия улицы». Все это не требовало средств от управы.

С 1891 года начались разговоры, заседания, переписка с другими городами и подрядчиками об устройстве канализации. Понадобилось 20 лет, чтобы приступить к делу. Проект был составлен профессором Еншем, большим специалистом в этой области. Профессор взялся провести его через все инстанции, за все услуги испросив 5 тыс. рублей. Согласно постановлению думы, канализация устраивалась лишь в самом городе (без Нового плана, Форштадта), где в указанное время проживало уже 80 тыс. человек.

Хуже всего дело обстояло на арендованных местах, где сточные воды стали очагом заразных болезней, угрожавших городу. Так положение оценивала летом 1907 года комиссия управы. Но единственное, чем мог помочь город, это вырыть канавы, отводящие все воды в Банный проток. Это осложнялось наличием железнодорожной насыпи. Работы провели тем же летом, заняв на них

безработных, которых тогда было много. На оплату затратили 4947 рублей 50 копеек. Камень на обкладку канав город выделил бесплатно. Проектные работы, включая нивелирование, произвел бесплатно инженер Федор Алексеевич Масленников с помощником Гохфельдом, за что от имени думы ему была объявлена благодарность. При нивелировании и других работах помогали и местные жители. Таким образом, оздоровление местности было проведено в большой степени на общественных началах.

Но на этом не кончились злоключения жителей. Канаву надо было регулярно чистить, кроме того, в нее выходила труба сточных вод с мельниц и бани в Новой слободке. Этот постоянный поток жители прозвали рекой «Шушей», потому что основной поток был из бани, владеющей которой Шушин. Поскольку канава была открытой, от нее постоянно шел пар и «страшно зловонный запах», как писалось в газете. Зимой же эта «речка» часто выходила из берегов вследствие образования наледей и заторов. В январе 1911 года Шуша разлилась и затопила несколько домов. Только вмешательство самого губернатора заставило управу произвести прочистку и спустить воду за счет владельцев мельниц и бани. Последние обязались производить регулярно прочистку, скалывание льда за свой счет. Но весной следующего года Шуша снова грозила разлиться, потому что ничего не делалось; управе пришлось напоминать об обязательстве. Осенью же канава все-таки разлилась опять, так как ее снова забыли чистить, и так далее. Страдали от нее дома на 1-й и 2-й Буранной (ныне Буранная и ул. Ходакова соответственно).

Плохо было без канализации, но не лучше было и без мостовых. Особенно это чувствовалось на окраинах. Несмотря на сухой климат, в Новом плане подолгу бывала непролазная грязь. В центральной части города во многих местах дело обстояло не намного лучше.

По схеме 1908—1910 годов только 16 улиц или их частей считались замощенными. Полностью или почти на всю длину были замощены лишь Николаевская, Инженерная, Телеграфная, Гришковская, Неплюевская, Кладбищенская (сейчас ул. М. Фадеева); даже Гостинодворская и Орская были замощены только в той половине, где велась широкая торговля. Мостовой считалась и засыпка гравием. Асфальтированные улицы отличались от современных: асфальтом покрывалась только середина проезжей части, по обеим сторонам от этой полосы укладывался булыжник.

Асфальтовое покрытие было хотя и узким, но прочным; по нему к тому же запрещалось грузовое движение. В этом случае улица закрывалась для грузового движения вообще, даже если рядом с асфальтом можно было свободно проезжать ломовикам. По условиям Самарской фирмы Челышева и Бахарева, с которой чаще заключались контракты, асфальтовое покрытие толщиной в два дюйма стелилось на бетонное основание толщиной в 4 вершка (почти 17 см). Эта фирма давала десятилетнюю гарантию, да к тому же оставляла в залог 30 процентов причитающейся суммы, соглашаясь и на оплату облигациями. Совокупность этих условий и привлекала, видимо, думу¹.

Большим недостатком мостовых являлось использование на их покрытие известкового камня, на это думе указывал даже губернатор, генерал-лейтенант Сухомлинов. В апреле 1914 года он пишет о «невозможном состоянии мощеных улиц города», упрекает управу в том, что, несмотря на неоднократные предложения с его стороны, ничего не сделано, обвиняет мостовую комиссию в бездеятельности. «Которая из мощеных улиц города хуже, я сказать затрудняюсь,— пишет он,— все они пришли в невозможное состояние».

¹ ГАОО, ф. 41, оп. 1, д. 1477.

В управу писали и жители. С окраин заявляли, что там топь по самую грудь скотине, а с ближних к Телеграфной улиц Оторвановки жаловались, что, после того как для улучшения проезда сюда высыпали оставшийся от замощения Телеграфной щебень, стало еще хуже: камни тормозят колеса и делают ямы, «были случаи опрокидывания экипажей и купания седоков в грязи». Жители Конюшенного переулка (ныне Маяковского) писали, что ни извозчики, ни водовозы не соглашались ехать к ним. Одна из первых подписей под этой петицией — старшего врача губернской больницы Н. Вакуленко. «Улицы представляют из себя либо непроходимые болота, либо невылазную грязь».

Все требовало работы и средств.

Городское самоуправление

Прежде чем продолжать разговор о других решавшихся и не решавшихся проблемах города, необходимо дать краткую справку о городском самоуправлении, которое во второй половине XIX века и далее призвано было играть решающую роль.

До 1870 года городским хозяйством, доходами и расходами ведала избиравшаяся согласно положению 1785 года по сословиям шестигласная дума во главе с городским головой. Права ее были очень ограниченными, во всем нужно было давать отчет губернатору. Кроме того, существовал магистрат, который занимался судебными делами между горожанами, рекрутской повинностью, раскладкой и сбором налогов.

По положению 1870 года дума стала органом общественного управления. Она избиралась лицами и учреждениями, владевшими значительным недвижимым имуществом или торгово-промышленными предприятиями, а также так называемыми «полноправными гражданами»,

число которых оказывалось весьма ограниченным. Максимальное число гласных, избравшихся на 4 года, было 72. Дума избирала городского голову и членов городской управы, которая являлась исполнительным органом. Членов управы было не менее двух и не более четырех, они избирались как из гласных, так и из числа полноправных граждан. Хотя права думы и расширились, ряд вопросов требовал утверждения губернского правления. Состав гласных Оренбургской думы был преимущественно купеческим, но интеллигенция в некоторые периоды тоже играла там определенную роль.

Дел у новой думы и управы оказалось порядочно. Расширение производства, рост торговли и застройки не обходились без нарушений больших и малых. То кто-то займет отведенное другому дворовое место, сознательно или по ошибке перепутав номера, то начинает строить, нарушая линию, то захватит несколько лишних аршин, а то и сажений.

Чаще других злоупотребляли строительными правилами купцы, пристраивавшие так называемые «холодные службы» — склады, лавки и тому подобное. Иной раз управа вынуждена бывала искать поддержку в суде, поскольку хозяева не желали подчиняться, как, например, купчиха Хохлова, которая даже отказалась подписать акт, составленный архитектором: она противозаконно произвела пристроку к дому и заняла ее под склад вина. Нарушил правила и потомственный почетный гражданин Яков Алексеевич Путолов, у которого вместе с братом Иваном более половины квартала, выходящего на Хлебную площадь (сейчас здесь начало Краснознаменной улицы), было застроено складами так, что исчез противопожарный разрыв. Пришлось братьям возводить брандмауеры, спорить они, к чести их, не стали. Все это происходило в 1870-е годы.

Грубое нарушение допустил купец 2-й гильдии Михаил Санакин. В 1864 году он получил место в Старой

слободке. Но застраивать его стал, очевидно, не все сразу, так как жаловаться на него начали лишь в 1868 году. Сосед заявил, что купец захватил около трех сажень от переулка, так что под улицей осталось не более шести. Место Санакина ограничивалось Чернореченской и Карандаковской улицами (сейчас Милиционерская) и Глухим переулком. По обмерам младшего архитектора Скотникова оказалось, что на 22,97 кв. сажени купец захватил лишнего, а по обмерам городского архитектора Корина все получилось в норме. На выкопировках из плана отлично видно, насколько сузилась Карандаковская улица. В справедливости жалобы можно убедиться и сейчас, через сто с лишним лет. Достаточно взглянуть, как стоит дом 42 по Чернореченской улице и дом 11 по Глухому переулку. Последний построен позже, но, по-видимому, тоже Санакиным. Дело тянулось до 1873 года, целых пять лет. Несмотря на то, что захват очевиден, высказывалось мнение, что купец не только не захватил, но даже отдал улице. Затем пришли к общему мнению, что невозможно отдать то, чего не имеешь. Короче говоря, победил денежный мешок. Санакину выдали так называемую данную на дворовое место, а значит, дальнейшей перепланировке место уже не подлежало даже при перемене хозяина. Вот почему так странно сужается на этом участке Милиционерская улица.

Сила денежного мешка особенно ясно проявилась в связи с постройкой мечети купцом 1-й гильдии Ахметом Галиевым Хусаиновым. Началось с того, что Хусаинов купил дворовое место в начале Гостинодворской. Оно занимало всю ширину квартала, выходя торцом на улицу Безак. В декабре 1890 года он заявил о желании построить здесь мечеть, что противоречило закону, согласно которому запрещалось возводить на дворовых местах любые культовые здания, будь то церковь, молитвенный дом, синагога — все равно. Заключение о невозможности разрешения строительства давал архитектор Корин.

Тогда Хусаинов просит, как и в первом случае через поверенного — своего брата Махмута, разрешения построить мечеть на Чернореченской площади (там, где сейчас школа № 2). Дума ему вторично отказывает, хотя по заключению Корина технических препятствий к постройке нет. Среди мотивов отказа был и такой, как отсутствие живущих поблизости мусульман. Однако уже 4 марта 1892 года губернское правление на основании данного МВД разрешения согласилось на постройку мечети на первом месте.

Таким образом, дело заняло немногим более года, почти все гласные за это время полностью изменили свое мнение. Вряд ли они сделали это из человеколюбия или других высоких побуждений. Мечеть же, вернее ее минарет, является сейчас неотъемлемым элементом городского пейзажа, который «держит» всю улицу. Он прикрывает собой довольно громоздкий объем мечети. Автором проекта, скорее всего, является сам Корин, поскольку именно он представил чертежи в управу. Здание интересно тем, что в декоре использованы элементы европейских исторических стилей, а сам минарет скорее похож на колокольню западных церквей, чем на своих собратьев.

С 1860-х годов начинает довольно быстро застраиваться рядами лавок главная рыночная площадь. Сначала лавки строили преимущественно деревянные, позже только каменные. В 1867 году было только три ряда каменных, они располагались по краям площади. К 1888 году все, кроме специально оставленной площади, оказалось застроенным. Постепенно начинается и реконструкция рядов, их надстраивают вторым этажом, причем делалось это каждым хозяином в отдельности, но по единому плану. В 1899 году реконструируют так называемый Путоловский ряд. Этот ряд несколько обособлен был от других, примыкая глухой стороной к дворовым местам. Сейчас это западная сторона Телеграф-

ного переулка. Ряд надстроили вторым этажом, каждая из 22 лавок имела по два окна наверху, а внизу один проем, закрываемый воротами. Это деление заметно и сейчас. У многих купцов было по нескольку лавок в одном ряду. Корпуса были под номерами, ряды имели еще и названия, например, Труевский, Вознесенский, Иверский.

Значительные изменения произошли в Гостином дворе. В 1870-е годы со стороны Николаевской улицы его перестроили в двухэтажный, аналогичная работа была произведена и со стороны Гостинодворской в 1890-е годы. Магазины теперь выходили на улицу, а не во внутрь двора, который стали занимать под склады. Со временем появился дефицит на торговые места, они все больше дорожали. Особенно заметно это выявилось в начале XX века. Требовалось расширение торговых площадей, потому что «естественный приток промышленников и торговцев сильно тормозится», как писал в своем предложении о новых постройках московский инженер С. И. Явдынский. Он ратовал за полную перестройку южной стороны Гостиного двора, замены части лавок главным фасадом большого пассажа, который доходил бы до северных ворот (они были оставлены во время перестройки). Кроме торговых помещений, проектировались здесь и общественный банк, и ломбард, и библиотека. Инженер подал свой проект в 1907 году, дума начала рассуждать, думать, решать. В следующие годы поступили проекты от других фирм, в октябре 1910 года образовали комиссию. Тем временем Явдынский не выдержал и прислал письмо, в котором просит вернуть чертежи, поскольку бесплатно оставлять их не намерен, а пассажа «как видно, г. Оренбург не будет строить». Он оказался прав. В 1911 году объявили конкурс на проект, выбирали то самый лучший, то самый дешевый, потом решили строить городом, а не в концессию. Денег же опять оказалось мало, вернулись к вопросу о концессии,

так и дотянули до 1914 года, на том все и заглохло¹. Развитие деловой активности закономерно вызвало появление кредитных учреждений. Первым открылся Общественный банк в 1864 году. Вслед за ним через два года открылось Оренбургское отделение государственного банка. В 1876 году основали общество взаимного кредита. В 1884 году появляется отделение Волжско-Камского банка, а через десять лет отделение Русского торгово-промышленного банка. Интересно отметить, что если частные банки имели собственные помещения, то Общественный банк все время арендовал здания, хотя свободно мог купить себе дом, поскольку часто владел закладными на постройки. Для городской думы было довольно характерным затягивание многих вопросов по различным причинам. Часто это бывало из-за бедности городских средств или купеческого стремления побольше выгадать для себя. Управа часто только делала вид, что серьезно занялась каким-то делом.

Довольно показательна история усовершенствования водопровода. Он переделан из летнего и пущен во время генерал-губернаторства А. П. Безака в декабре 1864 года. Общая длина труб была всего четыре версты. Резервуар на 6 тыс. ведер установили к востоку от артиллерийского двора на территории бывшего бастиона. В Старую слободку линия не шла. С большими задержками водопровод расширяли, перестраивали. В Старую слободку его провели только в 1903 году. Однако, чем больше расширялся водопровод, тем более необходимым становился фильтр, ведь вода подавалась со всем, что попадало в реку.

Первое предложение по устройству фильтра поступило в 1901 году от московского общества «Ферромагнит», которое запрашивало 19 тыс. рублей за один фильтр на 200 тыс. ведер в сутки. В 1905 году услуги предло-

¹ ГАОО, ф. 41, оп. 1, д. 1060.

жило товарищество «Нептун». В следующие годы еще несколько фирм вызывалось оборудовать городской водопровод фильтром. Управа вела переписку, запрашивала в различных городах отзывы о работе фильтров. В 1907 году пришли самые положительные отзывы о работе фильтров системы «Нептун», их прислали из Ярославля, Рыбинска, Владимира, Тобольска, Нижнего Новгорода, Царицына, от Никольской мануфактуры Саввы Морозова в Москве. Дума же все тянула, так ничего и не решая. Последнее предложение прислал представитель французской фирмы. Это было в марте 1914 года. Вскоре началась империалистическая война и вопрос о фильтре остался открытым.

Другим неосуществленным начинанием было введение автобусного движения в Оренбурге. Если установка фильтра требовала денег, которых, по-видимому, не хватало, то в этом случае город наоборот получал бы что-то от предпринимателей, потому что предлагались концессионные начала. Наметили маршруты. На запрос управы из Петербурга, Риги и Одессы прислали правила движения и технические условия. На этом все и кончилось.

Та же участь постигла и устройство трамвайного движения. Думали провести ветку на Меновой двор. Но, когда в 1909 году это предложила железная дорога, которой понадобились складские помещения, сделку сочли невыгодной. Сами же ничего так и не сделали.

В 1901 году началось строительство Ташкентской железной дороги, которая связала Оренбург со Средней Азией, значительно повлияв на дальнейшее развитие промышленности и самого города. Оренбург превращался в важный железнодорожный узел, поэтому срочно приступили к строительству Главных мастерских железной дороги. Около мастерских были временные склады на арендованной у города земле. Близ главного склада в товарных вагонах устроились жить рабочие мастерских

и железной дороги¹. Когда вагоны понадобились, рабочие, с разрешения железнодорожного начальства, построили здесь бараки, а потом и дома, потому что до города было довольно далеко и дворовые места даже в Новом плане стоили для них слишком дорого. Строились за мастерскими в районе современных улиц Зиновьева и Коммунистической. Дома были и деревянные, и саманные, строили кто как мог.

В 1905 году мастерские вступили в строй, железная дорога перестала арендовать участок под временный склад, надобность в нем отпала. Город отказался признать новое поселение своей частью. Среди мотивов такого решения были и трудности водоснабжения, освещения, обеспечение пожарной службой. Одним словом, дума не хотела брать на себя лишнюю обузу. С 1906 года по распоряжению губернатора постройки были прекращены, к этому времени там имелось уже 130 домов. Несмотря на распоряжение, строительство продолжалось. Чтобы препятствовать ему, управа специально наняла на строительный сезон нескольких полицейских. Все равно умудрялись строиться. В этом конфликте участвовали не две, а три стороны: поселенцы, город и железная дорога, которая чаще всего старалась защитить своих работников. К 1910 году в этом поселении свои дома имели более 200 лиц, часть из них к железной дороге отношения уже не имела. Попытки выселения практических результатов не дали.

Стороны, наконец, договорились, что участки будут сдаваться в аренду, но только работникам железной дороги. Но не все жители «Нахаловки», как прозвали и стали официально называть поселение, имели право на аренду. При отводе мест в марте 1912 года землемер Бенаев доложил, что из 263 усадеб только 181 подлежат закреплению за владельцами — служащими железной

¹ ГАОО, ф. 41, оп. 1, д. 355, л. 21 об., 22.

дороги. Жилых же строений — 268, в них 276 квартир, всего населения 1378 человек. Следовательно, на каждую квартиру приходилось в среднем около 5 человек. При этом нужно учесть, что дома, даже те, что строились по утвержденному плану, имели весьма скромные размеры. Довольно типично — 7 на 8 аршин снаружи. Внутри кухня с печкой и плитой, одна-две комнатки. Были дома и крупнее. Например, у слесаря А. Ф. Макарова четырехкомнатные «хоромы» имели внешние размеры 10 на 10,5 аршина. Характерным для всех строений было отсутствие фундамента. Просто вкапывались стойки, к которым крепились обшивки дома, обычно засыпного. Печка ставилась на сруб, который тоже покоился на стойках. Другого жилья не допускали, потому что все в Нахаловке считалось временным.

Начали упорядочивать застройку, и некоторые дома приходилось сносить и ставить на другом месте. Так, ремонтный рабочий Е. Т. Поляков в мае 1912 года просит нарезать для него новое место, «так как моя изба находится посредине улицы, вследствие этого мне двор не нарезан. Избу же я уберу и место заровняю»¹.

К 1913 году было заключено только 129 контрактов на аренду. Жителям отказали в официальном наименовании поселка, даже церковь сначала не разрешили строить. Вопрос об этом тянулся с 1911 года. Наконец осенью 1914 года дума разрешила отвести на арендных основаниях участок под строительство церкви-школы².

Чтобы препятствовать дальнейшему росту поселения, дума решила летом 1913 года окопать его. К осени завершилось рытье канавы размерами примерно 90 на 90 см общей длиной 785 сажен, что составляет около 1675 метров³. Названий улицам не дали, так и объясняли

¹ ГАОО, ф. 41, оп. 1, д. 832, л. 63.

² Там же, д. 1077.

³ Там же, д. 355, л. 631.

по приметам, где живут: ближе или дальше от Главных мастерских и т. п. По плану 1916 года границы поселения немного не доходят до линий современных улиц Воровского на западе и Рабочей на севере. Восточная граница проходила по красной линии нынешней застройки по проспекту Братьев Коростелевых. Так и не смогли отцы города решить окончательно вопрос с Нахаловкой, признать поселение равноправным им никак не хотелось, а выселить рабочих не смели: управлять по-старому уже нельзя было.

Просвещение и культура

В первой половине XIX века почти все учебные заведения в городе носили военный характер, к 1860-м годам было одно уездное и три приходских училища, открытых в 1832, 1851 и 1859 годах, за оставшиеся сорок лет XIX века открылось 6 женских и 4 приходских училища. Учрежденное в 1832 году женское училище преобразовали в Институт благородных девиц, который в 1889 году получил новое здание. Оно выходило на две улицы: довольно растянутым двухэтажным фасадом на Неплюевскую, из-за чего восточную часть ее даже стали звать Институтской, торцом другого большего объема — на Орскую улицу (сейчас это Пушкинская, 53). В 1868 году открывается ремесленное училище, на следующий год мужская гимназия, еще раньше женская прогимназия и в 1868 году женская гимназия, которой с 1879 года отдали первое здание Неплюевского училища. Об этих учебных заведениях очень подробно написано у П. Н. Столпянского в книге «Оренбург».

Интересна оценка Оренбурга в отношении просвещения современником, генералом Ф. И. Лобысевичем в историко-статистическом очерке «Город Оренбург», изданном в 1878 году. «К чести Оренбурга, — пишет он, — можно отнести его учебную обстановку. В городе нахо-

дятся... столько учебных заведений, сколько мало бывает в наших губернских городах». Это свидетельство человека, отнюдь не склонного к преувеличениям. Но нельзя забывать, что так выглядел Оренбург лишь на фоне своих собратьев, где дело обстояло весьма неважно. В целом-то образование оставляло желать много-много лучшего. Даже через четверть века после этого, в 1903 году один учащийся приходских училищ приходился на 37,8 человека обоего пола. «Здесь есть,— продолжает Лобысевич,— одна книжная лавка, две частные библиотеки, очень порядочная и большая библиотека казачья, с платою за право чтения в ней 5 р. в год, небольшая библиотека при отделе географического общества, при юнкерском училище и при окружном штабе, но, бесспорно, лучшая и полнейшая библиотека — при военной гимназии... очень жаль только, что она не предоставлена пользованию общества и составляет, как мебель, исключительную принадлежность гимназии».

Населения в Оренбурге по однодневной переписи 1875 года было 42 123 человека. Число же учащихся во всех учебных заведениях как военных, так и гражданских доходило до 3000, то есть 1 учащийся на 14 человек населения. Но отношение это не совсем верно, так как в учебных заведениях был большой процент приезжих, не горожан Оренбурга.

Учебные заведения, не относившиеся к военному ведомству, часто не имели своих зданий и занимались в арендуемых частных домах. Это касалось особенно приходских училищ, ни одно из них не имело своего дома.

2-е городское училище, открытое в 1890-е годы, сначала тоже не имело своего помещения. В этой связи возникали разные проекты. Ходатайство о строительстве собственного дома для училища было возбуждено в 1896 году. Попечитель учебных заведений сообщил думе и о непригодности здания 1-го городского училища,

которое пришло в ветхость (сейчас в нем помещается детская художественная школа, но здание подверглось капитальному ремонту, одето кирпичом, стены укреплены столбами, принимающими нагрузку перекрытия). В думе возникает проект постройки одного здания для обоих училищ в центре, там, где теперь здание сельскохозяйственных организаций, а тогда был сад, называвшийся Регентским. Затем решили строить два разных здания, для 2-го на Госпитальной площади, за Неплюевским кадетским корпусом, где были прежде складочные амбары соли, а для 1-го примерно там, где сейчас здание 2-й школы. Это решение было принято после шестилетних раздумий в 1901 году. Построили же только первое здание, в нем сейчас помещается УКП института инженеров железнодорожного транспорта (Коммунаров, 16, на углу Госпитального переулка). Второе осталось на бумаге.

Был в Оренбурге и учительский институт, но недолго. Он открылся в 1878 году и помещался в бывшем здании 2-го эскадрона Неплюевского училища (сейчас школа № 30). Набор в институт прекратили с 1894 года, хотя необходимость в учительских кадрах не могла исчезнуть за 16 лет его существования, ведь при его открытии попечитель указывал на «полное отсутствие контингента учителей в Оренбургском округе не только для средних учебных заведений, но и для низших». В том же здании открылось реальное училище.

Нужно отметить еще и специальное училище ремесленное. Оно появилось в 1868 году, получило помещение бывшего ордонансгауза (Советская, 3). Здание тогда было еще одноэтажным и симметричным фасадом на главную улицу. Цель училища была двойкой: во-первых «дать возможность дарового приюта, образования и воспитания детям беднейших жителей граждан Оренбурга всех сословий», во-вторых «содействовать распространению ремесленных знаний в крае, чрезвычай-

но нуждающемся в предметах ремесленной промышленности». П. Н. Столпянский отмечает, что «главную целью при образовании ремесленного училища была филантропия», он считает это одной из характерных черт Н. А. Крыжановского, последнего генерал-губернатора, который был инициатором открытия не только ремесленного училища, а «всегда искренне заботился — конечно, насколько мог и насколько позволяли обстоятельства — о низших мира сего».

В первые 10 лет в нем обучалось 137 учащихся, из них 55 окончили курс. Интересны сведения, собранные через некоторое время, о их дальнейших занятиях. Оказалось, что 24 состоят учителями в казачьих школах или работают в войсковых мастерских, 6 являются учителями сельских школ, 5 — мастера в башкирском конном полку и линейных батальонах, 15 работают в различных мастерских.

Вскоре старое здание стало слишком тесным для училища. Но перестраивать его стали только в 1899 году, выхлопотав у министерства народного просвещения деньги. Пришлось раскошелиться и городу, так как расходы оказались, как бывало почти всегда, выше сметных. С северной стороны пристроили помещение на три окна по главному фасаду, надстроили второй этаж, окончив работу в 1900 году. В этом виде дом существует и сейчас.

Нельзя обойти и существование во второй половине века татарской учительской школы, открытой в помещении ликвидированной в 1868 году киргизской. Для нее и было перестроено старое здание пограничной комиссии, которое сохранилось до наших дней (Советская, 7). Татарская школа просуществовала до 1890 года, на ее место в тот же дом была переведена из Орска учительская киргизская школа. Половина ее воспитанников, — отмечает П. Н. Столпянский, — русские.

Кроме военных и гражданских, в Оренбурге были

и духовные или только подчиненные духовному ведомству учебные заведения. В 1860 году открыли духовное училище, в 1884 году в только что законченном здании открылась семинария, а напротив, на той же площади без имени, с 1889 года начало работать женское епархиальное училище. Оба здания хорошо сохранились (ул. Челюскинцев).

Развитию научно-исследовательской работы в Оренбурге значительно способствовал основанный в 1861 году губернский статистический комитет. Большую работу вел Оренбургский отдел Русского географического общества, открытый в 1868 году. Особенно много сделала Ученая архивная комиссия, образованная в 1887 году, главным образом для разработки генерал-губернаторского архива, но деятельность которой вышла далеко за эти рамки. Комиссия помещалась в небольшом двухэтажном здании на самом берегу над Уралом, там, где теперь водоканал. Здесь же, несмотря на тесноту, отвели помещение для Историко-этнографического музея, созданного при архивной комиссии. Видную роль в ней играли историки А. Н. Добросмыслов, С. Н. Севастьянов, П. Н. Столпянский, Ф. М. Стариков, И. М. Чернавский, И. С. Шукшинцев; археологи А. А. Аниховский, И. А. Кастанье, А. В. Попов, преподаватель А. П. Гра и другие. Комиссия издала 35 выпусков «Трудов». Отдел географического общества опубликовал 141 работу в 25 выпусках «Известий» и 4 выпусках «Записок». Лучшими исследованиями считаются работы геодезиста-картографа А. А. Тилло, метеоролога А. И. Оводова, геолога Д. Н. Соколова, историка А. Е. Алекторова. Один из председателей отдела РГО Л. М. Мейер в 1861—1862 годы руководил экспедицией Генштаба в «Киргизскую степь» и вел геологические исследования на реке Эмбе.

Культурная жизнь городского общества не была особенно содержательной и разнообразной. Кроме актерских трупп, приезжавших на гастроли, постоянно

работал только один городской театр. Основание его принято относить в 1856 году. В 1860-е годы театр получил помещение бывшего манежа Неплюевского училища. Труппа его менялась. Наиболее сильной она была в 70-е годы. На сцене театра выступали Стрепетова, Писарев, Свободин. В 1891 году здесь пел молодой Федор Шаляпин, приехавший в составе украинской музыкально-драматической труппы. В Тополевом саду, который был разбит в 1889 году, действовал летний театр, где в сезон выступали приезжие труппы. На Конно-Сенной площади построили временное помещение для цирка, а потом, когда этот участок в 1899 году отвели под строительство Народного дома, цирк устроили там, где сейчас спортплощадка ГПТУ рядом с Домом быта. В Народном доме выступали самодеятельные и профессиональные артисты. Здание просуществовало до начала 60-х годов нашего века. Вместо него построили другое, где ныне помещается Театр музыкальной комедии. Кинотеатры в Оренбурге появились во второй половине 1900-х годов. Об этом можно судить по рекламе. Например, в октябре 1908 года в «Оренбургской газете» было такое объявление: «Театр «Синемо» Чаринова, рядом с новой кондитерской. Ежедневные сеансы в четырех больших отделениях».

В 1915 году работало пять кинотеатров, все они были на Николаевской улице и имели довольно звучные имена: «Аполло», «Кок», «Люкс», «Олимп», «Фурор».

Отдых людей являлся статьей немалого дохода предпринимателей. В 1874 году купец Каретников построил на бульваре над Уралом деревянный «вокзал», что означало зал, где играл оркестр. Был там, конечно, и буфет. Через восемь лет вдова его просила управу продлить аренду, указывая на то, что были затрачены средства, занятые в банке, а в пожар 1879 года покойный муж ее потерял имущество и платить нечем. Управа нашла заявление купчихи Каретниковой «заслуживаю-

щим уважения», но по истечении срока контракта все-таки передала содержание некому купцу Спиридонову, который, пользуясь пунктом договора о праве передачи, сразу уступил права «временно» оренбургскому купцу Александру Афонасьеву Белову. Этот совершенно неграмотный человек, — он еле мог расписаться, — должно быть, обладал большой практической сметкой: он сумел заключить с управой договор на 25 лет, построил на каменном фундаменте зал с рестораном и всем к тому полагающимся, назвав его «вокзал Белова». Бульвар огородили, вход устроили перед вокзалом, выделили отдельный павильон для фруктовых вод, открыли цветники и т. п. Купец богател, строил дома в городе, одно дворовое место с двумя домами стал сдавать в аренду под отделение тюрьмы, прозванное «Беловской». За бульваром закрепилось стихийное название «Беловка», которое параллельно с официальными бытует уже около 100 лет.

Кроме бульвара и Тополевого сада были еще небольшие посадки, относящиеся к 1892 году. Одни — за Неплюевским кадетским корпусом, здание которого построено в 1872 году, другие — у нового кафедрального собора на бывшей части Сакмарской площади. В этих садах развлечений не было, и доступ был бесплатным. Сад же Караван-Сарая для широкой публики не предназначался.

Местом летнего отдыха еще с первой четверти XIX века служила Зауральная роша, где устраивались и увеселения. В конце 1890-х — начале 1900-х годов на высоком берегу Урала силами учащихся был устроен сад с участками питомника и цветника, выставочным помещением, павильонами, площадкой для игр и прочим. Называлось это место «Марсово поле». По форме оно напоминало прямоугольный треугольник, длинный катет которого, обращенный к Уралу, имел длину около 220 метров, а короткий около 150 метров. Некоторые

фрагменты устройств сохранились, например, остатки бассейна или фонтана. Весь сад был огорожен, у главного входа — будка сторожа, так что доступ посторонним оказывался со стороны Преображенской улицы закрыт. На берегу Урала существовал еще один сад — генерал-губернаторский. Он располагался на спуске перед бывшим генерал-губернаторским домом.

Архитектура

Почти все постройки последних десятилетий XIX века сохранились до нашего времени, многие из них, правда, несколько измененными. В конце 1870-х годов в моду вошел стиль, условно называемый «кирпичным». Это был полный отказ от каких-либо штукатурных покрытий и лепных украшений фасадов. Все выполнялось в кирпиче с небольшими добавлениями естественного камня, им часто облицовывался цоколь. В наружной кладке применяли высококачественный лицевой кирпич. Он был не только обычной формы, но и лекальный, то есть с торцом, имеющим криволинейную, или иную, зачастую довольно сложную, форму. В кирпиче повторялись профили классической архитектуры. Потребность привела к развитию производства соответствующих сортов кирпича, а также к механизированной обработке камня. Из последнего вырезали капители и базы колонн, замковые камни. Нужно заметить, что капители были довольно далеки от классических норм и в лучшем случае являлись более или менее удачными трансформами классических. В кирпичном стиле строились и жилые, и промышленные здания. Этот стиль и родился в связи с производственными постройками, где он более органичен. Достаточно сравнить, например, водонапорную башню депо станции Оренбург или здание мельницы на Ташкентской улице с любым из жилых или конторских домов, чтобы в этом убедиться. Выполненная в кирпиче ордерная архитекту-

ра, особенно с применением колонн (чаще это полу- или трехчетвертные колонны) воспринимается как несколько надуманная и огрубленная. Тем не менее можно найти несколько вполне удачных построек кирпичного стиля.

Не сдавали своих позиций эклектика и стилизаторство, появившиеся в Оренбурге в середине XIX века. Под эклектикой в архитектуре понимается сочетание в декоре зданий различных исторических стилей. Она отличается отсутствием органической связи между конструкцией и декором. Широко использовались бутафорские детали, например, на совершенно ровной стене выполнялись из штукатурки пилястры, русты и т. п. Иными словами, на гладкий дом-блок надевалась красивая одежда. Хорошим примером этого может служить уже упоминавшийся дом татарской, а затем киргизской школы, декор которого выполнен в восточных традициях (Советская, 7).

Из значительных зданий в это время построены дом для почты и телеграфа в 1875 году (Цвиалинга, 1)¹, неподалеку от него в 1872 году здание для Неплюевского кадетского корпуса (сейчас помещение мединститута на Парковом проспекте); в 1874 году на Набережной Урала первое пятиэтажное здание Оренбурга — для военной прогимназии, преобразованной позже во 2-й кадетский корпус. В 1875 году начал новое строительство на Неплюевской улице владелец пивного завода А. Ф. Клюмп. Прикупив соседнее место, которое, так же как и его первое, проходило через весь квартал, он со стороны переулка построил в 1878 году глубокие сводчатые подвалы с кирпичным зданием над ними. На следующий год он просит разрешения на дальнейшие постройки, главными, хотя и торцевыми, фасадами

¹ Двухэтажный кирпичный почтовый дом, возведенный на плац-парадной площади в последней четверти XVIII века, был сложен настолько плохо, что уже через несколько лет стал давать трещины. В 1835 г. развалившуюся постройку продали на слом и снимали для почты частный дом.

выходящие на Неплюевскую. Они сохранились, но во многом изменили свой первоначальный вид. Еще узнаваемо здание по Ленинской, 17. В середине 1870-х годов на дворовом месте, которое занимало весь торец квартала между Николаевской и Почтовой улицами по Эссенской строит дома купец Е. И. Иванов, долгое время служивший членом управы. Дом, где теперь помещается читальный зал областной библиотеки, сдавался на первом этаже под лавки, в другом угловом доме сначала помещался сам хозяин.

С развитием капитализма в Оренбурге значительно увеличилось вкладывание капитала в недвижимость. Строили или приобретали дома как доходные, так и гостиницы, в которых была необходимость в связи с развитием торговли. Ряд предпринимателей, кроме заводов и других производств, владел домами. Больше всего было их у Хусаинова, Зарынова, Панкратова, Юрова, Деева. Когда после революции происходила национализация, у вышеперечисленных граждан было реквизировано соответственно 18, 11, 9, 6, 5 крупных домов в разных частях города¹.

Среди кутуческих особняков этого периода своей выдержанностью, хорошим вкусом отличается бывший дом купца В. Д. Гершен-Горина, а затем Брагина (Хлебный пер., 4). Но в большинстве своем покои эти выделяются излишней пышностью в украшениях. Желание «переплюнуть» других при отсутствии вкуса у заказчика, с которым архитектор вынужден считаться, приводило к различным несообразностям.

Наиболее типичный дом зажиточного горожанина тех времен — полутора- или двухэтажный. Очень часто первый этаж, или полуэтаж, как называли цокольный, был каменным. На нем возводился деревянный второй этаж. Это обычно называли «на каменном полуэтаже деревян-

¹ ГАОО, ф. 63, оп. 1а, д. 31

ный дом». Внешне разница в материале не была заметна, обычно дом казался единым. Хороший пример тому дом по ул. Кирова, 36 на углу Комсомольской.

Между 1886 и 1895 годами строится большой кафедральный собор на бывшей Сакмарской площади. Стиль постройки так называемый ложно-византийский. Ошибочным является встречающееся в литературе соотнесение его стиля с Софийским собором в Константинополе. Он скорее похож на сохранившийся в Софии собор Александра Невского, только не имел большой колокольни. В период освобождения Болгарии от турецкого владычества псевдо- или ложно-византийский стиль считался весьма модным в церковном строительстве.

По данным 1880 года, в Оренбурге было 5314 жилых домов, из них каменных 499, деревянных 4669, мазанковых 146. Железом крыто только 1994 дома, то есть несколько больше трети. На Гостином дворе 104 лавки и на постоянном рынке в 10 каменных корпусах 248 лавок. За городом на Меновом дворе, где торговля шла с 1 июня до 1 ноября, было 225 каменных лавок¹.

В XX век город вступал с полностью застроенной Новой слободкой и 31 кварталом в Новом плане, посередине которого оставалась обширная площадь. Имел он европейско-азиатский облик, чего не было на начало XIX века. Помимо минаретов нескольких мечетей, азиатский оттенок придавали здания, в декоре которых использовались восточные мотивы. Восточный колорит поддерживали и люди, свои и приезжие из Азии.

Перед революционной бурей

В первое десятилетие, кроме самого крупного предприятия — Главных мастерских Ташкентской железной дороги с численностью рабочих свыше тысячи, в строй

¹ ГАОО, ф. 41, оп. 1, д. 632.

действующих вступило второе по количеству рабочих — завод «Орлес». Учрежденное в 1904 году «Оренбургское лесное торговое и промышленное общество» сначала приобрело действующий лесопильный завод, а в 1908 году закончило строительство нового лесопильного завода около реки Сакмары. На новом заводе трудились 500 постоянных рабочих. Таким образом, значительно вырос рабочий класс. До появления этих предприятий в Оренбурге в 1899 году, по данным фабрично-заводской инспекции, на 86 предприятиях обрабатывающей промышленности — мукомольных, маслобойных, кожевенных, скотобойных — были заняты 2957 рабочих. Наибольшую продукцию в ценностном выражении давала мукомольная промышленность, в 1900 году доля мельниц составляла более половины. На большинстве предприятий число рабочих не превышало 50. Кроме указанных 86 предприятий, существовало большое число заведений с одним-двумя рабочими, а то и просто хозяин являлся одновременно и рабочим. Таких заведений в 1910 году числилось 1535¹. Наиболее передовым отрядом были рабочие Главных мастерских, за ними — орлесовцы.

Распространение идей марксизма в Оренбурге и губернии началось еще в конце XIX века, когда сосланные сюда социал-демократы М. А. Багаев и С. И. Гусев (Я. Д. Драбкин) создали в городе в 1897 году первый марксистский кружок. Оба были профессиональными революционерами. М. А. Багаев (1874—1949) — один из организаторов «Северного рабочего союза», С. И. Гусев (1874—1933) — видный партийный деятель. В кружок входили не только рабочие, но и ремесленники и учащиеся. Он был связан со столицей и некоторыми другими городами, в частности с Иваново-Вознесенском. Руководители кружка сумели наладить доставку нелегальной литературы, среди которой летом 1899 года в Оренбурге

¹ ГАОО, ф. 2282, оп. 1, д. 690, л. 25.

получили «Манифест», принятый первым съездом РСДРП.

Когда после отъезда М. А. Багаева и С. И. Гусева кружок распался, марксистскую пропаганду вели отдельные политические ссыльные. В Оренбург и губернию нелегально доставлялась газета «Искра», здесь жил и ее агент А. П. Доливо-Добровольский. Революционные кружки возникали на предприятиях и в учебных заведениях. Их активисты вели пропаганду среди рабочих и учащихся. Среди них Д. Г. Гансбург, Р. Ш. Жорова, М. М. Маршанская, Д. П. Наранович.

В 1904 году в Главных мастерских, на заводе Эверта, лесопилке Пименова, а также на мельницах и среди учащихся организовались уже постоянные социал-демократические кружки. Члены их объединились в начале 1905 года в Оренбургскую группу РСДРП. Она распространяла листовки ЦК партии, городских комитетов РСДРП, вела устную агитацию. Активными членами группы были рабочие И. С. Славин, Е. Г. Джамбурия, П. Д. Кандалов, Я. М. Меркулов, В. С. Мордовин, Д. Е. Потеряхин, С. М. Тамаров, И. З. Турашвили, М. С. Харламов.

Под руководством общегородского комитета РСДРП издавались легальные газеты «Оренбургский листок» (1905 год), «Степь» (1906 год), «Простор» (1907 год) и в этом же году «Наш путь» и журнал «Еженедельник труда». В 1907 году выходила на татарском языке большевистская газета «Урал». В магазине «Степь» который с конца августа 1906 года работал в доме на Введенской, продавалась марксистская литература

Бурными оказались в Оренбурге революционные события 1905—1907 годов. Они широко освещены в «Очерках истории Оренбургской областной организации КПСС»¹ и в «Истории родного края»² Наиболее

¹ Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС Челябинск: ЮУКИ, 1983, с. 16—24.

² История родного края. Челябинск: ЮУКИ, 1976, с. 68—72.

активную силу представляли рабочие Главных мастерских. Особенно упорной была борьба во время Всероссийской Октябрьской политической стачки. Вслед за железнодорожниками Бузулука и Абдулино 16 октября забастовали рабочие Главных мастерских, другие железнодорожники. За ними выступили орлесовцы, рабочие чугунолитейного завода Эверта, мельниц и других предприятий города. Демократическая интеллигенция поддержала забастовщиков. 17 октября забастовка стала всеобщей. На общегородской митинг, организованный большевиками, собралось почти 5 тысяч рабочих, учащихся и служащих. Выступавшие на митинге большевики призывали к свержению царского самодержавия и установлению демократической республики. На этом митинге впервые в Оренбурге появились знамена с лозунгами «Долой царизм!», «Да здравствует свобода!».

На следующий день снова состоялся митинг, на нем большевики разоблачали царский манифест, о котором было получено телеграфное известие, как уловку самодержавия, и призывали к вооруженному восстанию. В демонстрации, состоявшейся в этот же день, приняло участие 15 тысяч человек. Иллюстрацией размаха революционного движения может служить и тот факт, что оно всколыхнуло даже учащихся духовной семинарии, являвшихся преимущественно сыновьями священнослужителей и церковного причта. Утром 18 октября они собрались на сходку в большом зале, откуда даже икону вынесли, в зал не допустили ни преподавателей, ни начальство. Отсюда они пошли на митинг в дом Иванова (Казаковская, 27). На следующий день учащиеся семинарии снова под большим красным флагом отправились туда же. Там в этот день, кроме рабочих-железнодорожников, составлявших самую большую группу, собрались гимназисты и гимназистки, реалисты и другие учащиеся. После этих событий многие семинаристы были исключены, даже семинарию временно закрыли.

12 декабря, когда в Москве и ряде других городов шло вооруженное восстание, по призыву Оренбургской группы РСДРП под лозунгом «Долой самодержавие!» забастовали рабочие Главных мастерских, депо, чугунолитейного и лесопильного заводов. Но властям удалось справиться с рабочими. Предприятия были закрыты, солдаты и казаки заняли вокзал, депо и мастерские, по улицам установили патрулирование. Полиция арестовала ряд руководителей группы РСДРП, 50 рабочих отдали под суд.

После подавления политической стачки воля рабочих не была сломлена. На более мелких предприятиях продолжались стачки, но с предъявлением лишь экономических требований. Революционную работу приходилось вести в более сложных условиях, но организация РСДРП выросла за время подъема движения. В 1906 году в ней состояло 200 человек. После того как в конце 1906 года власти закрыли газету «Степь», большевики организовали подпольную типографию, где печатали листовки и воззвания. Под руководством РСДРП продолжали проходить маевки, первая из которых состоялась в Оренбурге в мае 1904 года. Первой 1905 года рабочие встретили под лозунгом подготовки вооруженного восстания. Маевки 1906 и 1907 годов также были массовыми. Они проходили на Маяке и в лесу у Сакмары. Вот начало одной из листовок под заголовком «Первое мая»: «Первое мая, товарищ! Бросай работу, останови станок, застопорь машину... выходи на улицу». Заканчивается листовка призывом: «Да здравствует социализм!»¹.

В мае 1906 года произошло политическое событие — демонстрация у так называемой «Беловской» тюрьмы, то есть там, где сейчас сквер и цветочный магазин в начале улицы Терешковой.

В этой тюрьме политические заключенные в знак

ГАОО, ф. 343, оп. 1, д. 364, л. 906.

протеста против тяжелых условий объявили голодовку. 21 мая газета «Степь» сообщила об этом крупным шрифтом на первой странице: «СЕГОДНЯ ШЕСТОЙ ДЕНЬ ГОЛОДОВКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ». И все, больше ни слова, дальше шли обычные объявления, рекламы, сообщения. На следующий день, в воскресенье, рабочие, собравшиеся на митинг в Зауральной роще, решили идти к тюрьме, чтобы выразить свое сочувствие заключенным и просить их прекратить голодовку. В то время, когда один из демонстрантов обращался к узникам, изможденные лица которых можно было различить в окнах, прибывшие казаки начали стрелять и разгонять собравшихся. Двух человек убили.

Свыше пяти тысяч человек вышли 25 мая хоронить убитого у тюрьмы рабочего М. Н. Золотухина. Похоронная процессия, двигавшаяся по Николаевской, а затем по Инженерной на кладбище, которое тогда было там, где сейчас телецентр и Выставка достижений народного хозяйства, превратилась в политическую демонстрацию. Так в когда-то сонном Оренбурге проходили дни первой русской революции.

Вместе с ростом промышленности и деловой активности развивался город. Одновременно все резче становилась разница между центром и окраинами, где в условиях нищеты и скученности ютился трудовой люд. Здесь в небольших домах, а то и домишках без потолка и пола, по-местному землянках, жили по несколько человек на маленькую комнату, иногда еле уместаясь в ней на ночлег. В центральной же части в богатых домах комнат бывало больше, чем членов семьи вместе с прислугой. Здесь, идя в ногу с модой, которая, правда, в провинцию пришла с опозданием, строились дома в стиле модерн. Это были особняки и доходные дома, гостиницы и рестораны, то есть все для имущих слоев.

Стиль модерн, рожденный в прикладном искусстве, довольно резко отличался в архитектуре от предшество-

вавших стилей. Впервые проектирование шло изнутри наружу, а не наоборот, как было раньше. То есть исходным был интерьер. Если, например, нужен был зал с высоким потолком в здании, где все остальные помещения имели обычные габариты, его устраивали, причем там, где это было наиболее удобно, исходя из внутренней планировки, нисколько не беспокоясь о том, что здание будет разновысоким, асимметричным. Это как раз была одна из изюминок модерна — стиля буржуазных особняков, где архитектор мог показать, на что он способен, не будучи связанным строгими канонами.

В Оренбурге особняков успели построить не очень много, но зато все остальные типы зданий представлены широко. Модерн полностью отказался от так называемого тектонического декора, которым так широко пользовались эклектики, то есть ничего не поддерживающих колонн и пилястр, выполненных в штукатурке, фальшивых консолей и кронштейнов, и всего сопутствующего этому. Декор в модерне не выдавал себя за что-то иное, а был откровенно декоративен: растительный орнамент, подвески, эксцентрические окружности, эллипсы и тому подобное. В Оренбурге были случаи, когда ради моды меняли вид всего главного фасада здания, сбивая старый декор и выравнивая стену, а затем нанося на новую штукатурку модный орнамент. Но в целом для модерна сплошная оштукатуренная стена не типична, так как одним из принципов этого стиля было не скрывать материал постройки. Кирпич оставался кирпичом, но отличного качества, лицевой, он часто подбирался разных оттенков, что создавало своеобразную игру цвета. Стены членились лопатками с подвесками, иногда одними подвесками, выполненными в штукатурке. Карнизы, как правило, имели большой вынос и часто прерывались решенными в плоскости стены аттиками. Большое значение имел рисунок оконных проемов и переплетов рам. Они могли быть самой причудливой формы, как

например, в госбанке на Ленинской улице. Очень типична мелкая расстекловка выпуклыми стеклами части окна. К сожалению, сегодня это почти всюду утрачено, и здания потеряли значительную долю своей привлекательности. Судя по датам на зданиях, модерн пришел в Оренбург во второй половине первого десятилетия нашего века.

Накануне империалистической войны стали появляться и такие постройки, фасады которых решены с использованием исторических стилей, но со значительным влиянием модерна. Иногда это был больше модерн, как здание нынешнего ресторана «Урал», построенное в дополнение к Европейской гостинице (угловое двухэтажное здание по Советской улице), иногда больше ретро, как дом бывший Панкратова (Кирова, 28), но построек этого характера в Оренбурге очень мало. Не сдавала своих позиций и эклектика. Своеобразен дом, в котором ныне помещается исполком горсовета. Строился он для общества «Взаимного от огня и воды страхования» в 1914—1916 годах по проекту архитектора И. Ф. Курецкого. Подчеркнутая фундаментальность здания должна была служить показателем надежности общества. Так же как и это здание, многие достраивались, а иногда и строились уже в годы империалистической войны, хотя жизнь города не могла остаться прежней.

Уже через несколько дней после начала войны в августе 1914 года в городе начали разворачивать лазареты. Один из них поместился, например, в недавно построенном для приходского училища доме в Новом плане, и городская управа принимает меры, чтобы замостить к нему дорогу. Увеличилось население, в город стали прибывать беженцы, переселенцы, пленные. Для последних отвели место на Меновом дворе. В это время, согласно устному преданию, появилась Ситцовка за Уралом. Сначала это было временное поселение, где кое-как строились беженцы. Жили они в палатках, часто под

пологом из ситца — самого дешевого тогда материала. Отсюда и произошло название поселка. Многие большие и малые промышленные заведения перестроились в соответствии с нуждами армии. Значительно увеличилось число кожевенных, овчинных, салотопенных и мыловаренных заведений. На бывшем чугунолитейном заводе Грена, который в конце XIX века перешел в собственность Эверта, Тургайский военно-промышленный комитет стал выпускать мясные консервы¹.

К 1916—1917 годам относится появление жилых построек в Овчинном городке, но названия этого тогда еще не было. Отдельные промышленные заведения строились тут значительно раньше. Так, в 1881 году на Банном протоке около выхода Мошкова оврага, от которого теперь осталась только часть, стояли кишечный завод Тухтина, бойни братьев Деевых и других. На самом овраге не было еще ничего. Через десять лет здесь — уже другие предприятия. Вместо боен на протоке сооружена мельница Хусаинова, к северу от нее — костеобжигательный завод Тухтина и вдоль восточной стороны оврага — свинные загоны, последние просуществовали там до 1915—1916 года. Мельница же так и осталась там, часть старых построек еще существует. Во время войны по обе стороны Мошкова оврага построили кожевенные, салотопенные, овчинные и мыловаренные заведения, при них селились и хозяева. К юго-западу от оврага в 1917 году было два ряда заводов. По сути дела эти постройки положили начало нынешней улице Широкой.

В 1917 году была еще застройка на горе Маяк. Там располагались лагеря военных училищ, на северной стороне — городские дачи, принадлежавшие самому богатому слою горожан. На крутом берегу над Сакмарой находился небольшой мужской Богодуховский мона-

¹ ГАОО, ф. 41, оп. 1, д. 842, л. 33.

стырь, землю под который отвели в 1867 году. Ближе к вершине в старинных казенных каменоломнях разрабатывался камень. В Караваевой роще, в районе современного дома отдыха «Оренбургский», было несколько дач. От Главных мастерских в сторону города жилых строений не числилось, только ближе к железной дороге располагались скотобойни, некоторые другие предприятия, склады. К западу от мастерских вдоль склона по направлению к городу стояли кирпичные заводы, постройки самых крупных из них сохранились.

По другую сторону города с восточной стороны между Кузнечным и кладбищем находился довольно большой женский монастырь с внушительной церковью и высокой колокольней. Этот монастырь, называвшийся Успенским, развился из общины, основанной в 1854 году. Значительное количество старых построек сохранилось.

За Уралом, кроме упоминавшихся уже, было довольно много построек разного рода. Ниже моста вдоль основного русла, которое тогда поворачивало к югу и шло вдоль железной дороги около километра, выстроились сплошь шерстомойки. К югу от зауральных кузниц развернул лагерь Оренбургский гарнизон, а еще южнее на Дюковом протоке, который теперь засыпан в нескольких местах, стояли кожевенный завод Дюкова и кожевенный завод. Ближе к Меновому двору, там, где сейчас Заречный поселок, находились частные бойни и сушка кож. Этой же цели служило и большое пространство с восточной стороны Менового двора. В Зауральной роще вокруг большой поляны в несколько рядов располагалось значительное количество городских дач.

В таких пределах Оренбург стоял на пороге великих событий.

С самого начала первой мировой войны большевистская партия во главе с В. И. Лениным решительно выступила против нее, разоблачила ее империалистический характер, четко определила тактику партии, выдви-

нув лозунг превращения войны империалистической в гражданскую, поражения царизма в этой войне, создания нового Интернационала в связи с предательством лидеров II Интернационала. Царское правительство обрушило на большевиков репрессии, разгрому подвергались профсоюзы, почти все большевистские газеты и журналы закрыли.

Руководствуясь ленинскими установками, Оренбургская группа РСДРП развернула печатную и устную агитацию среди рабочих и солдат. В расположении воинских частей и на улицах Оренбурга 31 июля 1914 года были разбросаны листовки с призывом не верить царским обещаниям, организовываться и быть готовыми «с оружием в руках отстаивать права свои и всего народа!» Осенью 1914 года большевики ознакомились с манифестом ЦК РСДРП о войне.

Большую роль в революционном движении в Оренбурге сыграл приехавший в 1915 году П. А. Кобозев. Легальная деятельность его связана с военно-промышленным комитетом и организацией предприятий, работавших на оборону. С его приездом партийная организация города значительно активизировала свою работу, используя максимально и легальные возможности. Будучи, например, уполномоченным земского союза по постройке бараков для беженцев, где добровольно принимали участие многие рабочие, П. А. Кобозев часто выступал с лекциями и докладами. Рабочие все больше убеждались в необходимости и неизбежности свержения царизма. Несмотря на репрессии, происходили забастовки. Приближались исторические события.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД

За власть Советов

После февральской буржуазной революции в перенаселенном за годы войны Оренбурге наступили бурные времена. Расширилась политическая борьба между разными партиями, ранее остававшиеся нейтральными, люди выбирали между ними, а внутри партий яснее выявлялись группировки. Большевики и меньшевики в Оренбурге тогда состояли в одной партии. Но борьба между фракциями не прекращалась.

Выйдя из подполья, большевики развернули во всю мощь революционную борьбу. 1 (14) марта 1917 года в редакции «Оренбургского слова» получили известие от П. А. Кобозева о свержении самодержавия. В тот же день начались митинги. На одном из них, собравшемся перед зданием городской думы, председательствовал большевик В. И. Мискинов; на митинге в цирке (находился на территории современного сквера 8-го Марта, неподалеку от Дома быта) выступал большевик А. А. Коростелев. Митинги, организованные по инициативе большевиков, проходили в разных районах города.

В первых числах марта на предприятиях прошли выборы в городской Совет рабочих депутатов. Первым его председателем стал избранный на первом заседании горсовета 8 (21) марта токарь Главных железнодорож

ных мастерских большевик А. А. Коростелев. Вскоре Совет рабочих депутатов слился с избранным тоже 8 марта Советом солдатских депутатов.

С воскресенья 2 (15) апреля стала выходить газета «Заря» — орган Оренбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. В первом же номере городской комитет РСДРП приглашал 3 апреля всех граждан на политический митинг на Марсово поле, то есть туда, где в свое время был детский парк над Уралом. Но состоялся этот митинг на ипподроме.

Комитет РСДРП помещался в доме доктора Войцеховича на Хлебной площади (сейчас это здание «Скорой помощи»). Здесь же был и социал-демократический клуб с библиотекой. Большие собрания проводили в разных местах: например, в здании управы или думы. Первые собрания Совета проходили на Гостинодворской в доме Смочилина (сейчас главпочтамт). Сам Совет помещался в Караван-Сарае в бывшей квартире губернатора. Часто собрания организовывались в кинотеатрах, в зданиях мужской и женской гимназий.

Образовывались самые разные союзы, различные как по социальному, так и национальному составу. Большое количество поляков, военных и гражданских беженцев, вызвало к жизни польский социалистический союз. Собрания его проходили в школе при костеле, в этом же здании собирались литовцы. Объединилась еврейская молодежь, активно набирая в союз новых членов, она устроила свой центр в синагоге на Артиллерийском переулке (сейчас Орджоникидзе, 23). Собирались отдельно и казаки-магометане Оренбургского войска, выбрав для своего съезда Народный дом. Собрания и съезды происходили всюду, где имелось достаточное помещение или площадка; железнодорожники, например, устраивали свой съезд в Тополевом саду.

— Нужно иметь в виду, что в это время имелись и органы буржуазной власти: были комиссары Вре-

менного правительства, существовала и городская дума, выборы в которую происходили в ожесточенной борьбе. Избранными в думу оказались и большевики, но возглавлял ее эсер Барановский.

Двоевластие не могло не сказаться на поведении средних обывателей, по-разному воспринимавших слово «свобода». Участились грабежи, бывали самосуды. Так, в середине апреля в доме известного в городе купца С. П. Деева случился пожар; в толпе, собравшейся у дома, распространился слух, что, якобы, в доме найдены пулеметы, патроны, взрывчатка. Деева тут же избили. Начальник милиции, меньшевик Мастаев, вынужден был через газету опровергать эти измышления, поскольку, ничего, кроме 12 пудов (!) сахара, предназначенного для «собственных рабочих», найдено не было.

Часто происходили манифестации и демонстрации. Исполком горсовета постановил считать 18 апреля (1 мая) праздничным днем. Но праздник пришлось отменить: за день до Первомая в Форштадте случился большой пожар — сгорело 200 домов, вся ближайшая к городу часть. На призыв Совета о сборе пожертвований в числе первых откликнулись рабочие Главных железнодорожных мастерских, собравшие 1450 рублей 85 копеек. Уполномоченные от рабочих — В. И. Краснощеков, М. И. Старшинов, В. В. Кузнецов — распределили эти деньги между 47 семьями. Не столько круглая сумма рублей, сколько эти 85 копеек говорят о высокой сознательности и человечности самого передового отряда оренбургских рабочих, ведь они жертвовали не лишнее, да и людям, довольно далеким от них. А вот свои же форштадтские, пользуясь бедствием, начали «неимоверно набавлять своим жильцам плату за наем квартиры»¹.

Демонстрацией интернационализма явилась манифестация в честь Тургайского областного съезда Сове-

¹ Газета «Заря», № 19.

тов, она проходила 9 мая. Организации шли со своими знаменами, лозунгами, среди которых преобладал призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Демонстранты прошли по Николаевской и Неплюевской на Форштадтскую площадь, где выстроились по кругу вместе с казахами — делегатами съезда — и слушали выступления ораторов, речи которых одновременно переводились на казахский язык.

Широко развернулось профсоюзное движение. Начиная с марта, стали создаваться союзы, и к лету насчитывалось уже более 20 профессиональных союзов. Самые крупные из них — железнодорожников, мукомолов, кожевников. Как раз эти организации возглавляли большевики. В союзах работали политические кружки; собирались они чаще всего на квартирах. Кожевники, например, встречались в квартирах на Арендованных местах.

С возмущением встретили оренбургские рабочие известие о июльских событиях в Петрограде. Большевики выразили протест против действий Временного правительства, меньшевики же и эсеры выступили в его защиту.

В Оренбурге и губернии подняли голову контрреволюционные силы: образовалась «казачья демократическая партия», созданная верхами казачества, активизировались буржуазные националисты.

В начале августа большевики размежевались с меньшевиками. Большевистская группа, по воспоминаниям ветеранов, насчитывала около 70 человек. 10 сентября оформилась самостоятельная большевистская организация, которую возглавлял А. А. Коростелев. Он же стал редактором большевистской газеты «Пролетарий». Газета «Заря» стала меньшевистской, помещение же социал-демократического клуба осталось за большевиками. Газета «Пролетарий» должна была выходить дважды в неделю, типография ее помещалась на Кар-

риковском переулке, 16 (сейчас Лечебный). Вышло, однако, только два номера, третий был уничтожен «дутовским правительством». А. А. Коростелева арестовали, но вскоре выпустили по требованию рабочих, которые пригрозили общей забастовкой.

Среди рабочих неуклонно рос авторитет большевиков, о чем свидетельствует быстрое увеличение численности большевистской организации города. 26 сентября (9 октября) в ней насчитывалось 260 членов, а к 1 (14) октября — уже 500. Ветеран Оренбургской партийной организации Д. П. Саликов отмечает в своих воспоминаниях, что деятельность большевиков усилилась с приездом в Оренбург С. М. Цвиллинга. Он выступал во многих местах. Даже заболев, С. М. Цвиллинг пришел на запланированную лекцию на тему: «Социалистическая революция»; лекция состоялась в «Гранд-отеле» (сейчас Постникова, 15).

Несмотря на то, что после победы вооруженного восстания в Петрограде власть в Оренбурге захватил Дутов, в распоряжении которого имелись значительные военные силы, большевики готовились к вооруженной борьбе за установление Советской власти. Вернувшись 4 (17) ноября со II Всероссийского съезда Советов, С. М. Цвиллинг, назначенный правительственным комиссаром Оренбургской губернии, в тот же день выступил перед солдатами в цирке и на общегородском митинге, где была принята резолюция с требованием передачи власти Оренбургскому Совету.

Белоказаки опередили большевиков и первыми начали действовать, арестовав 7 (20) ноября большинство руководителей большевистской организации города. Многие сначала привезли в штаб Дутова, помещавшийся в домах правления Оренбургского казачьего войска, а затем перевели в главное отделение губернской тюрьмы на Введенской (тогда дом № 3, теперь это четная сторона). Сюда же поместили и арестованных дутовцами в

Караван-Сарае 14 (27) ноября членов Оренбургского Совета и созданного в этот же день Военно-революционного комитета во главе с С. М. Цвиллингом, после того, как был утвержден приказ о переходе власти к ВРК.

Но дутовцы не смогли остановить революционное движение, даже обезглавив его. Был избран новый подпольный комитет РСДРП (б). На первом заседании, проходившем в бандажном цехе Главных мастерских 15 (28) ноября, было решено создать подпольный отряд Красной гвардии. Избрали штаб во главе с А. Е. Левашовым. Первое заседание его состоялось на квартире у большевика Анпилогова на Крыжановской улице (ныне Немовская). Затем постоянным местом сбора стал дом К. Н. Котова, помощника А. Е. Левашова. Константин Назарович Котов жил в Нахаловке в маленьком доме на два окна, сейчас ул. Зиновьева, 63, но дом другой. Обучение красногвардейцы проходили вечерами. Тайком из Самары удалось привезти на паровозе оружие: пулеметы, винтовки, патроны. Все это выгрузили прямо у калитки дома в Нахаловке, мимо которого проследовал паровоз в мастерские. В состояние готовности привели и санотряд, руководимый М. Постниковой. Он собирался в Нахаловке, Новой стройке, на Арендованных местах. В этих же районах укрылись и бежавшие 12 (25) декабря с помощью красногвардейцев из губернской тюрьмы 32 большевика, которые, как писал А. А. Коростелев, «были в самом дружеском окружении среди рабочих».

Значительную роль сыграл красногвардейский отряд при освобождении города от дутовцев: в тылу дутовцев этот отряд вечером 16 (29) января захватил станцию Оренбург и держал ее двое суток до вступления в город красногвардейских отрядов вместе с возглавляемым С. Д. Павловым отрядом революционных моряков, присланным по указанию В. И. Ленина из Петрограда. Они освободили Оренбург и установили власть Советов.

Установив Советскую власть, сразу приступили к налаживанию работы промышленных предприятий, торговых и учебных заведений. По районам созданы были клубы большевиков, один из них помещался у мельницы в доме Юрова. Центральный клуб РКП(б) устроили в доме Чистозвонова на Николаевской (сейчас здесь абонементный зал областной библиотеки). Начали осуществляться первые социалистические преобразования. Председателем губисполкома, избранного на первом губернском съезде Советов, где сложил свои полномочия Военно-революционный комитет, стал С. М. Цвиллинг. Председателем городского комитета партии — С. А. Кичигин, председателем исполкома Оренбургского Совета избрали А. А. Коростелева.

24 января (6 февраля) 1918 года Советом Народных Комиссаров был принят декрет «О введении в Российской республике западно-европейского календаря». Всеми в республике, кроме представителей православной церкви, долгожданная реформа была встречена с большим удовлетворением. В ряде случаев новым стилем уже пользовались. Например, газета «Заря» перешла полностью на него еще с 10 мая 1917 года, давая даты по старому стилю в скобках.

Сложными были условия, в которых проходило упрочение Советской власти в губернии. Дутовцы продолжали борьбу, подняв мятеж. 2 апреля в станице Изобильной они почти полностью уничтожили красногвардейский отряд, прибывший во главе с С. М. Цвиллингом для подавления мятежа, а в ночь на 4 апреля совершили налет на Оренбург. Нападение было со стороны Форштадта, куда часть дутовцев сумела просочиться раньше. Много людей, застигнутых врасплох, погибло в начале этого внезапного налета, зарублен был редактор газеты «Известия Оренбургского военно-революционного комитета» С. С. Гринберг, зверски убиты располагавшиеся в казармах бывшего юнкерского училища красногвардей-

цы, где белоказаки не пощадили женщин и детей, приехавших навестить своих мужей и отцов, дикую расправу учинили они и в бывшем доме Панкратова на Гостинодворской, где в это время в части помещений было устроено нечто вроде общежития и там находились революционные матросы.

Несмотря на внезапность, город захватить не удалось. Устоял красногвардейский штаб под командованием П. С. Курача в Хлебном переулке в бывшем доме Брагина (тогда № 7, теперь № 4), где находился и отряд интернационалистов во главе с венгром Шипко. Сюда прибыли товарищи, спасшиеся из дома Панкратова. Как вспоминает бывший красногвардеец Б. Филонов, белые сначала пытались атаковать штаб с перекрестка Введенской, но пулеметный огонь из полуподвального этажа штаба подавил атаку. На перекрестке Николаевской и Гостинодворской белоказаки установили пушки и стреляли из них, корректируя огонь из Панкратовского дома; пытались обойти штаб со стороны Хлебной площади, но все напрасно. Руководимый большевиками Военно-революционный штаб избрал основной базой обороны вокзал и Главные мастерские. Собранные им рабочие-красногвардейцы к полудню выбили белоказачков из города. На траурном митинге во время похорон жертв набега выступавшие клялись отомстить за их гибель и до последней капли крови бороться за власть Советов. На могиле, там где сходятся теперь улица Цвиллинга и Парковый проспект, был насыпан холм, на верху которого позже поставили обелиск. В 1950 году здесь открыт памятник.

Снова потребовалась помощь В. И. Ленина, так как дутовцы не прекращали попыток прервать коммуникации и захватить город. В Оренбург из разных городов и с западного фронта прибыли советские воинские части, объединенные под командованием Г. В. Зиновьева, они до конца июня срывали все попытки белых.

Положение чрезвычайно усложнилось в конце июня в связи с мятежом Чехословацкого корпуса. Белочехи отрезали Оренбург от Советской России, захватив ряд городов и в том числе Бузулук. Отряды дутовцев значительно усилились. В связи с создавшейся ситуацией на совещании губкома РКП (б), губисполкома и командования войсками решено было вывести войска из города. Оренбург почти на семь месяцев снова оказался под властью Дутова. За это время дутовцы разграбили многие предприятия, оставили город без продовольствия и топлива. Сотни людей пали жертвами белого террора, среди них губернский комиссар юстиции М. Н. Бурзянцев, губернский комиссар труда С. А. Кичигин, член ВРК Б. А. Шафеев, председатель мусульманского ВРК, большевик Б. Я. Нуриманов.

Утром 22 января 1919 года части Красной Армии, продвигаясь одновременно с северо-запада и с юга, навсегда освободили Оренбург. Были восстановлены Советы, под руководством коммунистов началась борьба с разрухой. Председателем губкома РКП(б) стал И. А. Акулов, один из направленных ЦК в Оренбуржье опытных работников. Но городу предстояло еще одно серьезное испытание.

Весной 1919 года развернулось наступление армии Колчака, которая, захватив несколько городов, подошла к Самаре, Казани и Оренбургу.

Под руководством губкома РКП (б) трудящиеся города встали вместе с имевшимися войсками на защиту Оренбурга. Командарм 1-й армии Г. Д. Гай назначил начальником группы обороны города М. Д. Великанова. Комиссаром группы был А. А. Коростелев. Оборона Оренбурга началась с упорного боя 19 апреля на подступах со стороны станицы Нежинской. От края современного Оренбурга до того оборонительного рубежа всего около километра, рубеж отмечен памятным знаком к северу от шоссе. 210-й рабочий полк, партийная дру-

жина и отряд губчека устояли и отбросили белоказачков. 29 апреля белоказачки заняли Меновой двор и с горы Сулак начали обстрел города. Особенно близко белым удалось придвинуться к Оренбургу 15 мая, когда защитникам его пришлось отойти на правый берег Урала и сжечь за собой деревянный настил железнодорожного моста. Белые обстреливали город из орудий, пулеметов; форсировав Урал ниже Оренбурга, они начали наступление к железной дороге.

Благодаря неустанному вниманию В. И. Ленина, дважды в мае телеграфировавшего М. В. Фрунзе об оказании военной помощи Оренбургу, город удалось отстоять. По указанию М. В. Фрунзе, в распоряжение М. Д. Великанова были переданы военные части. Самое трудное время осталось позади, но бои вокруг Оренбурга продолжались еще в июне и июле. В целом оборона города длилась более 100 дней.

За свой подвиг рабочие Оренбурга были награждены Почетным революционным знаменем ВЦИК, которое секретарь ЦК РКП (б) Е. М. Ярославский торжественно вручил 12 июня 1921 года во время митинга на привокзальной площади. Знамя из его рук принимали Г. Дунаев, Н. Мутнов, П. Журевский, о чем был составлен и акт¹.

Едва успели отгреметь орудийные залпы, как в Оренбург с агитпоездом «Октябрьская революция» 19 сентября прибыл Председатель ВЦИК М. И. Калинин. Встречали его на вокзале, на привокзальной площади М. И. Калинин выступил с речью. Он принял участие в работе совещания ответственных работников Оренбурга, Казахстана и Реввоенсовета Туркестанского фронта во главе с М. В. Фрунзе. На этом совещании одним из вопросов был и пункт о будущей автономной Кирреспублике.

¹ Коммунар, 1921, 14 июня.

В Оренбурге, как и во всей стране, наступил период борьбы с разрухой, вызванной гражданской войной и интервенцией. В этих условиях территория города заметно расширяться не могла. Предприятия пришли в упадок: мукомолы работали только в одну смену, маслобойный завод и вовсе с перебоями, лесопиление уменьшилось на 50 процентов¹. Нужно было восстанавливать и развивать промышленность и сельское хозяйство. Для самого же города первоочередной задачей стало решение проблемы водоснабжения и канализации, улучшение санитарных условий. О каком-либо государственном жилищном строительстве в этих обстоятельствах речи идти не могло, тем более о расширении городской территории. Когда жизнь в городе начала входить в колею, горсовет предпринял первое переименование улиц. Переименовали и Нахаловку, поселок получил название «Красный городок», ведь большинство самых стойких борцов были выходцами отсюда.

Столица Киргизской АССР

Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 26 августа 1920 года, подписанный В. И. Лениным и М. И. Калининым, провозгласил образование Киргизской (Казахской) АССР. Оренбург и окружающие уезды как губерния вошли в ее состав. Оставаясь губернским центром, Оренбург одновременно стал столицей республики. Целесообразность такого решения была признана еще на сентябрьском совещании 1919 года в Оренбурге, на котором был М. И. Калинин.

Казахский народ еще никогда не знал своей государственности, и она рождалась в Оренбурге при братской помощи русского народа. Партийная организация губернии направила целый ряд опытных товарищей для ра-

¹ ГАОО, ф. 2282, оп. 1, д. 690, л. 26.

боты в аппарате Кирреспублики. Из них наиболее ответственные посты занимали Г. А. Коростелев — сначала член бюро, а затем секретарь Киргизского обкома партии; И. Д. Мартынов руководил Наркомпродом, заместителем наркома внутренних дел стал И. Ф. Киселев, двое из братьев Кашириных тоже вошли в республиканский аппарат: Иван Дмитриевич в качестве полномочного представителя ГПУ при КирАССР, Алексей Дмитриевич, начав комиссаром Ташкентской железной дороги, стал затем наркомом путей сообщения республики.

В октябре 1920 года в здании бывшего Общественного собрания (Советская, 17) проходил Учредительный съезд Советов Киргизской АССР. Много зданий города связано с размещением учреждений республики. В бывшей Казенной палате, прежнем генерал-губернаторском доме (Советская, 2), устроились КирЦИК, Совнарком, Наркомюст, экономическое совещание. Здесь работал С. С. Сейфуллин, как член Совнаркома бывал А. Т. Джангильдин — герой гражданской войны, бывший комиссар степного края, занимавший пост председателя Наркомсобеса республики. На Троицкой улице (сейчас Кобозева, 38) находились Киргизские обкомы РКП (б) и комсомола. На этой же улице в угловой дом у перекрестка с Рыбным переулком въехал Центральный совет народного хозяйства АССР (дом 31). Управление уполномоченного Кирнаркомпути и Управление железной дороги помещались на Гостинодворской улице в бывшем доме Панкратова (Кирова, 28), но часть служб приютилась в доме бывшего страхового общества (Советская, 60).

На Советской размещалось, разумеется, наибольшее число учреждений. В доме 9, где раньше был Киргизский военревком, находился Наркомвнудел, там, где сейчас Краеведческий музей, — Наркомпрод и Наркомат РКИ. Здесь были и губернские учреждения — Оренбург-

ские губкомы РКП (б) и комсомола занимали дом 20, где сейчас областная библиотека. Советская, 7 (здание бывшей русско-киргизской школы) — адрес первого в истории Казахстана высшего учебного заведения — Киргизского института народного образования, открывшегося в 1920 году. Он готовил учителей национальных школ, здесь же повышали свой общеобразовательный уровень работники государственного аппарата республики. На рабфаке, который открылся в 1921 году и работал в здании нынешнего пединститута (дом 19), среди слушателей-казахов, а их было около 30%, учились будущие известные писатели Сабит Муканов и Габит Мусрепов.

Учились и начали свой творческий путь в Оренбурге такие деятели культуры, как С. Кожамкулов, К. Умурзаков, К. Бадаров и другие. В аппарате республики работал Мухтар Ауэзов — будущий академик и общественный деятель. В доме 7 по Пионерской улице жил и творил Сакен Сейфуллин — поэт и писатель, первый председатель Совнаркома Киргизской АССР.

В 1921 году создано было Киргизское государственное издательство. Его поместили в доме 4 по Хлебному переулку, а русско-киргизскую типографию в Караван-Сарае. И. Д. Каширин как уполномоченный ГПУ работал в помещении бывшей гостиницы «Бристоль» (Кобозева, 42).

Создавать аппарат и работать приходилось в сложных условиях. К разрухе и голоду добавилась в 1921 году еще эпидемия холеры, постоянно приходилось бороться с тифом. Несмотря на все трудности, с братской помощью рабочих и служащих города, руководимых партийной организацией, были заложены основы не только государственности Казахстана, но и его экономики и культуры.

От царского времени городу досталась значительная разница между жилым фондом центра, где были 2- и 3-

этажные каменные дома, и жилым фондом окраин, застроенных деревянными одноэтажками. По мере удаления от центра повышалась скученность, так в 1916 году на каждую комнату в центре приходилось 1,67 человека, в Старой и Новой слободках — 2,18 и в Новой стройке — 2,94, то есть вдвое больше, чем в центре¹. Если учесть, что площадь комнат на окраине значительно меньше, чем в центре, разница возрастает.

С установлением советской власти было произведено более равномерное распределение населения: неимущие слои переселились в муниципализированные дома, до этого принадлежавшие буржуазии. К 10 сентября 1919 года таких домов насчитывалось уже 247².

В бывшей Нахаловке, где жили преимущественно рабочие Главных железнодорожных мастерских и железнодорожники, в 1923 году наметилась улица Рабочая, кроме того распланированы были еще кварталы к западу от первоначального поселения.

Застройка Красного городка происходила по проекту главного инженера губисполкома, одного из авторов памятника В. И. Ленину в Ленинском садике, архитектора-художника И. В. Рянгина. Это первый вариант расширения города в советское время. Проект учитывал уже сложившуюся застройку и транспортные пути, вдоль которых местами, видимо, уже существовали отдельные постройки. Дорогами, проходившими в обход Главных мастерских с запада на восток и с севера на юг, то есть с Маяка на переезд к Новой стройке и от переправы через Сакмару к кирпичным заводам, определились перекрещивающиеся улицы — Магнитогорская и Бебеля; бывшими дорогами определяется, видимо, и направление улицы Блока, части Интернациональной

¹ ГАОО, ф. 2282, оп. 1, д. 690, л. 21.

² ГАОО, ф. 63, оп. 1 а, д. 31.

и некоторых других. По этому проекту пространство к северу от Клубной улицы между Лесной и Садовой оставлялось под сад, несколько меньших размеров сад проектировался и к северу от улицы Розенберга почти симметрично первому. Сады предусматривались и в других частях. Места эти впоследствии были заняты, но в целом Красный городок строился без принципиальных отклонений от проекта.

В 1924 году «по смежности с Орлесом» было отведено еще 128 усадебных участков. Застройщиками были преимущественно рабочие железнодорожных мастерских и завода «Орлес», который, не считая предприятий НКПС, был тогда единственным с числом рабочих более 500. Таким образом, Красный городок оставался чисто рабочим районом города, который к тому же сначала воспринимался как несколько обособленное поселение, причисляясь в отдельных документах к пригородам Оренбурга. Он и действительно отделялся от города обширной Сырейной площадью. Часть названий улиц Красного городка дублировала городские.

До 1922 года не входил в состав города Форштадт, оставаясь отдельной единицей. После присоединения к городу он получил официальное название «Оренпосад».

В 1924 году в Средней Азии было проведено территориальное размежевание. Значительно увеличилась территория Киргизской АССР. Этот рост потребовал переноса столицы республики в глубь, поскольку Оренбург занимал окраинное положение по отношению к основной территории республики. К тому же экономически он больше тяготел к Южному Уралу. Поэтому в феврале 1925 года было принято решение перенести столицу Казахской АССР, как она стала с этого времени называться, в Кзыл-Орду. Оренбургская губерния выделилась из состава Казахской АССР и отошла к РСФСР.

Недолго пробыл Оренбург губернским центром. С 1928 года он стал окружным, так как Оренбургская

губерния вошла как округ в Средне-Волжскую область, затем преобразованную в край, в который входили современная Ульяновская, Пензенская, Куйбышевская области и Мордовская АССР. В 1930 году Оренбург оказался на уровне районного города в связи с ликвидацией округа, и в этом положении оставался до конца 1934 года.

Первые крупные стройки

Среди многих задач, которые пришлось решать Оренбургскому горсовету, одной из первоочередных было водоснабжение. Городское самоуправление дореволюционных времен так и не смогло справиться с задачей — дать городу чистую, годную к употреблению в сыром виде воду, хотя много бумаги было исписано, а разговоров и обсуждений состоялось еще больше. Городской Совет рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов, председателем которого в это время был Константин Назарович Котов, неустанно занимался налаживанием коммунального хозяйства и делал все, что было тогда в пределах его возможностей. На основании декрета СНК РСФСР от 20 декабря 1924 года на началах хозрасчета в 1925 году был создан городской трест «Водосвет», который стал заказчиком строительства городского фильтра и водонапорной башни. Исполнителем работ была Оренбургстройконтора.

Начали с фильтровальной станции, потому что в первую очередь необходимо было иметь чистую воду. К строительству приступили в апреле 1926 года. Станция строилась над Уралом на месте старой оборонительной казармы, для того, очевидно, чтобы использовать ее фундамент и кирпич. Таким образом, это здание фиксирует место и направление старинной крепостной куртины между Успенским и Преображенским бастионами, поскольку оборонительная казарма в свое время заменила ее. Работы по фильтрам и другому механическому оборудова-

нию вело госбюро «Нептун». По договору строительство следовало закончить к 1 июля 1927 года.

Весной 1926 года решается и вопрос о строительстве водонапорной башни, взамен той, что находилась около артиллерийского двора. Новое место было выбрано инженерами еще до революции. Ее хотели строить сразу в том же сезоне, главным образом потому, что, как говорилось на заседании президиума исполкома 11 мая 1926 года, «городская электрическая станция... в зимнее время работает без резерва» и включение в сеть новой водонапорной башни «в значительной степени облегчит работу городской электростанции»¹, так как не нужно будет расходовать энергию на лишнюю подкачку воды.

Работу все-таки начать не удалось. Общее положение с водой можно проиллюстрировать маленьким частным примером — выдержками из протокола заседания горсовета от 13 апреля 1926 года: «16. Учитывая тяжелые условия жителей, вновь поселившихся на бывшем ипподроме (кварталы к северу от улицы Орлова и востоку от улицы Терешковой, распланированные в 1924 году.— В. Д.), в смысле водоснабжения и принимая во внимание перенесение водонапорной башни в текущем году, что не дает надежды на прокладку ветки и устройство водоразборной будки на бывший ипподром, теперь же принять меры к устройству на вновь указанной части хотя одного колодца, изыскав для этой цели необходимые средства... 22. Установить открытие водоразборных будок в летнее время с 8 часов утра и закрывать таковые в 8 часов вечера»².

Для оперативного руководства строительством был создан «Водостройком»; руководство им взял на себя председатель горсовета К. Н. Котов. При комитете организовали техсовещание, одним из участников которого

¹ ГАОО, ф. 63, оп. 1, д. 7, л. 102.

² Там же л. 62.

и секретарем был инженер «Водосвета» Я. Ф. Комягин, всю свою долгую трудовую жизнь отдавший оренбургскому водопроводу.

За зиму 1926/27 года завезли все необходимые материалы и весной начали строительство водонапорной башни. Автор проекта губернский инженер И. В. Рянгин с городским архитектором С. С. Пунтиковым сами дважды освидетельствовали кирпич — на заводе и на строительной площадке. Из пяти сортов специально выделили облицовочный. Стены возвели в один сезон, но закончили строительство в 1928 году. В эксплуатацию башню приняли в феврале 1929 года. Фильтровальную станцию приняли раньше, осенью 1927 года, но испытания отложили до весны. Запасной резервуар башни вмещал 80 тыс. ведер. Башня беспрерывно проработала до второй половины 1950-х годов, когда ее выключили из системы, так как технически она перестала соответствовать условиям: высшая точка резервуара оказалась уже ниже необходимого для напора воды уровня, поскольку появились здания на более высоких местах, повысилась этажность.

Трактовка фасадов как фильтровальной станции, так и башни, близка по мотивам архитектуре конца XIX — начала XX веков, но не соотносима с каким-либо из стилей того времени. Известное влияние здесь, по-видимому, оказали дореволюционные проекты, а их было несколько. Особенно интересна башня. Не скрывая ее утилитарного назначения, архитектор постарался придать ей изящество, несмотря на достаточно грузные формы, ведь вес только одной воды, которую надо было удерживать, составлял около тысячи тонн. Оконные проемы, их ритмика, распределение и формы придают всему зданию определенную легкость. Кроме цоколя, окна расположены в трех ярусах. Расширяющийся книзу цоколь подчеркивает фундаментальность постройки, ее устойчивость и хорошо уравнивает верхнюю, более

широкую часть башни. Массивный несущий ствол, несмотря на отношение его высоты вместе с цоколем к диаметру примерно как 1:1, кажется более вытянутым благодаря высоким стрельчатым окнам первого яруса и лопаткам между ними, расчленяющим эту часть фасада. Оба сооружения — фильтровальная станция и водонапорная башня — первенцы крупного строительства советского Оренбурга.

Одновременно решался вопрос и о возведении новой электростанции, так как имевшаяся не обеспечивала город и работала на пределе. Место для нее выбрали на горе Маяк, соответственно и название дали «Красный маяк». Проект был утвержден в 1927 году. 1 мая 1928 года состоялась закладка электростанции, в строй вступила она в 1932 году, несмотря на значительные трудности с материалами и оборудованием.

С весны 1927 года начала работать радиовещательная станция, транслируя Москву и ведя местные передачи. До этого с 1918 года существовала только радиотелеграфная станция.

С 1926—1927 годов от Главных железнодорожных мастерских, которые с осени 1928 года стали называться паровозовагоноремонтным заводом (ПВРЗ), началась плановая застройка на Сырейной площади. В основных чертах распланировка проходила также по проекту И. В. Рянгина. Названо это место по сырью: на площади производилась сушка кож. Перенесли ее за Урал еще в 1911 году, но мест для строительства до революции здесь не выделяли, хотя рабочие и служащие железной дороги в свое время просили об этом городскую думу. Новые кварталы сначала называли 2-й Красный городок на Сырейной площади, затем в 1929—1930 годах, в заявлениях жителей, поселение названо Ленинским городком¹. Но окончательно закрепилось название «Сырей-

¹ ГАОО, ф. 63, оп. 1, д. 195, л. 10, 59.

ная площадь» или менее официально «Сырейка». К 1931 году застроенной оказалась уже значительная часть Сырейной площади. Направление улиц Желябова, Ломоносова (тогда ул. Цюрупы) и, вероятно, улицы Пестеля определилось, так же, как и некоторых улиц в Красном городке, — бывшими дорогами с неплановой застройкой вдоль них. Большая площадь, до примыкавших к полосе отчуждения железной дороги баз, складов и бойни, на основе которой позже образовался мясокомбинат, оставалась незастроенной; только вдоль Орлесовского шоссе между улицами Культурной и Ногина совершенно отдельно располагался участок жилищного кооператива железнодорожников. Значительный участок этой площади, ее юго-восточная часть, оставался еще свободным к началу Великой Отечественной войны, резервировался, по-видимому, для государственного строительства. В 1935 году здесь, например, предполагалось разместить фабрику легкой промышленности.

В остальных районах города заметных изменений не происходило. В Новой стройке осваивались площади, отведенные под дворовые места еще до революции, это касается преимущественно ее восточной стороны. Небольшое увеличение застройки происходит ближе к центру города между Новой слободкой и Форштадтом — на восток от бывшей слободки за полем радиостанции и Кузнечным, то есть к северу от улицы Орлова; еще в 1924 году отвели девять кварталов под «Новые усадьбы». Таким образом, улицы Орлова, Сухарева, Кичигина, Невельская получили продолжение до линии Тракторной улицы. К началу 1931 года оформилась часть Челябинской улицы (пр. Победы). Здесь на восточной стороне застраиваются три квартала: первый напротив Кузнечного, а два других дальше на северо-восток, доходя почти до линии нынешней Орской улицы. Одновременно появляется и улица Плеханова. Со стороны Форштадта в этот же период началась за-

стройка так называемых Пороховых. Здесь отвели семь кварталов между Туркестанской и Красногорской (тогда Володарского), начиная от Ипподромной и до Уральской улицы.

С западной стороны города к началу 30-х годов жилые постройки появились еще в двух местах: в Овчинном городке несколько маленьких кварталов и появилась неплановая застройка на территории Подмаячного поселка. Эти первые постройки носили название Кирпичных рядов, по-видимому, по причине соседства с кирпичными заводами. Затем поселение стало называться «Курмыш», пока не получило название «Подмаячный».

За Уралом продолжала расти Ситцевая деревня. Застройка началась, очевидно, со стороны Менового двора по направлению к Уралу. Сначала она не заходила за северную часть древнего русла Яика, называемую Дюковым оврагом. На западе пределом было полотно железной дороги, на востоке — шоссе. Затем поселение стало распространяться за оврагом на север. Эту часть поселка в середине 20-х годов именовали Новым Петроградом, а затем Новым Ленинградом; причем в 1931 году все поселение названо «Новый Ленинград». Возможная причина этого названия — близость реки, но нельзя исключить и затопляемость паводковыми водами ближней к Уралу части, что могло ассоциироваться с петроградскими наводнениями (в связи с последним обстоятельством северная часть поселка, что первоначально была названа Новым Петроградом, в послевоенные годы перестала существовать, жители оттуда переселились). По ассоциации с Петроградом и часть улиц получила соответствующие названия: Невская, Гороховская. Последняя названа, по-видимому, по аналогии с бывшей Гороховой, а ныне улицей Дзержинского в Ленинграде.

Южнее Менового двора на городской земле в 1927 году происходит распланировка по радиально-кольцевой

схеме поселка Пугачи, тогда официально называвшегося «Пугачевский городок»¹.

Ориентирован он на станцию Меновой двор и рос довольно быстро: к началу 1931 года он четко ограничивался Донгузской улицей и линиями современных улиц Курчатова и Гвардейской. В дальнейшем расширение поселка продолжалось по той же схеме вплоть до 60-х годов, когда планировка перешла постепенно к прямоугольной схеме.

В том же 1927 году в ведение Оренбургского горсовета был передан по решению губисполкома поселок Карачи, возникший еще до революции и застроенный довольно хаотично. Он определялся как «пригород, входящий в состав Оренбурга», сельсовет в нем сохранялся. Тогда в Карачах было 85 процентов саманных домов, 10 — засыпных и только 5 — деревянных.

По сравнению с дореволюционным временем к началу 30-х годов заметно увеличился выпуск продукции. Уже в 1926—1927 годах уровень ее составил более 106% по сравнению с 1913 годом, а в 1932 году — последнем году первой пятилетки — по сравнению с 1927—1928 годами — ее началом, выпуск промышленной продукции без предприятий НКПС составил более 248%.

Возникли новые для Оренбурга отрасли промышленности: комбикормовая, швейная, шорно-седельная. В 1931 году пущен завод тракторных деталей. Были реконструированы старые предприятия. Темпы роста увеличились во второй пятилетке. Так, только за три года выпуск продукции увеличился почти на 100%, составив в 1935 году, тоже без предприятий НКПС, 345,8% по сравнению с 1927—1928 годами. Что же касается предприятий НКПС, то важнейшее и одновременно крупнейшее предприятие Оренбурга — паровозоремонтный завод — в 1935 году дало продукции на 7 млн. рублей и имело

¹ ГАОО, ф. 63, оп. 1, д. 18, л. 831.

2900 рабочих. Всего за две пятилетки построили 12 заводов и фабрик.

В тесной связи с развитием промышленности происходит и дальнейшее расширение города, причем главным образом в районе промышленных предприятий, где идет плановая застройка участков, предоставляемых рабочим под индивидуальное строительство. С 1929 года строить полагалось только по разработанным типовым проектам. К 1935 году застроилась еще часть Сырейной площади, появляются четыре квартала между улицей Ногина и Деповской, начиная от улицы Котова, и ряд других. В Красном городке планомерно застраиваются распланированные ранее кварталы.

В этот период государственного жилищного строительства было еще мало, производили прежде всего ремонт старого жилищного фонда. Первые 13 восстановленных домов, общей площадью 4500 кв. метров сдали в 1924 году. Кроме этого, некоторые дома надстраивали, часть из них, правда, не для жилья, а для учреждений. Однако несколько крупных зданий было заложено уже в этот период. С 1 июля 1926 года началась организация жилищно-арендно-кооперативных товариществ, или жактов.

Значительное внимание горсовет уделял благоустройству. Правда, не все мероприятия и решения можно признать правильными. Например, в июне 1928 года президиум губисполкома утвердил проект строительства стадиона в «объединенных садах», куда входили сад Караван-Сарая, сад им. Либкнехта и, по-видимому, сад им. 4-го Апреля. Мотивировалось решение и тем, что 80 процентов работы уже выполнено. Стадион был на месте сегодняшних кинотеатра «Космос» и кафе и подходил вплотную к Караван-Сараю, в котором размещался башкирский педагогический техникум. На то, что стадион здесь просуществовал короткое время, по всей вероятности, повлияли возражения коллектива педтехнику-

ма. В письме инспектора БНК РКИ Бикбаева от 4 декабря 1928 года предлагалось прекратить работы. Он указывал на неодобрительное отношение к этому башкир, на то, что Караван-Сарай имеет музейную ценность, а произведенная «разломка ограждений сада и приспособлений фонтана (он был перед минаретом) противоречат требованиям закона об охране памятников старины», писал он и о недопустимости устройства катка на братской могиле, где захоронены красногвардейцы татары и башкиры, погибшие во время белоказачьего налета в апреле 1918 года¹. Были разрушены некоторые здания, в том числе Меновой двор, на необходимость сберечь который указывал еще нарком просвещения А. В. Луначарский. В 1932 году решено было «поставить вопрос перед Главнаукой об исключении мечети Караван-Сарая из списка зданий, имеющих историческую ценность². При этом, подобные действия, необходимо, однако, учитывать и всю совокупность особенностей того времени. В целом подавляющее большинство решений и работ по благоустройству и упорядочению городского хозяйства были очень правильными и нужными.

В 1926 году в феврале горсовет произвел широкое переименование улиц города, одновременно упорядочивали и нумерацию, вплоть до перемены четных и нечетных сторон улиц.

Впервые в городе появился механический общественный транспорт: открылось автобусное движение. 29 сентября 1925 года в Оренбург из Ленинграда прибыло 5 автобусов марки «Форд». Это были маленькие 12-местные машины. Торжественно открывалось автобусное движение. 10 октября в полдень машины вышли из гаража, который был в Народном доме. При большом скоплении народа председатель горсовета К. Н. Котов

¹ ГАОО, ф. 63, оп. 1, д. 28, л. 69—72.

² Там же, д. 652, л. 59 об.

выступил с краткой речью, после чего автобусы приняли первых пассажиров около Дворца труда (Цвиллинга, 1) и, разделившись на две группы, отправились по маршрутам: одни — на Кооперативную улицу (ныне Кирова), другие — по улице Цвиллинга к виадуксу, где была конечная остановка. Первые маршруты были хорошо продуманы: от конечных остановок автобусы шли через центр. Движение открывалось с 7 часов и продолжалось до 24 часов. Как писала газета «Смычка», успех превзошел ожидания: за первые 2 дня выручка составила 600 рублей.

Сразу намечалось и дальнейшее расширение автобусного парка. Заказано было еще пять однотипных машин, а в дальнейшем планировался переход на более вместительные автобусы. Планы осуществить в ближайшие годы не удалось, и «бригада коммунальной секции» горсовета 30 октября 1932 года отметила в своем акте, что работают все те же 5 автобусов, имеют 85% изношенности, на остановках часто стоят очереди ожидающих, и некоторые жители Красного городка или Форштадта предпочитают ходить на работу или домой пешком.

В 1929—1930 годах начинается серьезная работа по проектированию постоянного моста через Урал. Одновременно думали и о пуске трамвая в городе. Но из-за отсутствия достаточных средств строительство моста в то время осуществить не удалось.

С 1930 года Оренбург стал вузовским городом: открылся ветеринарно-зоотехнический институт, вскоре ставший агрозоветинститутом, а впоследствии переименованный в сельскохозяйственный. Институту отдали здание бывшего женского епархиального училища.

В этом же году открылся и педагогический институт с факультетами истории и литературы, физико-математическим, естественно-географическим.

Оренбург областной

По постановлению ВЦИК от 7 декабря 1934 года из Средне-Волжского края выделилась Оренбургская область, город стал областным центром. Это усилило роль его как хозяйственно-экономического и культурного центра. Население стало заметно увеличиваться: в 1926 году — 123,3, в 1932—145, в 1934—143,5 в 1936—166 тыс. человек¹. К 1939 году население увеличилось до 172 925 человек. Значительно вырос городской бюджет. В 1935 году он составил 14,4, в 1936—27,6 и в 1937—30 млн. рублей, то есть за два года более чем удвоился.

С организацией области связана история некоторых зданий. В областном драматическом театре проходил в январе 1935 года первый областной съезд Советов. В историческом доме на улице Кирова, 28, где в свое время помещался ВРК и революционные матросы, разместился обком ВКП (б) и облисполком.

Главной стройкой второй половины 30-х годов было возведение по проекту архитектора И. Виноградова Дома Советов, начатое в 1936 году.

Увеличился объем жилищного строительства, в том числе и в центральной части города. К 1939 году здесь было возведено 8 многоквартирных домов, среди них по Советской 11, 14, 56, 66. Ряд крупных зданий надстроили, притом очень удачно, как по архитектурному решению, так и по качеству работы. Пример — помещение госбанка на Ленинской улице.

Архитектура новых домов типична для 30-х годов. Их объединяет одна характерная черта — выявление связи формы с конструкцией. Лестничные клетки, например, в них выделены ризалитами или сплошными окнами по вертикали. Архитектура в этот период отошла от конструктивизма и искала новые формы. Ставилась задача выработать свой советский стиль.

¹ ГАОО, ф. 2282, оп. 1, д. 690, л. 136.

В конце второй и начале третьей пятилеток горсовет принимает ряд решений о постройке детских яслей, садов и школ. Под них отводят свободные места во всех частях города, включая и бывшие культовые здания. В этот период строится дом школы № 2 на планировавшейся ранее под сад части бывшей Чернореченской площади. Тем самым вместе со строительством для работников «Заготзерно» дома 8 по улице Кирова, улица Бурзянцева оказалась перекрытой и укоротилась. Одновременно нумерацию на улице Кирова стали вести от Чичери-на. До этого она теоретически начиналась от улицы Бурзянцева, а перед ней была площадь, доходившая до Соляного переулка. Школа № 46 и магазин — первые здания в застройке бывшей Ардатовской площади, переименованной в Елькинскую.

Во всех районах города строительство велось на свободных местах. В Новой стройке, все еще отделявшейся от Новой слободки Мариинской площадью, переименованной в Торговую, частично застраивается, а частично используется для других целей, в том числе и под сад, бывшая Николаевская площадь, которая стала именоваться площадью Октябрьской революции. Новая стройка расширяется и к востоку. В 1938 году разбивают несколько кварталов по другую сторону Леушинской улицы. На западе она ограничивалась линией нынешней Полтавской улицы, тогда здесь было еще обширное пространство почти до железнодорожной ветки на Орский товарный двор, называвшееся Первомайской площадью. Северная граница оставалась стабильной, проходя по Авиационной улице (ныне Шевченко), застроенной по южной стороне.

В Овчинном городке построек прибавилось настолько, что начали намечаться улицы. Граница Аренды стала проходить по 1-й Семафорной, тогда называвшейся Семафорным переулком. В этой части застраивается южная сторона 1-й Гончарной, сейчас Мусы Джалиля.

Продолжает расти Красный городок, где увеличивается количество кварталов к северу от улицы Розы Люксембург, начиная от улицы Калинина и почти до Орлесовского шоссе. Центральная площадь, которую занимал колхозный базар, частично застраивается. Базар в этой связи перенесли на свободное место за Орлесовским шоссе, к северу от железнодорожной ветки к ПВРЗ, то есть он оказался напротив самой старой части Красного городка. В 1938 году под новую застройку отвели значительный участок на западе, разбив на кварталы местность между Вагонной улицей и линией современной Западной в направлении к северо-западу от улицы Розенберга до линии Химической.

Дальнейшее развитие получает плановая застройка на Сырейной площади. В 1939 году на кварталы разбили участок южнее Деповской улицы в сторону мясокомбината; постепенно застроилось пространство между улицами Вокзальной и Кривцова, в результате чего появились новые переулки — Сырейный и Садовый, переименованный позже в Молодежный.

Растет стройка к востоку от улицы Плеханова, где появились Кардонные улицы и Мельничная или Мало-Мельничная в отличие от Мельничной площади, названной по находившимся на ней ветряным мельницам, которые стояли в районе современных домов № 14, 16 и 18 по проспекту Победы и к востоку от них. Кардонные улицы, должно быть, названы по санным кардам, или складам, занимавшим когда-то большое пространство между нынешними улицами Ваана Теряна и Ленинградской в районе Самолетной и Хакимова; в этот период карды доходили приблизительно лишь до линии улицы Куйбышева. Само название образовано несколько неудачно, следовало бы именовать улицы «Кардовые» или «Кардные», иначе возникают ассоциации со словом «кордон» и появляется мысль о том, что в слове допущена ошибка в написании (иногда можно встретить

«исправленный» вариант), в то время как никаких кордонов в этой местности не зафиксировано, направление же этих улиц прямо на бывшие карды. Интересно отметить, что тогда этот небольшой район назывался поселок «Восточный».

В 1938 году произошло удлинение Красного посада, где под индивидуальное строительство отвели девять кварталов между улицами Туркестанской и Мало-Советской, которая в этом же году была переименована в улицу Чкалова. Распланировку произвели до Нежинской улицы. По тому же постановлению отведены были и четыре квартала между Туркестанской и Красногорской (тогда уже не Володарского, а 2-я Володарского), начиная от Уральской улицы. Эта территория относилась к Пороховым.

Вместе с увеличением количества улиц и их удлинением имело место и небольшое сокращение: закрывается улица Новая между улицей Чичерина и Хлебной площадью в связи с передачей этой части дивизиону ОГПУ.

Кроме плановой, в некоторых местах происходила и стихийная или самовольная застройка. Так, на Сырейной площади между улицами Ногина и Дёповской к востоку от улицы Войкова появляется неорганизованная группа домов, общее направление застройки которых определялось бывшим здесь ранее складом. Этой застройкой объясняется существование и направление 2-го Проезда и Морозовского переулка, которые значительно выходят из общей системы планировки в этой части города. Южнее Дёповской тоже шла неплановая застройка. По всей вероятности, и по краю Соболевой горы.

В 1938 году завершилась работа над генеральной схемой планировки Оренбурга, выполненной архитектурно-планировочной мастерской № 1 города Москвы Наркомхоза РСФСР. Схема предусматривала полную реконструкцию города. Осуществлению ее помешала война,

но дальнейшая планировка ряда новых районов города, особенно его северо-восточной части, и до и после войны происходила исходя из ее основных принципов.

В 1940 году произвели разбивку кварталов под индивидуальное строительство в северо-восточной части города, что полностью соответствовало генеральной схеме. В два этапа, в июне и августе, распланировали кварталы на площади от современной Самолетной улицы до Расковой между улицами Глинки и Ваана Теряна, и от улицы Хакимова до переулка Крымского между улицами Глинки и Полигонной. Одновременно отведены были места к северу от нынешней Красногорской улицы до Харьковской, между улицами Кима и Ульянова. Таким образом планировочно соединились северо-восточная и восточная части города. Названий улицы тогда не получили, а делились на проезды и линии.

Хотя на периферии под застройку были отведены значительные площади, ближе к центру оставалось еще много свободного места, поскольку индивидуальную застройку здесь не планировали. Свободной оставалась часть бывшей эспланады, пространство от Туркестанской до улицы Аксакова, не было капитальных построек, кроме школы № 22, и на территории от Нижегородской улицы до Челябинской (сейчас ул. Терешковой и пр. Победы) и за ней — до современной Выставочной, начиная от центрального колхозного рынка и до Кузнечного. Единственной крупной постройкой была здесь тогда швейная фабрика.

Постепенно застраивается Торговая площадь, в частности, наряду с ранее построенной инфекционной больницей здесь возвели здание хирургической, создав больничный городок. В результате, кроме площади, появляется Торговая улица.

В центральных кварталах города возводятся еще несколько многоэтажных построек, среди которых выделяется здание на Пушкинской улице, строившееся на ме-

сте части бывшего Гостиного двора под гостиницу на 144 места, но по первоначальному назначению так и не использованное.

На периферии города, кроме застройки, планомерно распространявшейся от центра, было еще несколько небольших поселений, связанных в большинстве своем с предприятиями: на территории завода «Орлес», называвшееся часто Орлесовским городком, на шпалопропиточном заводе, на Соболевой горе, на берегу Сакмары и несколько построек южнее электростанции на горе Маяк. Таковы были пределы города к лету 1941 года. Население достигло 173 тыс. жителей.

Значительно шагнуло вперед дело образования и культуры в областном центре. В 1939 году в двух его институтах обучалось 2578 студентов (в 1930-м было 797). В 1936 году завершилось строительство общежития для сельхозинститута, который годом раньше отметил свой пятилетний юбилей. При педагогическом институте с 1935 года открылся двухгодичный учительский. Открытие его было связано с острым недостатком учительских кадров в школе в связи с переходом в 1933 году на обязательное семилетнее обучение. Для института было построено общежитие, занявшее так же как и здание, предназначавшееся для гостиницы, часть южной стороны бывшего Гостиного двора. В 1938 году здание института надстроили двумя этажами.

К 1939 году в городе было 8 техникумов и училищ; среди них автодорожный, путей сообщения, сельскохозяйственный колхозный техникум, педагогическое и музыкальное училища, фельдшерско-акушерская школа.

Школ в 1939 году было всего 46, в том числе 20 средних, остальные начальные и неполные средние, то есть семилетки.

Значительно расширилась сеть культурных учреждений. Кроме драматического театра, существовавшего уже почти 80 лет, в 1935 году была организована труппа

Театра музыкальной комедии. Театр поместился в здании бывшего Народного дома, открытом после перестройки в 1936 году. 18 июля 1935 года свое первое представление на открытой эстраде в детском парке им. Кирова дал организованный в этом году театр кукол. Своего помещения у него не было, в зимнее время спектакли проходили преимущественно в клубах. 14 февраля 1936 года на Пионерской улице открылся Дом пионеров.

Широки были планы дальнейшего развития города. Намечалось расширение его за Новой стройкой, к востоку от Форштадта, в районе Красного городка и шпалопропиточного завода. Планировалось начать строительство постоянного автогужевого моста через Урал, создать ботанический сад, осуществить в третьей пятилетке всеобщее среднее образование. Город, переименованный в 1938 году в Чкалов (хотя великий летчик никогда в Оренбурге не бывал), правительство включило в число десяти, где определено было строить трамвай. За 15 лет предполагалось полностью реконструировать город, увеличить количество парков, создать вокруг города кольцо лесов, сделать многое другое. Все планы нарушила начавшаяся Великая Отечественная война.

«Все для фронта, все для победы!»

Вероломное нападение фашистской Германии на нашу страну прервало мирный созидательный труд советских людей. Под руководством Коммунистической партии страна сумела быстро перестроиться на военный лад. Вся работа в тылу была подчинена одной цели — дать фронту как можно больше оружия, продовольствия, обмундирования, обеспечить пополнение армии.

Оренбург оказался в силу своего географического положения одним из центров, куда в начале войны из западных районов страны было эвакуировано много

промышленного оборудования и целых предприятий. Все это послужило базой для организации новых заводов. Так возник, например, в 1941 году инструментальный завод на части оборудования московского завода «Фрезер», в этом же году на базе эвакуированного из Витебска оборудования заработал станкостроительный завод. Вступают в строй заводы «Металлист», «Автозапчасть», нефтемаслозавод, эвакуированный из Москвы, в 1942 году — шелкокомбинат, размещившийся в бывшем Гостином дворе, и другие предприятия. С этого времени ведущими отраслями промышленности в Оренбурге стали станкостроение и металлообработка.

Под руководством партийных и советских организаций была проведена огромная работа по принятию оборудования, строительству зданий для предприятий, обеспечению их сырьем. Город ковал оружие для фронта, готовил новые кадры для армии. В этой связи осенью тяжелого 1941 года в город и область приезжал Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. 28 октября он выступал в здании на Советской, 48.

В условиях колоссального напряжения сил не могло быть и речи о крупном жилищном строительстве, но развитие промышленности и размещение эвакуированного населения (а его в город и область прибыло 235 370 человек) вызвало необходимость строительства жилья хотя бы временного типа, поскольку город не мог всех обеспечить жильем на имеющихся площадях. Ускорилась застройка распланированных еще перед войной кварталов на северо-востоке города. Так, четыре небольших квартала, в 1938 году спланированных как два, между современными улицами Самолетной, Полигонной, Хакимова и Глиники отведены были в ноябре 1941 года под строительство жилых барачков¹. Одновременно там, где было необходимо, отводились и новые места, ранее не

¹ ГАОО, ф. 2282, оп. 1, д. 262.

планировавшиеся; например, в ноябре 1942 года под жилищное строительство выделен участок между нынешней улицей Абдрашитова и Квартальной¹. Таким путем застраивается Первомайская площадь, где потом определили участки и под жилищное строительство. Здесь постепенно оформилась улица, названная позже Полтавской. Большие площади были отведены под склады, базы и для других целей. В это время застраивается и северная сторона Авиационной улицы.

Как и повсюду, почти все, кто мог носить оружие, ушли на фронт. Их заменили женщины и подростки, показавшие себя достойными своих мужей, братьев, сестер, отцов. Много героев вышло из стен размещавшихся в Чкалове военных училищ, немало подвигов совершили уроженцы города и области. В память многих из них названы теперь улицы областного центра: Б. И. Юркина и П. А. Орлова, Т. П. Курочкина и С. Е. Сапожникова, Ш. М. Абдрашитова и Мусы Джалиля, А. А. Брыкина, Т. И. Епифанова, С. П. Лабужского, А. И. Родимцева, А. П. Сухарева.

В военные годы культурная жизнь в городе не только не заглохла, а наоборот оживилась. Значительный вклад здесь внес эвакуированный в Оренбург Ленинградский академический Малый театр оперы и балета, которому уступил свое помещение Театр музыкальной комедии. Художественным руководителем Малого театра был профессор Б. М. Хайкин. Жили и работали здесь тогда композитор В. П. Соловьев-Седой, поэт А. И. Фатьянов.

В трудных условиях работали школы, часто в три смены; многие школьные здания также, как и корпус пединститута, были заняты под госпитали, а количество учащихся увеличилось. Больше стало техникумов. В 1944 году открылся Оренбургский медицинский институт.

¹ ГАОО, ф. 2282, оп. 1, д. 313.

Город конца 40-х и 50-х годов

С переходом страны на мирные рельсы в Оренбурге интенсивно развернулось строительство как на периферии, так и в центральной части. В начале 1950-х годов была застроена большая часть улицы Богдана Хмельницкого, которую сначала называли Театральным проездом. Проекты домов на этой улице созданы старейшим зодчим Оренбурга, убежденным сторонником классической архитектуры Анатолием Николаевичем Постниковым.

Несколько позже неподалеку возводится здание областной выставки достижений народного хозяйства, оконченное в 1956 году. Проект архитекторов Е. И. Киреева и П. Т. Перминова. В октябре этого же года выставка открылась как постоянная сельскохозяйственная и промышленная, а в ВДНХ она была преобразована в 1959 году. Здание стоит отдельно. Главный фасад его репрезентативен и рассчитан на определенное восприятие. Он решен лоджией, фланкированной крупными ризалитами, от внешнего пространства лоджия отделена пилонами, обработанными пилястрами коринфского ордера. На фронте лоджии соответствует запад, отделенный декоративным ячеистым ограждением. Здание как бы затягивает, приглашая войти. По выставке и улица была переименована из Красной в Выставочную.

В первой половине 1950-х годов в основном застраивается и последняя часть бывшей Хлебной площади, носившей название площади Динамо. Последним по времени постройки в этом большом квартале явилось здание Оренбургэнерго, эскизный проект которого рассматривался в конце 1953 года. Таким образом, по настоящему завершилось формирование улицы Постникова, которая образовалась из бывшей площади, носившей разные названия, переулка и бывшей Суринской улицы. Тем самым закончилась застройка старинной

эспланады, занятой в том числе садом им. Фрунзе и стадионом «Динамо».

В этом же десятилетии формируется начало современного проспекта Победы. Дома строятся здесь частью на пустыре, частью на месте старых дореволюционных кладбищ: еврейского и магометанского, сплошь заросшего в довоенные годы сиренью. Строительство завершается в 1960—1961 годах.

Крупные стройки идут на периферии города. Расширяются заводы, построенные во время Великой Отечественной войны: регенераторный завод (с 1964 года РТИ), давший первую продукцию в 1944 году; в строй вступают новые заводы: «Гидропресс» — в 1953 году, бурового оборудования — в 1957 году, холодильного оборудования — в 1959 году. Одновременно строятся и жилые дома, причем чаще целыми массивами рядом с предприятиями. Еще в декабре 1946 года за заводом «Гидропресс» закрепили участок по обе стороны бывшего Орлесовского шоссе, там и развивается в 50-е годы строительство целого комплекса домов; решение о возведении первых из них было принято исполкомом горсовета в августе 1950 года¹. Таким образом, бывшее шоссе полностью оформляется как улица — современный проспект Братьев Коростелевых.

Во второй половине 40-х годов к западу от 2-й улицы Котова (ныне Бурчак-Абрамовича) и к северу от Магнитогорской застраивается участок, отведенный регенераторному заводу под жилье. Здесь позже образуются улицы Регенераторная, Карьерная, Гора Маяк. Несколько позже на юго-восточном склоне горы Маяк, начиная от регенераторного завода, индивидуальными домами застраивается еще один участок, где в 1956 году получают свои названия улицы Олега Кошевого, Декабристов и другие. Застраивают и часть западного

¹ ГАОО, ф. 1138, оп. 3, д. 34, л. 26, 28—33, 39.

склона горы Маяк. Здесь в 1959 году получают свои номера шесть Береговых улиц. Выше образовывается улица Кольцевая. Приходится пожалеть, что ни тогда, ни позже не было воздвигнуто поближе к вершине интересного доминирующего здания, что существенно могло бы оживить силуэт города.

На другой стороне Оренбурга в середине 50-х годов под индивидуальное строительство был отведен большой участок к северу от Нежинского шоссе (теперь проспект Гагарина) до Карагандинской улицы между линиями современных Восточной и Алтайской.

Изменения произошли и на Аренде. В 1956 году исполком горсовета принял решение о засыпке части Банного озера в пределах Аренды и об отводе этого участка под индивидуальное строительство для рабочих завода «Металлист». В 1959 году здесь появились две новые улицы — Насыпная и Металлистов.

Во второй половине 1950-х годов широко развертывается государственное жилое строительство, особенно в восточном и северо-восточном районах города. К востоку от Форштадта и к северу от Нежинского шоссе закладывается первый в Оренбурге жилой массив такого типа. Эта часть города, вместе с уже отведенным восточнее участком под индивидуальное строительство, получила название «Восточный поселок». Кварталы его стали застраиваться с юга на север. На юге первые участки отвели в 1955 году, а в районе Карагандинской улицы — в 1959 году¹. Застройка же участка индивидуальных домов между Северной и Курганской началась раньше — в 1957 году. В честь строителей новая улица этого района была названа в 1959 году их именем (ныне 60 лет Октября).

Все строительство во второй половине 1950-х годов

¹ Здесь и далее отводы приведены по материалам архитектурно-планировочного управления города Оренбурга.

велось по разработанному Гипрогором проекту планировки, который был пересмотрен в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР», и утвержден в 1958 году. По проекту почти все новое жилье размещалось на свободных территориях. Развитие города было сориентировано на восток. Но принимается также решение о строительстве и за рекой Уралом — между поселками Пугачи и Карачи, где наряду с северным и восточным жилыми районами предусматривалось разместить одноэтажные усадьбы. Такое решение стало возможным благодаря сооружению постоянного автомобильного моста.

На северо-востоке города, где еще в 1952 году по северной стороне Полигонной улицы была отведена полоса узких кварталов под щитовые дома (снесены в 1984—1985 годах), в 1957 разбивают кварталы дальше к северу, между образовавшейся таким образом в этом районе частью Карагандинской улицы и Ялтинской. Последняя, в свою очередь, сразу получает разбивку своих северных кварталов между улицами Одесской и Расковой. Несколько позже началось строительство многоэтажных домов к востоку от Челябинской улицы и северу от Ялтинской за современным стадионом, которое затем продолжилось в северо-восточном направлении. В результате удлинились улицы Самолетная, Одесская, Томилинская. В течение последующего десятилетия и первой половины 70-х годов этот микрорайон был в основных чертах завершен.

Многоэтажное домостроение развивается и в других частях города. С 1958 года началось освоение участка на Маяке между современными улицами Западной, Химической и Магистральной, последняя была тогда просто рейдером, а с этого времени начала оформляться как улица. Одновременно намечается и застройка крупными домами конца улицы Котова по ее северной стороне,

Идет строительство в Хлебном городке в районе улицы Братьев Башиловых; жилые и производственные постройки возводят и южнее в районе улиц Байкальской и Ижевской. Идет здесь и индивидуальное строительство. В районе улиц Юркина и Полтавской формируются ряды с номерами.

К северо-востоку от Хлебного городка расширяется застройка района станции Оренбург-2, преимущественно к юго-востоку от железной дороги. Дальше в этом же направлении в 1959 году нефтемаслозаводу под одноэтажное усадебное строительство производится отвод и распланировка участка, названного Городком Нефтяников. Здесь и улицы называли соответствующим образом: Бакинская, Грозненская, Нефтяников.

В 1957 году было также принято решение о размещении индивидуального строительства дальше, за Восточным поселком. Здесь все улицы, кроме одной — улицы Мира, получили названия линий с соответствующим порядковым номером.

Ближе к городу, к северу от Карагандинской улицы и к востоку от Луговой, в 1958 году спланировали малые улицы, которые после последующей перепланировки и застройки крупными домами не сохранились. Их называли Кустанайским, Целинным и Акмолинским переулками в связи с освоением в то время целинных земель. Западнее этого участка за Луговой улицей площадь оставалась свободной до Восточной. За ней же по направлению к улице Расковой, севернее Карагандинской, появляются переулки Ижевский, Ярославский, Костромской и другие. Западнее их идет строительство нового здания фабрики пуховых платков, законченное в 1965 году. Упомянутую выше свободную площадь в 1961 году отвели под многоэтажное строительство.

В конце 50-х годов к югу от Нежинского шоссе возник поселок совхоза пищеторга (ныне «Овощевода»). С 1959 года поселок именуется «Совхозный», сейчас

«Мало-Восточный». Здесь те из новых улиц, которые могли тогда рассматриваться как продолжение отдельных улиц Восточного поселка, названы с частицей «мало»: Мало-Луговая, Мало-Сенная, Мало-Восточная. В строившемся одновременно Южном поселке имена улиц удачнее. Часть из них в прямой связи с расположением поселка: Зауральная, Заречная, Пойменная; к этой группе можно было бы отнести и Илекскую, но направление ее указывает не на Илек, а на Соль-Илецк.

В связи с расширением промышленного и гражданского строительства разворачивается производство строительных материалов. Из Комбината подсобных предприятий стройтреста в 1957 году выделился завод сборного железобетона на Авиационной улице (ныне Шевченко). Строятся заводы железобетонных конструкций в Южном поселке и силикатных стеновых материалов на горе Маяк по Инструментальной улице.

Большое внимание в послевоенные годы уделялось благоустройству, развитию общественного транспорта, укреплению коммунального хозяйства. 1 мая 1953 года открылась первая троллейбусная линия, маршрут которой остался неизменным до сих пор. Она связала железнодорожный вокзал — ворота города — с бульваром им. Свердлова — старейшей частью города. К 1960 году было уже 6 маршрутов, общая протяженность линий составила 37 километров. Летом этого же 1953 года открылась детская железная дорога, связавшая город с пионерскими лагерями «Дубки». Быстро увеличивался автобусный парк. В годы войны автобусного движения в Оренбурге не было, а в 1950 году на линиях работало уже 60 машин, к 1960 году — 91. В 1954 году принят в эксплуатацию новый путепровод, который соединил конец улицы Цвиллинга с началом проспекта Братьев Коростелевых, тогда носившем еще название Орлесовского шоссе. Это был первый в городе, построенный с расчетом на большие нагрузки. Он

позволил значительно удлинить линию троллейбусного маршрута № 2, который сначала оканчивался перед линией железной дороги.

Значительно увеличилась площадь асфальтовых покрытий. К 1960 году она достигла 1 млн. квадратных метров, причем только за три последних года было заасфальтировано около 300 тыс. квадратных метров. Здесь уместно отметить, что перед войной асфальтом покрыты были лишь Советская улица в пределах исторического города и бывшей эспланады, Парковый проспект, частично улица Кирова. Другие магистральные улицы имели булыжное или гравийное покрытие, но тротуары во многих случаях были асфальтированными, и не только в центре, но и в Красном городке, на Сырейке, в Новой стройке. Существенным недостатком, который снижал долговечность покрытия, было то, что асфальт в большинстве случаев укладывался на известковую щебенку, разрушающуюся при проникновении влаги под асфальт.

Большая работа проведена была по озеленению. На площади перед Домом Советов заложили обширный сквер, в 1948 году возобновили посадку в заложенном перед войной саду им. Фрунзе. Во второй половине 50-х годов озеленили второстепенные улицы, используя опыт города Омска. Эти улицы полностью закрыли для движения. Оставив на каждом участке между магистралями проезд только с одной стороны, с другой и между узкой проезжей частью и тротуарами посадили деревья и кустарники. Вокруг города создали зеленое кольцо из клена, карагача, вяза, смородины и других пород деревьев и кустарников, последнее звено его было завершено весной 1959 года посадкой за Уралом на 50 гектарах.

Самое заметное, пожалуй, — благоустройство зоны отдыха. Рядом с существовавшим более столетия отлогим спуском к Уралу в 1953 году был закончен новый,

построенный по проекту архитекторов П. Т. Перминова и Е. И. Киреева. Значительно более широкий, капитальный, он отличается парадностью, решен в традициях исторических стилей.

Спуск венчает памятник В. П. Чкалову (авторы — скульптор И. А. Менделевич, архитектор В. С. Андреев), установленный на бульваре на месте обелиска в память освобождения Оренбурга от воинского поста. Памятник, установленный по оси Советской улицы, хорошо «держит» ее, но виден преимущественно как силуэт, потому что находится обычно против солнца и светлой части неба.

Бурно развивались в эти годы наука и культура. Расширились институты: в сельскохозяйственном в 1950 году прибавился факультет механизации сельского хозяйства, в педагогическом в 1952 году — факультет иностранных языков. В молодом еще медицинском институте в 1959 году работало на 34 кафедрах 17 докторов наук и 48 кандидатов. В октябре 1955 года открылся вечерний факультет Куйбышевского индустриального института, преобразованный сперва в дневной филиал, а потом в самостоятельный политехнический институт. Начиная свою вечернюю работу факультет в помещении 30-й школы (Советская, 24). Открылись учебно-консультационные пункты ряда вузов и техникума. Число техникумов и средних специальных училищ увеличилось до тринадцати. Значительную научную продукцию дал основанный в 1930 году научно-исследовательский институт молочно-мясного скотоводства (сейчас НИИ мясного скотоводства), выпустивший 10 томов научных трудов по развитию животноводства и кормодобывания.

В 1948 году открылся восстановленный по проекту архитекторов И. С. Аввакумова и А. Н. Постникова Дом культуры паровозоремонтного завода. Здание пострадало от пожара до Отечественной войны, от него оставался только зрительный зал со сценой. Автор скульптур —

оренбургский ваятель-самородок Г. Петин. В 1947 году завершилась перестройка драматического театра по проекту тех же авторов и архитектора П. Т. Перминова. Хотя старые стены остались, они вошли как часть в совершенно новое здание с мощным портиком дорического ордера. Театру в 1936 году было присвоено имя М. Горького, в 1956 году ему исполнилось 100 лет. В 1957 году закончилось строительство дома для Союза художников на Ленинской улице, и открылся Дом художника с мастерскими и залами, где в первые годы устраивались выставки. В 1949 году возобновил работу татарский театр, который вошел в состав филармонии, организованной в 1943 году. Впервые в 1959 году выступил на сцене Оренбургский народный хор.

В Караван-Сарае в 1954 году открылся планетарий. Поместился он в бывшей мечети, но, к сожалению, его устройство здесь потребовало сооружения перехода между минаретом и мечетью, что значительно испортило внешний вид этого памятника архитектуры.

В 1960 году Оренбургское книжное издательство выпустило первый послевоенный справочник-путеводитель «Оренбург» А. Я. Борисова, где, кроме исторического очерка, были помещены сведения по промышленности, науке, культуре, просвещению того времени.

В декабре 1957 года к городу вернулось его исконное имя Оренбург.

«Шаги саженьи»

Начиная с 1960-х годов значительно увеличился объем и ускорились темпы строительства. На смену развивавшемуся в 30—40-е годы поселковому типу расселения с рассредоточенным ведомственным строительством пришли крупные жилые массивы для трудящихся, связанных с разными предприятиями и учреждениями. Необходимо подчеркнуть, что микрорайон со-

вершенно иная градостроительная единица по сравнению с кварталом, он включает в себя все учреждения и предприятия ежедневного обслуживания. На единицу площади значительно уменьшается число транспортных улиц по сравнению с квартальной системой застройки. Магистрали проходят по границам микрорайона. Поэтому количество улиц города в новых районах увеличивается незначительно, а в реконструируемых даже уменьшается.

Согласно этим принципам с 1962 года начинается застройка большого массива к северу от улицы Юркина. Улицу, которая ограничила этот массив с севера, назвали Новой. Немного к югу от нее находится самая высокая точка этого района. Более двух веков тому назад в этом месте, должно быть, устраивался один из наблюдательных пунктов Пугачева, которые он, по свидетельству П. И. Рычкова, расставлял в отдалении от города по самым высоким местам, когда с основными силами уходил в Берду.

Со строительством этого массива удлинилась улица Пролетарская, соединившись с Сахалинской, которая относится к району 2-го Оренбурга. Она оказалась самой длинной из улиц, идущих от центра города. Можно сказать, что Пролетарская проходит через все годы существования города. Начинаясь в XVIII веке на территории города-крепости, она пересекает застройку XIX века и заканчивается в одном из самых современных районов. Возраст отдельных участков этой улицы колеблется от одного-двух десятков лет до двух с половиной веков.

В это же время началась застройка бывшего ипподрома — территория между Выставочной и Ипподромной к северу от Туркестанской улицы. Дома располагали здесь по модному тогда принципу свободной планировки, не обращая внимания на параллельность или перпендикулярность их улице. Этот принцип не

коснулся только зданий, выходящих на красную линию или близко к ней. В 60-е годы многие считали не только Восточный поселок, но и весь этот район окраинным. Тогда не было еще прямого проезда в центр, так как Краснознаменная улица оканчивалась лишь немного восточнее улицы 8-го Марта. Люди же мыслили еще категориями города — исторического центра. Краснознаменную соединили с Выставочной уже в середине десятилетия.

В 1965 году в седьмом квартале Восточного поселка появился первый в Оренбурге крупнопанельный дом. Строился он из привозных панелей, свое производство стеновых началось в этом же году.

Продолжается планомерное развитие промышленности города. В 1963 году слились два родственных предприятия — завод им. Кирова и «Автозапчасть». Объединение получило название «Тракторозапчасть», а потом «Радиатор». В 1971 году с целью дальнейшей специализации была создана фирма по производству радиаторов. В ее состав, кроме оренбургского, вошли родственные заводы в Бузулуке, Бугуруслане, Орске, Свердловске. В 1975 году оренбургский «Радиатор» стал головным в объединении по производству водяных и масляных радиаторов. Заводы «Гидропресс» и «Металлист» тоже вошли в объединение. Значительно расширились многие предприятия, повысилась степень автоматизации производства. Дальнейшее развитие получила отрасль, производящая стройматериалы. Вступил в строй завод железобетонных изделий и стройдеталей на Магистральной улице.

В 1966 году около Оренбурга было открыто крупное месторождение природного газа, в связи с этим XXIV съезд КПСС определил: «Создать в Оренбургской области новый крупный район по добыче и переработке газа». Вблизи Оренбурга, к западу от него, неподалеку от станции Каргала началось строительство одного из

крупнейших в мире газзаводов. Эта территория вместе со станцией и близлежащим поселком Холодные ключи была административно включена в Дзержинский район города. Первая очередь газзаводов введена в строй в 1974 году, и уже на следующий год — вторая. Строительство и быстрое развитие газодобывающей и газоперерабатывающей промышленности определяющим образом сказались на росте города.

Наиболее яркий пример этого — развитие северного жилого района. Отвод территории первых микрорайонов по обе стороны от современной улицы Конституции СССР и к западу от проспекта Дзержинского произвели еще в 1961 году. Этот многоэтажный массив по смежности принял название поселка строителей ТЭЦ, еще в 1959 году официально поименованный Степным. Улицы в нем, до этого называвшиеся линиями, получили имена городов нашей страны. Можно отметить, что сначала ТЭЦ собирались строить не там, где она находится теперь, а к востоку от железной дороги, что, по-видимому, и определило расположение поселка на этом месте.

Строительство в 4-м, 5-м и других микрорайонах в первое время особенными темпами не выделялось. Проект застройки был сначала разработан Гипрогором, и новые микрорайоны частично застроены по его рекомендациям. Развитие промышленности, главным образом газовой, привело к тому, что темп роста населения значительно превысил предполагавшийся. Необходим стал новый проект детальной планировки, который в 1971—1972 годах и был выполнен «Оренбурггражданпроектом». (Автор проекта архитектор В. Г. Ременный, значительное участие в разработке принимал архитектор С. Е. Смирнов.)

Район этот раскинулся на общей селитебной территории в 478,6 гектара. Проектная численность населения — 115 тыс. жителей. О размахе и темпах строительства говорят цифры введения в эксплуатацию жилой площа-

ди. В 1971 году сдано 19,5 тыс. квадратных метров, в 1972 — 42,4, то есть более чем вдвое по сравнению с предыдущим годом; в 1974 году последняя цифра еще раз удвоилась, достигнув 87,6 тыс., она же почти утроилась в следующем 1975 году, когда сдали 143,1 тыс. квадратных метров. Всего за пять лет было сдано 345,3 тыс. квадратных метров, что из расчета 9 метров на человека составляет жилплощадь на 38 800 жителей. В 1977 году цифра достигла максимума — 175,6 тыс. квадратных метров. Затем три года она держалась на уровне 135—137 тыс. метров, после чего начала постепенно падать, поскольку основное строительство здесь приближается к завершению.

Северный жилой район строился сразу со всеми предприятиями торговли, общественного питания, бытового обслуживания и учреждениями культуры. На основной магистрали, сначала в 1973 году названной Юбилейной, а в 1977 году в связи с выделением административного района переименованной в проспект Дзержинского, размещены два кинотеатра — «Смена» и «Союз» и Дворец культуры «Молодежный». В этом районе находится большинство самых крупных магазинов города, торговый центр и т. п. В 1972 году здесь заложен парк 50-летия СССР. Многие еще не завершено. С самого начала не нашло своего решения пересечение главной магистрали с улицей Конституции СССР, в 1971 году названной улицей Энергетиков в честь Ленинского плана ГОЭЛРО, в связи с тем, что она направлена на ТЭЦ, и квартиры там получали преимущественно энергетики. Пересечение этих магистральных улиц пока не выявлено средствами архитектуры.

Сейчас в северном жилом районе более 100 тыс. населения. По площади он в три раза превосходит Оренбург в границах крепости, по населению же — в 10 раз по сравнению с первой третью XIX века. С ликвидацией транзита по Театральной улице через эту

часть города, благодаря введению в строй обьездной магистрали и путепровода в конце улицы Терешковой условия проживания в этом районе Оренбурга улучшатся.

В первой половине 70-х годов начинается застройка микрорайона к северу от улицы Монтажников. Одновременно со строительством в 1976 году закладывается парк Победы. На завершение этого микрорайона понадобилось менее десяти лет.

Кроме освоения новых свободных площадей, с начала 70-х годов происходит и реконструкция старого Форштадта. Уже в 1971 году отведены были места для строительства нескольких панельных домов, мозаичными торцами выходящих на Туркестанскую улицу. По проекту, разработанному архитектором П. Е. Новосельцевым, начинается реконструкция улицы Чкалова, которая превратилась в проспект с широкой разделительной полосой по оси проезжей части. От старого Форштадта почти не осталось не только домов, но и улиц, поскольку происходит 100%-ный снос и строительство совершенно новых микрорайонов. Фактически это возведение новой части города на месте прежнего поселения. Как магистраль, перпендикулярная улице Чкалова, оставлена улица Степана Разина, которая в пределах Форштадта стала в несколько раз шире. Из улиц, пересекающих Чкаловскую, сохраняется еще только Уральская.

Южнее улиц-линий 2-го Восточного поселка, начинает строиться 23-й микрорайон (автор проекта архитектор А. С. Иванов). Решение об отводе этого участка было принято исполкомом горсовета осенью 1974 года, а всего через пять лет, осенью 1979 года, этот микрорайон уже обрел свои основные черты. Со строительством 23-го микрорайона удлинился проспект Гагарина, к югу от которого вскоре началось строительство 24-го и 25-го микрорайонов. Тем самым город здесь спускается в пой-

му Урала, сохраняя и продолжая почти 250-летнюю связь с рекой.

Не все воспринимают положительно в эстетическом плане современную типовую застройку, в том числе и автор. Но в этой связи необходимо сделать несколько замечаний. Мы живем в то время, когда на смену старым многовековым методам строительства пришли совершенно новые, связанные с новыми материалами. Развитие строительной индустрии привело к тому, что в подавляющем большинстве здания на площадках не столько строятся сколько собираются из готовых крупных деталей: блоков, панелей, секций. На какое-то короткое время отказывались даже от применения кирпича. На первый план выступило чисто рациональное начало, что привело к отрицанию всего утилитарно бесполезного. Наступил полный отказ от классического ордера. Это отказ от «знаков красоты», как образно назвал ордерную систему Г. Б. Борисовский в своей книге «Красота и польза в архитектуре», где он детально анализирует этот вопрос¹.

В век индустриальной архитектуры ордерная система, видимо, действительно неуместна, во всяком случае в сборных конструкциях. Но последние оказались лишены «знаков красоты», бесполезных утилитарно, но полезных духовно, которые старые зодчие «ставили на своих абсолютно рациональных зданиях».

Кроме сознательного отказа от чего-либо утилитарно бесполезного, который так ясно виден в крупнопанельных зданиях первых серий, главной причиной здесь, по видимому, является невозможность в такой исторически короткий срок, как несколько десятилетий создания знаковой системы, органически вытекающей из индустриальной архитектуры.

¹ Борисовский Г. Б. Красота и польза в архитектуре. М., 1975, с. 43—63.

На примере одного лишь Оренбурга можно убедиться в том, что ведутся активные поиски новых архитектурных решений. Достаточно сравнить первые крупнопанельные дома — ящики 464-й серии, абсолютно «безлобые», то есть не имеющие ничего над низким потолком верхнего этажа, которые начали у нас строиться всего 20 лет тому назад, с современными серийными крупнопанельными зданиями. Вряд ли найдется много сторонников построек типа здания новой столовой сельхозинститута на Ленинской улице, или здания областного транспортного управления на Матросском переулке, 12, и некоторых других с нависающими над окнами или нижними этажами массивными козырьками и иными бетонными деталями, которым пока нет еще названия. Но это примеры поисков, попыток выражения возможностей материала. Трудно воспринимаемы вертикальные выступы стены, когда зрительно они ни на что не опираются. С этим элементом связана, кстати, терминологическая несообразность, тоже свидетельствующая о том, что все находится еще в процессе становления. Эти выступы почему-то стали именовать пилонами, хотя этот термин всегда обозначал мощный столб, обычно несущий нагрузку и, разумеется, имеющий поэтому твердую опору; пилоны фланкировали порталы храмов в древнем Египте. В данном случае дело не в термине, и если эти элементы декоративны, а это часто, то они должны и восприниматься как таковые, когда же они конструктивны, это должно чувствоваться и не вызывать ассоциаций с незавершенностью, неустойчивостью. Все это тоже поиски, и пока они не привели еще к осязаемым результатам. Еще живет, родившийся не так давно термин «самолетная архитектура», то есть удачное расположение в плане, вид сверху на макете и тому подобное.

Не только типовым строительством характеризуются в Оренбурге 60—80-е годы. Возведен и ряд зданий по

индивидуальным проектам или хотя и типовым, но не серийным. В 1963 году завершено строительство нового здания Театра музыкальной комедии (архитекторы Е. И. Киреев, П. Т. Перминов). В 1965 году открывается новый универмаг «Восход», отделанный снаружи в том же духе, что и театр. В 1967 году — гостиница «Оренбург». В 1985 году возведена еще одна крупная гостиница на Парковом проспекте, получившая название «Факел». Она на 440 мест, построена по проекту архитектора С. Е. Смирнова, автор мозаичного панно на торцевом фасаде заслуженный художник РСФСР Л. Г. Полищук. По проекту того же архитектора ранее построено выделяющееся отделкой анодированным под старую бронзу алюминией здание проектных организаций на Комсомольской улице. Оно эффектно замыкает улицу Михаила Фадеева.

Прибавилось в городе памятников и монументов. В 1963 году на площади Ленина около Дома Советов открыт второй в Оренбурге памятник В. И. Ленину (авторы — скульптор В. Б. Пинчук, архитектор А. И. Лапиров). На проспекте Победы в 1967 году был открыт обелиск и зажжен Вечный огонь Славы в память погибших в Великой Отечественной войне (авторы проекта архитекторы В. Г. Ременный и В. И. Крыпачев). В 1985 году вокруг обелиска выполнена основная часть мемориала оренбуржцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Авторы его — архитектор А. И. Агафонов, художники В. Е. Литвиненко и А. М. Прытков, скульптор Н. А. Ишмухаметов. В комплекс входят, кроме Вечного огня и центрального монумента, восемь стел с именами погибших оренбуржцев. В 1973 году в саду им. Фрунзе открыт мемориал «Павшим за Советскую Родину» (скульпторы Ю. В. Александров, Ю. Л. Чернов, архитектор А. А. Андреев). Центр его — Вечный огонь, над ним на четырех опорах литое кольцо. Барельефы и горельефы на кольце

повествуют о воинской славе, труде, светлом будущем, памяти павшим. Вокруг монумента в четком ритме расположены шесть медных плит на бетонных тумбах. Тексты на них посвящены становлению и укреплению Советской власти, защите Социалистического Отечества. Аллеи сада сходятся пятью лучами к цирку мемориала. Открыт еще ряд памятников, в том числе армянскому поэту Ваану Теряну, члену ВЦИК, который умер в Оренбурге.

В сквере им. Осипенко в 1967 году установлен монумент, посвященный основанию города, — гранитный монолит с соответствующей надписью. А в 1981 году на левом берегу Урала воздвигли обелиск «Европа — Азия» (архитектор Г. И. Наумкин), несмотря на то, что уже около 20 лет до этого границу названных частей света стали теоретически считать по реке Эмбе, что написано и в школьных учебниках географии. Представляется, однако, что никакой ошибки в этом нет, ибо исторически сложилась граница именно по Яику, долгое время река разделяла и два разных способа производства и разные уровни общественной формации: распадающийся родоплеменной строй с кочевым скотоводством и развитый феодализм на стадии перехода к капитализму. И еще многое другое разделяла река, а кое-что делит и по сей день. Вряд ли целесообразно ради чисто теоретической поправки изменять давно установленное, признанное многими поколениями наших предков.

Значительно возросли производственные возможности Оренбурга. Хорошим показателем этого является строительство мостов и путепроводов. После принятия в эксплуатацию в 1962 году первого в истории города постоянного автогужевого моста через Урал, вскоре был закончен мост через Сакмару, а в первой половине 80-х годов — второй автогужевой мост, который позволил отвести транзитный транспорт, идущий из Европы в Азию и наоборот, с городских улиц. В тот же период посто-

янный пешеходный мост соединил традиционное излюбленное место отдыха оренбуржцев — Зауральную рощу — с историческим центром города. Таким образом, немногим более чем за двадцатилетие в строй вступило четыре таких капитальных инженерных сооружения. Кроме мостов было построено и несколько больших путепроводов.

Далеко вперед шагнуло дорожное строительство. Асфальтом покрылись не только широкие магистрали в новых районах, но и многие улицы в старом городе. Полной реконструкции подвергся проспект Братьев Коростелевых, где первое, очень узкое асфальтовое покрытие положено в первой половине 50-х годов. В широкую магистраль превратилась улица Терешковой, которую не только покрыли асфальтом, но значительно удлинили. Пройдя по путепроводу над промышленными предприятиями и улицей Шевченко, она соединила напрямую центральную часть города с северным жилым районом. Улица Шевченко в 1985 году стала важной артерией города, соединяющей восточную и западную части Оренбурга.

С 1980 года город борется за образцовый порядок и высокую культуру. Такое решение приняла сессия исполкома горсовета в июне этого же года. Работа по благоустройству многопланова, в ней должны принимать участие все жители города. Много сделано в этом направлении и многое делается, но во много раз больше нужно еще сделать, а главное — привлечь абсолютно каждого оренбуржца к этой работе соответственно его профессии и наклонностям, но именно каждого. От всех звеньев, как и в любом большом или малом деле, требуется исполнительская дисциплина, а здесь далеко не все так, как хотелось бы. Так, например, в 1982 году в целях ликвидации одноименности улиц исполком принял решение о переименовании более сорока из них. Для того, чтобы провести его в жизнь, то есть изготовить

необходимое количество табличек и прибить их, потребовалось более пяти лет...

Свое дальнейшее развитие получили просвещение, наука и культура. С ростом города соответственно увеличивалось число школ, правда, не всегда и во всех районах успевая за ростом количества учеников. В отдельных школах повышалась сменность на какое-то время, но в целом двухсменность успешно ликвидируется. В 1985/86 учебном году из 62,7 тыс. учащихся школ 46 тыс. занимались в первую смену. Однако коэффициент сменности составляет лишь 95 процентов к коэффициенту 1981/82 учебного года. Надо сказать, что количество учеников за этот период увеличилось на 11 тыс. Как видно из приведенных цифр, число новых мест в школах не вполне поспевало за ростом количества учащихся.

Вырос контингент учащихся в 15 профтехучилищах города, в 1985 году он составил более 7,7 тыс. Само число ГПТУ почти утроилось по сравнению с 1960 годом. Больше стало средних специальных учебных заведений дневного обучения: 13 в 1960 году, 17 в 1985-м. Прибавились музыкально-педагогическое, культурно-просветительное, художественное и торгово-кулинарное училища.

Расширилось высшее образование. С 1971 года обрел самостоятельность политехнический институт, полностью отделившись от Куйбышевского. Увеличилось число специальностей, которыми овладевают будущие инженеры. В сельскохозяйственном институте в 1962 году открылся экономический факультет, в педагогическом в 1971 году — факультет физвоспитания. Из учебно-консультационных пунктов в филиалы или факультеты превратились финансово-экономический, советской торговли и юридический.

Большим событием стало открытие в 1961 году телецентра. В начале 80-х годов он полностью перешел на цветные передачи. Построены новые дворцы и дома культуры, среди которых в первую очередь нужно

назвать «Россию», «Дружбу», «Строитель» и «Молодежный». Вместо небольшого помещения в Доме художника, отведенного оренбургским художникам и скульпторам под салон-выставку, открылся большой выставочный зал в самом центре города на улице Володарского. Музей изобразительных искусств, ютившийся с 1960 года в небольшом одноэтажном здании, получил в полное распоряжение старинный двухэтажный особняк бывшего городского самоуправления, который по площади и кубатуре во много раз превосходит прежнее.

В последние два десятилетия особенно много внимания уделялось развитию физкультуры и спорта, строительству спортивных сооружений. Рядом со старейшим в городе стадионом «Динамо» в 1959 году открылся дом физкультуры им. Ленинского комсомола с площадью 2 тыс. квадратных метров. К нему сначала прибавился стадион «Локомотив» и в 1965 году хоккейный стадион на улице Строителей в 1-м Восточном поселке. Около него вскоре открылся дом физкультуры «Автомобилист». Возникли большие стадионы при заводах ТРЗ и РТИ, нефтемаслозаводе. Рядом с садом Октябрьской революции на Комсомольской улице построен стадион «Трудовые резервы», а в северо-восточной части на проспекте Победы открылся «Прогресс». Построены два здания с плавательными бассейнами «Пингвин» и «Дельфин», кроме того, бассейны есть в домах физкультуры.

Как областной город Оренбург внес большой вклад в освоение целинных земель, активно участвовал в уборке урожая. На площади у Дома Советов наверху нового 9-этажного здания установлены два изображения ордена Ленина, которыми область была награждена за высокие урожаи. Первый орден получен в 1956 году за сдачу 150 млн. пудов зерна, второй — в 1968 году за сдачу 360 млн. пудов. Большая доля труда в сборе высоких урожаев принадлежит оренбуржцам — рабочим, служащим, студенчеству.

Событием в жизни города стало празднование 250-летия добровольного присоединения Казахстана к России. В Оренбурге, сыгравшем значительную роль в жизни и развитии казахского народа, яркой демонстрацией дружбы народов Советского Союза прошли в апреле 1982 года дни литературы и искусства Казахской ССР. Тысячи оренбуржцев побывали на концертах артистов Казахстана и в выставочном зале, где познакомились с работами художников и скульпторов, встречались с поэтами и писателями, слушали Казахский симфонический оркестр. Неизгладимые впечатления оставили выступления народного артиста СССР и Казахской ССР Е. Серкебаева, народной артистки Казахской ССР С. Тыныштыгуловой, заслуженных артисток Казахской ССР Р. Рымбаевой и Г. Талпаковой и многих других артистов братской республики. Оренбург гордится своими исконными связями с Казахстаном.

Наш Оренбург

Оренбург сейчас более чем полумиллионный город, на 1 января 1988 года население составило 554600 жителей. Застройка с улицами, скверами и садами занимает площадь более 6620 гектаров. Это одновременно старый и новый город. Стар он не только потому, что ему скоро исполнится 250 лет, но и потому, что многое сохранилось от прошлых веков. И прежде всего это планировка исторического центра — эталон градостроения XVIII века. Сохранилось и много зданий, интересных как в архитектурном, так и в историческом плане. Рядом с ними соседствует новое.

В городе 790 улиц и переулков. Основные магистрали лучами расходятся на север, восток и юг от центральной части — исторического города. Старейшая из них — система улицы Цвиллинга — проспекта Братьев Коростелевых. На север ведет самая новая из всех магистра-

лей — улица Терешковой. В значительной своей части на месте старинной дороги идет магистраль: улица Чкалова — проспект Гагарина. От моста через Яик-Урал на юг идет Илецкое шоссе, во многих местах оно совпадает со старым соляным трактом из Соль-Илецка. Интересны улицы исторического города, каждая из них имеет свое лицо, связана либо с крупными событиями и историческими личностями, либо с интересными постройками, а зачастую — всем вместе. При общей длине улиц — 748 километров, длина асфальтированных покрытий в городе составила на начало 1988 года 441 километр. Общая длина путепроводов на начало двенадцатой пятилетки составила 8 километров.

Широко развита сеть общественного транспорта, и нет, пожалуй, места в городе, если исключить Овчинный городок, откуда было бы больше пяти минут ходьбы до ближайшей остановки. Протяженность троллейбусных линий — 126 километров, на них работают 175 троллейбусов по девяти маршрутам. В городе 39 автобусных маршрутов с 410 машинами.

Оренбург занимает ведущее место в области по уровню промышленного развития. Более одной трети стоимости всей валовой продукции производят его предприятия, каждый третий рабочий области — житель Оренбурга. Всего в городе 89 предприятий различных отраслей. Существенный вклад в выполнение энергетической программы вносит Оренбургский газохимический комплекс — каждый 12-й кубометр газа и 6-я тонна серы производятся здесь. Газопровод связал месторождение с социалистическими странами Европы, на прокладке его трудились строители многих стран.

Одно из крупных объединений, представляющих машиностроение, — объединение «Гидропресс», предприятия которого выпускают прессы усилием от 10 до 630 тонн. На металлорежущих станках специализируется станкозавод. Много типоразмеров углеродистых и бы-

строрежущих сверл выпускает Оренбургский завод сверл. Масляные радиаторы для тракторов выпускает объединение «Радиатор». За рубеж отправляет свою продукцию завод бурового оборудования.

Более 80 лет тепловозоремонтному заводу. Это крупнейшее ремонтное предприятие, одновременно на нем изготавливаются поршневые кольца и рельсовые соединители для всех железных дорог Советского Союза. Союзное значение имеют и завод РТИ и нефтемаслозавод. Среди ряда других предприятий есть и совсем новое — завод комплексных распределительных устройств «Инвертор», который, наряду со своей основной продукцией, выпускает много хороших товаров народного потребления.

Немалую славу принесло Оренбургу производство пуховых платков. На нем специализируются фабрика и комбинат. В числе крупнейших предприятий легкой промышленности — комбинат шелковых тканей — старый и новый. Представлены в городе и другие отрасли легкой промышленности: трикотажная, кожевенно-обувная, швейная и самая старая — пищевая.

Став в 30-е годы вузовским центром, Оренбург в еще большей степени остается им и теперь. В городе можно получить специальность инженера самых различных отраслей, преподавателя любой школьной дисциплины, врача нескольких направлений, стать специалистом сельского хозяйства, юристом, экономистом, торговым работником; если же причислить и среднее специальное образование, то и музыкантом и художником, работником культуры и так далее. В Оренбурге вместе с филиалами и факультетами вузов других городов 8 высших учебных заведений. Но главными являются 4 института с дневным обучением, часть из них имеет также вечерние и заочные отделения. Это медицинский, педагогический, политехнический и сельскохозяйственный. Обучение в них ведут почти полторы тысячи преподавателей, а учатся около

20 тыс. студентов. За годы минувшей пятилетки подготовлено свыше 5 тыс. инженеров, более 4500 педагогов, свыше 2400 врачей и 4200 специалистов сельского хозяйства. На 1 января 1986 года в институтах работало 39 докторов наук и 661 кандидат наук. Осуществляется поставленная партией задача, нацеливающая ученых на разработку крупных комплексных тем.

По ряду важных отраслей есть научно-исследовательские институты. Старейший из них, ровесник сельскохозяйственного и педагогического институтов, Всесоюзный НИИ мясного скотоводства, который имеет опорные пункты в ряде областей и автономных республик. Большую исследовательскую и практическую работу проводит Оренбургский НИИ сельского хозяйства, созданный в 1973 году. Совершенно другую область народного хозяйства представляет «Волго-УралНИПИ-газ», образованный 1 января 1978 года. Он занимается вопросами геологии, бурения, разработки, добычи и переработки сероводородосодержащих газов в месторождениях Прикаспийской впадины. Значительную долю исследовательской работы занимают вопросы охраны окружающей среды и техники безопасности.

Об институте «Оренбурггражданпроект» следует сказать особо, так как многое в городе тесно связано с его работой. Возраст свой институт отсчитывает с 1935 года, когда при областном коммунотделе был организован трест «Облпроектгор». Это была сначала архитектурно-проектная мастерская. В начале 1941 года мастерскую преобразовали в контору «Чкаловоблпроект», затем соответственно переименовали в «Оренбургоблпроект». В 1964 году контора преобразована в проектный институт «Оренбурггражданпроект», сотрудниками которого был ряд ведущих архитекторов, чьи имена в большинстве уже упоминались.

Кроме институтов, есть исследовательские лаборатории и Южно-Уральское отделение Всесоюзного научно-

исследовательского геологоразведочного и нефтяного института. В целом в городе сконцентрировались значительные научные силы. Среди ученых — лауреаты Государственных премий, 42 доктора наук.

Среднее специальное образование представлено 17 техникумами и училищами с общим числом учащихся 14 тыс. Около 8 тыс. юношей и девушек обучается в 15 профтехучилищах, которые готовят кадры рабочего класса по 75 специальностям. В 77 дневных и 15 вечерних общеобразовательных школах обучается 68,6 тыс. учащихся, их обучением и воспитанием занимается почти 3 тыс. учителей.

В системе здравоохранения города 41 амбулаторно-поликлиническое учреждение. В городе 14 больниц, но, хотя за одиннадцатую пятилетку введено в эксплуатацию несколько новых зданий, норматив мест относительно количества жителей не достигнут. В учреждениях здравоохранения трудятся более 2100 врачей и около 10 тыс. средних медицинских работников.

Богата культурная жизнь города. Кроме трех театров — драматического, музыкальной комедии, кукольного, — филармонии, цирка, двух музеев, выставочного зала и планетария, работает 17 клубов, домов и дворцов культуры. Всего 128 учреждений культуры и искусства, 245 библиотек, 13 стационарных и два передвижных кинотеатра. Действуют творческие организации: отделение Союза художников и Художественного фонда, отделение Союза архитекторов, писательская организация, композиторская группа, отделение Союза театральных деятелей, Союза журналистов. Есть отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Географического общества СССР, хоровое общество и общество книголюбов.

Всего в городе более трехсот коллективов художественной самодеятельности, где занимается 43 тыс. участников. Кроме коллективов дворцов и домов культу-

ры, часть из которых носит звание «Народный», большой известностью пользуются два коллектива медицинского института — Народный танцевальный коллектив «Комсомолец» и бывший Студенческий театр эстрадных миниатюр (СТЭМ), теперь Народный студенческий театр «Горицвет» — лауреат 1-го Всесоюзного смотра народного творчества. Не одно десятилетие выступает ансамбль песни и пляски оренбургской милиции, которому присвоено звание «Народный».

Не менее популярен спорт. На семи стадионах, в 100 спортивных залах им занимается свыше 170 тыс. оренбуржцев, то есть каждый третий. В среднем ежегодно готовится 20 мастеров спорта и свыше 800 кандидатов в мастера и перворазрядников. Город не собирается ограничиваться существующими спортивными сооружениями. В пойме Урала к югу от Дворца культуры «Дружба» проектируется спортивный комплекс с крупнейшим стадионом.

Землю нашу украшают не только поля и леса, горы и долины, реки, моря и озера, города и села, но и люди; прежде всего люди труда. Оренбург в этом отношении не на последнем месте. Как и во всей стране, здесь из года в год растет число передовиков и новаторов производства. К 70-летию Великого Октября план первого года пятилетки выполнил 631 коллектив, более 19 тыс. передовиков — рабочих и строителей города. В Оренбурге 13 учителей удостоены звания «Заслуженный учитель школы РСФСР», пять преподавателей ПТУ имеют звание «Заслуженный учитель профтехобразования», девяти врачам присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР».

Все, что сделано и делается, немыслимо было бы без руководящей роли Коммунистической партии. Авангардом трудящихся Оренбурга является 40-тысячный отряд городской партийной организации: 33,1 процента его составляют рабочие и 22,1 — инженерно-технические работники. Таким образом, более половины членов пар-

тии работают в сфере производства материальных благ. Чтут у нас людей, отстоявших отчизну в суровые годы войны. Имена павших написаны на стелах мемориала на проспекте Победы. Над рекой на бульваре им. Свердлова 24 портрета составляют Аллею героев, тех, кто вернулся, и тех, кто навсегда остался лежать далеко от родных мест. Сейчас в городе живет 11 Героев Советского Союза и 13 полных кавалеров ордена Славы.

Масштабны планы на будущее. 2 августа 1985 года Совет Министров РСФСР утвердил генеральный план Оренбурга до 2000 года. Согласно этому плану определены два основных направления развития — на северо-восток для промышленного строительства и на восток для жилищного. То есть город так и будет расти вдоль поймы реки, оставаясь городом над Яиком. Наряду с новым строительством и завершением реконструкции бывшего Форштадта, начинается реконструкция кварталов по улице Терешковой, где пока в пределах бывшей Новой слободки и Новой стройки большая часть застройки — малоэтажная. На очереди постепенная замена такой застройки и в других частях города.

Если реконструкция Форштадта и других периферийных по отношению к историческому городу частей не представляет особых трудностей в проектировании, поскольку это фактически новое строительство на территории, освобожденной от старой застройки, то иное дело приведение центральной части в соответствие современным нормам. Здесь сама планировка — памятник истории и культуры, многие здания являются памятниками истории или архитектуры, поэтому необходимо сохранить и архитектурную среду. Важно сохранить и зримые следы крепости, которые еще остались. Необходимо решить целый комплекс проблем, среди которых важное место занимает и транспортная. Все они должны быть решены в проекте детальной планировки центра. Работа над ним ведется «Оренбурггражданпро-

ектом», возглавляет ее архитектор А. С. Иванов.

В тесной связи с проектом находится превращение Советской улицы в мемориальную зону к 250-летию Оренбурга. Им занимается авторский коллектив, созданный в 1982 году по решению исполкома горсовета. В него вошли архитекторы, художники, скульпторы, краеведы. Коллектив составил рекомендации, которые должны стать основой дальнейших разработок. Среди рекомендаций по восстановлению первоначального облика зданий есть предложение восстановить декоративные «водяные» ворота на их последнем месте у старого спуска к реке.

Таков город над Яиком-Уралом накануне своего 250-летия.

Использованная и рекомендованная для чтения литература

- ЦГАДА, ф. 248.
ЦГВИА, ф. ВУА, ф. 349.
ЦГИАЛ, ф. 1399.
ГАОО, ф. 6, ф. 41, ф. 63, ф. 123, ф. 124, ф. 172, ф. 177, ф. 343, ф. 368, ф. 1133, ф. 2282.
ПСЗ, т. VI, VIII, X, XI, XII, XX, XXXVII.
Маркс К. Энгельс Ф. Соч. т. 27.
Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., 1958.
Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. АН СССР, М., 1960.
Архив Брюлловых. СПб., 1900.
Бларамберг И. Ф. Воспоминания. М., 1978.
Большаков А. Советский Оренбург. Справочник-путеводитель. Оренбург, 1924.
Борисов А. Я. Оренбург. Справочник. Оренбург, 1960.
Борисов А. Я. Оренбург. Справочник-путеводитель. Челябинск: ЮУКИ, 1967.
Борисовский Г. Б. Красота и польза в архитектуре. М., 1975.
Весь Оренбург. Справочник. Оренбург, 1937.
Витевский В. Н. Неплюев и Оренбургский край в прошлом его составе до 1758 г. Казань, 1897.
Всемирная история. Т. V, М., 1954.
Галактионов Г. Я. Справочник по городу Оренбургу. Оренбург, 1915.
Город Чкалов, Чкалов, 1939.
Гра А. П. Первая попытка устройства в Оренбурге водопровода.— Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XI. Оренбург, 1903.
Делегату XXXIII Оренбургской городской партийной конференции (Справочные материалы). Оренбург, 1985.
Добросмыслов А. И. Материалы по истории России. Т. 1. Оренбург, 1900.
Дорофеев В. В. Перспектива Ригельмана как источник информации об Оренбурге XVIII века.— Памятники культуры — новые открытия 1985. М., 1987.
Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова.— Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1907. Вып. XVIII.
Злобин Ю. П. Спиглазов Г. В. У истоков государственности Казахстана.— Блокнот агитатора. Оренбург, 1982, № 15.
Злобин Ю. П. «Орлес».— Блокнот агитатора. Оренбург, 1985. № 1.

Зобов Ю. С. Научное изучение Оренбургского края в дореволюционное время (1773—1917). Вступ. статья к указателю литературы «Исследователи Оренбургского края». Оренбург, 1980.

История дипломатии. Т. 1. М., 1941.

История родного края. Челябинск: ЮУКИ, 1976.

Калимуллин Б. Г. Караван-Сарай в г. Оренбурге. М., 1966.

Козлов А. Т. Творцы науки и техники на Урале XVII — начала XX века. Свердловск, 1981.

Крашенинникова Н. Л. Принципы регулярной планировки городов-крепостей России XVIII в. на примере Оренбурга. — Архитектурное наследие. М., 1973, № 21.

Крашенинникова Н. Л. Облик русского города XVIII в. на примере Оренбурга. — Архитектурное наследие. М., 1976, № 24.

Кузьмин А. Г. Татищев. М., 1981.

Ласковский О. История инженерного искусства в России. СПб., 1865. Ч. III.

Лобысевич Ф. И. Город Оренбург. Историко-статистический очерк. СПб., 1878.

Матвиевский П. Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года. Оренбург, 1962.

Матвиевский П. Е. Г. Ф. Генс и его оренбургские записи о русско-индийских связях XVIII — первой трети XIX в. — Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, ЮУКИ, 1966.

Мансуров И. З. Скутин И. Я. Оренбург. Путеводитель-справочник. Челябинск: ЮУКИ, 1977.

Нурмухаммедов М. К. Пушкин, Оренбург и оренбуржцы. Ташкент, 1984.

Неплюев И. И. Записки Ивана Ивановича Неплюева 1693—1773. СПб., 1893.

Очерки истории оренбургской областной организации КПСС. Челябинск: ЮУКИ, 1983.

Пролетарская революция в Оренбурге 1917. Оренбург, 1927.

Райский П. Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург, 1915.

Русский архив. 1902, № 8.

Рычков П. И. История Оренбургская. Оренбург, 1896.

Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.

Рычков П. И. Лексикон, или словарь топографический Оренбургской губернии. — Мильков Ф. И. П. И. Рычков — жизнь и географические труды. Приложение 2. М., 1953.

Рычков П. И. Осада Оренбурга (Летопись Рычкова) в приложениях А. С. Пушкина к «Истории Пугачева». Т. 9. АН СССР, М., 1950.

Рязанов А. Ф. Исторический Оренбург. Оренбург, 1928.

Саликов Д. П. Страницы незабываемых лет. Челябинск, 1977.

Свиньин П. П. Картина Оренбурга и его окрестностей. — Отечественные записки. СПб., 1828, № 99.

Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980.

Соколов Д. Н. Пушкин в Оренбурге. Петроград, 1916.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 26. М., 1965.

Столпянский П. Н. Город Оренбург. Оренбург, 1908.

Табакова В., Федорова А. Первый вуз Оренбуржья. — Блокнот агитатора. Оренбург, 1985, № 18.

Футорянский Л. И. Оренбургу 240 лет. — Блокнот агитатора. Оренбург, 1983, № 5.

Термины и меры длины, встречающиеся в книге Архитектура и строительство

Аттик — стенка, расположенная над карнизом, венчающим здание.

Коробовой свод — свод, построенный на трех дугах, где две боковые значительно меньшего радиуса, чем средняя.

Лопатка — вертикальный выступ на стене, подобный пилястре, но без базы и капители и не связанный правилами ордерной пропорциональности.

Ордер — подчиненная определенным закономерностям построения композиция, состоящая из опор в виде колонн, столбов, пилястр и горизонтальных несомых частей.

Пандус — наклонная поверхность, заменяющая лестницу.

Пилястра — выступ на стене в виде встроеного в нее четырехугольного столба, обработанного в формах ордерной колонны.

Ризалит — выступающая по всей высоте фасада часть стены.

Руст — первоначально: грубо отесанный камень. В последующем развитии рустовка превратилась в декоративный прием и стала выполняться в штукатурке. Также называются широкие швы, разделяющие выступы рустов.

Факверк — постройка, основу которой составляет каркас из балок, стоек, раскосов; ячейки конструкции заполняются камнем, кирпичом или другим материалом.

Фортификация и военное дело

В алганг — верхняя площадь крепостного вала, прикрываемая бруствером.

Г л а с и с — пологая (в сторону противника) земляная насыпь впереди наружного рва укреплений.

К у р т и н а — часть крепостной ограды между двумя бастионами.

Р о к а д а — дорога, идущая параллельно линии фронта.

Ф а с ы б а с т и о н а — два обращенных в сторону противника прямолинейных участка, расположенных под углом друг к другу.

Ф л а н к и б а с т и о н а — небольшие прямолинейные участки, предназначенные для обстрела подступов к соседним сооружениям крепости. Фланк соединяет фас бастиона с куртеной.

Э с к а р п — внутренняя (прилегающая к валу или стене) отлогость наружного рва укреплений.

Меры длины

С а ж е н ь — 2,1336 м. 1 саж. = 3 аршина = 48 вершков = 7 футов.
Ф у т — 30,479 см.

Список сокращений, использованных в книге

ГАОО — Государственный архив Оренбургской области.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический

архив.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда.

Оглавление

От автора	3
ФОРПОСТ	5
«Известная» экспедиция	5
«Трижды зачатая, единожды рожденная твердыня»	11
«Уфортифицирован и снабден артиллериею»	22
Город	31
«Знатный торг»	46
Имена, названия	53
Там, где шли на приступ	60
ОТ РЕКОНСТРУКЦИИ ДО УПРАЗДНЕНИЯ КРЕПОСТИ	71
Проекты и прожекты	71
После трех пожаров	81
В начале века	88
На пути к цивилизации	99
Строительство	112
Памятные места. Т. Базинер об Оренбурге	126
Последние годы крепости	141
В ГОДЫ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА	149
Промышленность	149
В борьбе с пожарами	157

Проблемы	163
Городское самоуправление	172
Просвещение и культура	181
Архитектура	188
Перед революционной бурей	191
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД	202
За власть Советов	202
Столица Киргизской АССР	212
Первые крупные стройки	217
Оренбург областной	227
«Все для фронта, все для победы!»	233
Город конца 40-х и 50-х годов	236
«Шаги саженьи»	244
Наш Оренбург	257
Использованная и рекомендованная для чтения литература	265
Термины и меры длины, встречающиеся в книге	267
Список сокращений, использованных в книге	268

Виктор Васильевич Дорофеев

НАД УРАЛОМ-РЕКОЙ

Редактор Ю. А. Павлов
Художник В. Н. Чесноков
Цветные фотографии
В. И. Верстукова и Л. Н. Шерстенникова
Репродукции с открыток В. И. Горячка
Рисунки, чертежи В. В. Дорофеева
Художественный редактор В. Г. Витлиф
Технический редактор О. Я. Понятовская
Корректор С. А. Кулакова

ИБ 1599

Научно-популярное издание

Сдано в набор 16.02.88. Подписано в печать 21.06.88.

ФВ 00026. Формат 70×108/32.

Бумага тип. № 2.

Гарнитура литературная.

Печать с фотополимерных форм.

Усл. п. л. 11,9+вкл. 0,7. Усл. кр.-отт. 14,7

Уч.-изд. л. 13,01.+вкл. 0,51.

Тираж 25 000 экз. Заказ № 739.

Цена 85 к.

Южно-Уральское книжное издательство,
454113, г. Челябинск, пл. Революции, 2.

Оренбургское отделение.

Полиграфическое объединение «Книга»

Челяб. обл. управления издательств,
полиграфии и книжной торговли,
454000, г. Челябинск, ул. Постышева, 2.

Д69

Дорофеев В. В.

Над Уралом-рекой.— Челябинск:
Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988.— 272 с. 16 с ил.

ISBN 5—7688—0070—0

Оренбург в течение полутора веков был центром связей России с народами Казахстана и Средней Азии. Это наложило своеобразный отпечаток на облик города. Книга основана на архивных документах и научных исторических публикациях дореволюционного и советского периодов. В ней рассказывается о прошлом, настоящем и будущем города, истории его застройки.

Рассчитана на широкий круг читателей.

Д 4902030000—051 69—88
M162(03)—88

ББК 63.3(2P36)